

Светлана Гамаюнова
Сказки птицы Гамаюн

ПТИЦЕДЕВА

Харьков 2016

Как принято, в некотором мире, юные принцы отправляются в дорогу мир посмотреть, невест поискать. Так и сделали два брата. Домом им становятся, сосновые ветки и плащ, расстеленный просто на земле, костер, да еще новый спутник рядом. Страшненький жуть какой на вид спутник — паренек и очень необычный. Прошлого не помнит считает, что Лес ему отец, а мать Дорога, дружит с мавками и русалками. В путях- странствиях выясняется, что и не спутник — это вовсе, а спутница. Многое случается в дороге: в тереме Марьи Искусницы смертельная опасность ожидает и не просто оттуда выбраться живым; Елена Прекрасная — прекрасна, да только нужно ли ее освобождать? Да много еще чего случается. Любовь, например, но как ее на двоих разделить, когда девушка одна, а их двое? Боги этого мира тоже в свои игры играют непонятные и боги ли они?

Сказки птицы Гамаюн. Птицедёва

Начало пути. Лотта

Михел с осёдланными лошадьми и нашими пожитками ждал меня на краю леса, как мы и договаривались. Я ещё раз умылась в ручье, заплела волосы в тугую косу, но выглядела, скажем прямо, не очень.... Что только про меня Ха подумает? Нам с ним ехать и ехать. Это была самая простая и безобидная из мыслей, что проносились в голове.

— Да пусть думает, что хочет, — сказал внутренний голос, — после того, что ты про себя сама думаешь, все остальное — ерунда.

Посмотрела на Ха и самозабвенно соврала:

— Извини, я несколько странно себя чувствую сегодня, ты пока на меня не обращай внимания.

Сказала, а к горлу подкатил комок. Приказала себе: только не рыдай, Лотта. Постаралась вдохнуть глубже, но поняла, что дышать совершенно нечем, комок застрял в горле и никуда не уходит, готовясь прорваться наружусудорожным всхлипами. Но как заговор повторяла себе — все правильно. Все так, как нужно. Это правильно, что я уезжаю сегодня, это верный поступок. Правильно, правильно, так и должно быть, он принц, а я пусть теперь и не уродина, но и не принцесса, и у меня своя задача, а он....

Смотрю на происходящее со мной как будто со стороны. Смотрю, как стискиваются зубы так сильно, что кажется, они просто готовы рассыпаться в пыль. Как холод вьюгой врывается в сознание ЧТО? разрывает лёгкие, не позволяя спокойно дышать, как хочется плакать, как жалко себя, Хи, нас. Жаль, что все кончилось, практически не начинаясь, и пусть он обещал ждать, но я уйду в никуда и, наверное, надолго. Смогу ли вернуться и нужно ли возвращаться?

— Ха, я тут в кусты, — шёпотом, чтобы не напугать парня подкатившими слезами, сказала я, — ты подожди меня немного, а лучше поезжай вперёд, я догоню.

Спрыгиваю с лошади, ныряю в кусты и отбегаю куда глаза глядят, пока не спотыкаюсь о какую-то корягу и падаю прямо на неё, содрогаясь в рыданиях. Потеряла счёт времени, слезы и сопли размазывались по траве, на которую я сползла и рыдала, рыдала, рыдала. Вздрогнула, когда сильные руки подняли с земли, и ладонь прошлась по волосам.

— Лотта, не знаю, что произошло у вас с Хи, только не плачь. Хочешь, мы вернёмся, вы поговорите и все уладится?

Вкус слез постепенно исчез из онемевшего рта и мой взгляд испуганно остановился на спутнике.

— Извини за истерику, все сразу навалилось, а я не могу осознать ..., — и замолчала.

Ха взял меня за плечи, прижал к себе, уткнулся лбом в макушку и с нескрываемой нежностью сказал:

— Такая непривычная, отчаявшаяся и заплаканная, просто совсем не ты. Лотта, наша Лотта — всегда такая сильная, рассудительная, сдержанная, а эта почему-то раскисла, — тихо приговаривал Ха и гладил меня по голове. — Но ты справишься, не хочешь

рассказывать, от чего тебе так горько — и не надо. Но знай: я тут недалеко от тебя, просто еду рядом. Поехали, дорога лучше, чем кто-либо утешит тебя, путницу, поехали.

Я встала, вытерла глаза и нос и молча вернулась к лошади. Весь день мы молчали, я больше не плакала вслух, но слезы текли внутри меня — невидимые, но такие горячие девичьи слезы.

Вечером костёр разводил Ха. Тихо завернулась в плащ и легла по другую сторону огня, в стороне от него. Он не сказал ни слова, сидел и смотрел на звезды. Большая Медведица грустила вместе с нами, и ее звезды тихонько перемигивались и что-то обсуждали. Может, и нас. Шелестели верхушки деревьев, а мы думали каждый о своём. Не так я представляла начало нашего нового пути, вовсе не так.

Забыть, что было вчера?

Ночью, как ни странно, спала крепко, но под утро снилось мне что-то непонятное: голоса, которые, радостно переговариваясь, звали к себе. Вспоминалось все смутно, но осталось впечатление, что не запомнила, пропустила что-то важное. Когда открыла глаза, солнце уже встало, и ветер гулял в верхушках деревьев, раскачивая и срывая жёлтые листья клёнов, которые опускались на землю и на мой плащ как небольшие птицы. Вставать не хотелось. Почувствовала, как по лицу что-то ползёт, вынула руку и взяла букашку. Красная божья коровка, возмущённо шевеля усиками, побежала по ладошке, перебежала на вытянутый палец и полетела на «небко». От такой простой радости почему-то на душе посветлело. Улыбнулась. «Я ведь тоже могу летать, только надо научиться управлять крыльями, — мелькнуло в голове. — Вот и улечу на этот Буян, подальше от всех, забуду все, что было вчера, и стану птицей, а не девой». «И от себя тоже улетишь? — спросил ехидный внутренний голос. — А как же договор с Макошь? Ха тоже домой отправишь? Благо дело, недалеко отъехали». Вот тут я вспомнила о Ха и резко повернула голову в его сторону. Парень как будто и не ложился, сидел перед костром, заваривая чай, и смотрел на меня. Ветер шевелил тёмные волосы, и на фоне золото-красной листвы они казались ещё темнее, а глаза — ещё более грустными. Увидев, что я смотрю на него, произнёс:

— Ты такая красивая, просто не верится. Хотел бы я быть этой божьей коровкой, чтобы касаться твоего лица. Зачем ты стала такой красивой?

— Не знаю, самой не нравится, непривычно, да и без надобности это, все такое... слащавое, что ли, чрезмерное. Хочу быть прежней Лоттой, — пробурчала я и начала подниматься с земли.

— Нет, что ты, пожалуйста, оставайся такой, — с испугом проговорил Ха, — ты даже с красным носом и опухшими глазами необыкновенно красивая. Не могу оторвать взгляд от тебя. Как же ты мне нравишься!

Только выяснения отношений с Ха мне не хватало. То, что у нас с Кареном случилось, пережить не могу, как с этим жить — не знаю, а тут ещё Михел со своей романтикой. Нельзя думать об этом, нельзя.

Попыталась настроиться на дорогу, и это немного помогло. Я слышала ее тихий голос: «Ты моя, ты путница. Поезжай вперед. Я тебя не подведу и не оставлю, буду стелиться лентой, не петлять, постараюсь не пылить лишнего, не подпустить лихих людей. Все для тебя, доченька. Оставь прошлое в прошлом, живи сегодняшним, если прошлое догонит — будешь с ним идти, а пока вперед, Лотта, вперед». От ее слов стало чуть легче. «И правда, —

подумалось, — что я могу изменить сейчас? Пути назад нет, надо ехать на Буян с Ха, учиться летать, учиться жить в новом теле и многому учиться и понимать». И опять слова матушки: «Поднимайся, Лотта, — и в дорогу, я зову тебя».

Я чувствовала этот зов, он будоражил кровь, укреплял мои ноги, зачаровывал и манил неизведанным, еще не виданным; тягой к горизонту, который то появлялся, то пропадал, когда мы въезжали в лес, но всегда был впереди и звал к невидимой цели. «Люблю тебя, матушка-дорога», — поблагодарила я ее за поддержку. «Ты не одна, помни», — будто пропела она. «Ты не одна», — слышались в шелесте деревьев еще и слова отца. Он тоже решил подбодрить и шептал: «Я согрею и ободрю тебя во сне, когда ты будешь ночевать в лесу; дам пропитание, припасу лучших дров, а духи леса будут петь тебе колыбельную, ведь ты — мое дитя». Я встала и почувствовала прилив сил, подаренных мне дорогой и лесом, обрадовалась их словам и подумала: «Хватит себя жалеть, ты сможешь. Если не ты, то кто?»

Только мысль, что Карен с каждым шагом становится все дальше и дальше, обжигающей болью стискивала сердце. «Прости меня, Хи, постараюсь не обмануть тебя, да и себя тоже». Все проверяется и решается расстоянием и временем. Поэтому махнула рукой и сказала Михелу:

— Что-то не слышу от тебя слов: «А что новое нас ждет впереди?» И что день солнечный, листья желтые, небо синее и дорога ровная. Мне нужен твой оптимизм, Ха, и ты мне нужен. Прости за истерику. Постараюсь, чтобы она не повторилась, только почаще говори, что я сильная, а то я забываю. И давай сделаем так, чтобы все было, как раньше.

— Я постараюсь. Слово принца, — хмуро сказал Ха.

Совсем чуть-чуть дороги

Совсем чуть-чуть дороги — это три недели, таких сложных для меня недели. По утрам я тренировалась в полетах, уже научилась разворачиваться, умело маневрировала между препятствиями, но быстро уставала; мышцы-то были не разработаны и я быстро уставала.

Сейчас мы передвигались по озерному краю, и в каждом из озер отражалось осеннее небо и облака, березы и сосны, ели, перелетные птицы, и поэтому реальность как будто раздваивалась, живя и воздухе, и в воде. Дубравы остались позади, уступив место березнякам, которые перемежались с ельниками. Эти леса, такие разные, рождали разные эмоции. Если солнечные, будто улыбающиеся березняки дарили свет и радость, то хмурые таинственные ельники настраивали на мистический лад и везде мерещились фигуры лесной нечисти. Но лес оберегал меня. Мы не застревали в болотах, находили в них тропки, на берегах озер и рек, что преграждали путь, всегда находились люди, которые помогали нам, перевозили через возникшие препятствия. По дороге встречали множество зверья и птиц. Однажды несколько зубров подошли совсем близко к нашей стоянке. Сначала я немного испугалась того, что эти огромные животные могут растоптать нас, охраняя своих детенышей, но они спокойно поедали ветки подлеска, совершенно не обращая на нас внимание. Только когда мы разожгли костер, они вальяжно прошествовали вглубь леса. Иногда мы останавливались в деревнях и даже маленьких городках. Я больше не стеснялась общаться с людьми, могла спокойно поговорить с посетителями постоянных дворов и с другими людьми, с которыми сводила нас дорога или совместный ужин. Они, такие разные, отвлекали меня от раздумий и воспоминаний о Карене.

Еще меня занимала проблема: как мне научиться жить и чувствовать себя нормально в

новом теле, так как в этом новом прекрасном теле я чувствовала себя неудобно. Новое тело было не только слабее прежнего, но и очень капризным: оно уставало в дороге, все время хотело спать, не могло спокойно лежать на земле, ему было жестко и неудобно. Еще эти сны: в них меня поздравляли с чем-то, говорили, что счастливы, что ждут, и чтобы я приезжала быстрее. От недосыпа накатывала апатия и раздражительность. Утром вставала с трудом, разбитая, рассеянная и сердитая. Порой даже есть не хотелось. Я похудела и осунулась. Только полеты возвращали меня к жизни.

А еще смущали отношения с Михелом. Сильный, слишком пристальный интерес у него ко мне. Это проявлялось во всем: он старался оказаться ближе ко мне в любой удобный момент (подсадить на коня, хотя я могла сделать это самостоятельно), смущал постоянным касанием рук, при котором я вздрагивала, а он старался задержать руку в своей подольше и смотрел как-то особенно. Ведь они раньше оба мне нравились, надо было решиться и обсудить ситуацию, но я тянула время и все откладывала необходимый разговор. Получив слово принца, что все будет, как прежде, я оттянула время выяснения отношений, но только оттянула. Я должна была ему все рассказать о наших отношениях с Кареном, отправить его домой и ехать дальше, но мне было страшно непривычно и сложно в новом теле, да и путешествовать в одиночестве я не привыкла. Был вариант попросить Ветра отнести меня поближе к острову Буяну, а уж как на него попасть, я бы решила сама. Но даже во время недолгого пребывания у Микулишны я поняла, что соскучилась по дороге, смене мест и новым впечатлениям. И главное, мне было нужно время, чтобы осмыслить изменения в жизни и привыкнуть к ним. Поэтому я медлила, оттягивая прояснение ситуации. А еще, хоть я и боялась себе в этом признаться, мне хотелось внимания Михела и хотелось пусть не интимных отношений, которых я теперь боялась, как огня, но хотя бы ласковых прикосновений и ненавязчивого тепла тела, прижимающего меня к себе ночью, чтобы согреть. Раньше на ночные обнимашки никто не обращал внимания, во всяком случае, смущало это меня только год назад в самом начале нашего пути, когда я еще мальчика из себя представляла, а принцев, видимо, — только первое время, когда поняли, что я девушка. А потом все осознали, что спать на холодной земле, сильно прижавшись друг другу, гораздо комфортнее, и я спокойно засыпала в дружеских объятьях. Только во время возвращения домой, когда лето вошло в свои права, я спала отдельно — жарко было, но теперь... Листья с деревьев почти опали, холодные дожди все чаще заставляли нас в пути, изо рта шел пар и, как бы ни были теплы наши плащи и сделанные из лапника постели, спать в одиночку было холодно. Прижимаясь к Ха, я ощущала его тщательно скрываемое желание, поутру просыпалась в кольце его рук, да и сама засыпала, уткнувшись в теплое плечо носом. Я слышала его тихие вздохи, пока не проваливалась в сон, и мне это было приятно. Как я ни корила себя, но со мной что-то происходило непонятное и неотвратимое. Сначала я старалась чаще ночевать на постоянных дворах, специально делая крюк по дороге, чтобы мы смогли переночевать в отдельных комнатах, но потом поняла, как нужны мне эти ночевки, эти прикосновения, только не секс — это было табу. Я понимала, что, принимая эти незаметные ухаживания, сама накручиваю парня и подталкиваю его к более серьезным шагам, но ничего не могла поделать. Гормоны — ужасная вещь. И если бы не внутренняя ответственность перед Кареном, то отношения с Ха, безусловно, разворачивались бы в определенном русле. Но я держалась и днем не давала Ха никаких надежд, но ведь существовала еще ночь. А они с Хи были так похожи. «Все-таки физиология физиологией, а голова-то у меня на плечах есть, — уговаривала я себя, — с этим надо как-то разбираться».

Но конструктивных мыслей в голове не появилось. Как мне быть, что делать? Все это так неправильно. Помоги мне, Макошь! Но помогла мне не она, а другая женщина, и как!!!

Михел

Лотта еще спала: маленькая, красивая, нежная, желанная. Она безмятежно прижималась ко мне, вздрагивающие ресницы показывали, что она скоро проснется, опять упорхнет в свои мысли и отдалится от меня. А сейчас я, как дурак, пялился на такое прекрасное лицо и не мог не приобнять ее покрепче хотя бы спящую, такую неприступную днем и беззащитную и близкую ночью. Моя мука и мое счастье. Я не знаю, что случилось у них с Хи перед отъездом, она не рассказывала, но обкусанные губы невозможно было не заметить. И еще она очень из-за этого переживала. Эти ее рыдания в первый день пути нарушили все мои планы. Я пообещал, что все будет как раньше, что дам ей привыкнуть к своей проявившейся сущности, не буду проявлять свои чувства. Но чего это мне стоило! Вот думаю нарушить обещание, просто не могу так больше. И она не чувствует ко мне неприязни. Вот только что у них с братом? Хи не мог ее обидеть, слишком сильно и давно она ему нравилась. Еще на постоялом дворе я немного удивлялся, когда понимал, что он странно смотрит на Лотту. Мне и самому было крайне неприятно, когда Ветер увез ее с собой, но Хи просто безумно ревновал, а после того, как ее почти неживую вернули от Мораны и он не отходил от нее ни днем, ни ночью, я понял, что она ему нравится, и не просто нравится. Не буду врать себе: я часто подражал старшему брату. Когда он обращал на кого-то из фрейлин внимание, эта фрейлина нравилась и мне. Желание поехать посмотреть мир было обоюдное, но пришло оно сначала в голову брату. Я был в чем-то его тенью, подражателем и сейчас, осознавая это, хотел стать самим собой, и мне нужна была Лотта. Все-таки что у них с Кареном? В конце прошлой поездки Хи уже серьезно думал, как признаться Лотте в том, что он к ней совершенно равнодушен. Хи всегда был серьезнее меня, это и понятно — наследный принц, и его поступки не могли быть совершенно безответственными. Вспоминалось, какова завшился дома и потеряв возможность видеть Лотту, Хи просто не находил себе места, в конце концов решил объясниться и сделать ей предложение. Его больше не смущали ни ее внешность, ни происхождение, он скучал и мог действительно думать только о ней, говорить со мной о ней, мечтать о ней. Я тоже скучал, вспоминая ее — такую непосредственную и в то же время такую загадочную; понимал, что она нравится мне. Но ее внешность, не буду перед собой лукавить, немного смущала меня. Да, я всегда был эстетом, и мне нравилось все красивое. Хи говорил, что надо смотреть в суть вещей, но разве красота — это не суть? А потом бал, это чудо, эти туфельки и эта поездка. Мне выпало счастье видеть и быть рядом с самой красивой девушкой на планете. Ни Елена Прекрасная, ни Василиса не могли сравниться с ней красотой, возможно, только эта странная Лилит с ее надменной, неземной внешностью могла затмить ее. Непонятно, зачем она так звала меня с собой тогда, у Кощея? Но Лотта ...она настолько лучше — она живая, и она тоже сказочно красива. Как жаль, что я не умею рисовать, я запечатлел бы на холсте каждый миг ее жизни, каждое движение. Эти ее полеты, крылья, как она двигается, как ходит, как улыбается. Все в ней прекрасно: ее мягкие и шелковистые волосы, чуть приоткрытые губы, созданные для поцелуев, длинные ресницы — все идеально. Что мне делать? Надо поговорить с ней, может, ну его, это слово принца? Как можно вытерпеть эту муку: быть рядом и с ней — и не с ней?

Лилит

Этой ночью мы ночевали в небольшой деревушке. Хозяйка пустила меня в хату, а Михела отвела спать на сеновал. Мы ведь не представлялись как муж и жена, говорили везде, что просто едем вместе в один из городков, названия которых меняли по мере их проезда. Этой ночью мне опять спалось плохо. Не могла заснуть, мучило предчувствие, что все должно измениться, и очень сильно. Сама себя успокаивала: да каждый день все меняется — леса, озера, поселки, только мы вдвоем едем вперед, и это пока неизменно. Как же я ошибалась! Еще не знала, что нас ждет то, что изменит и опять закрутит события невероятным образом.

Утром проснулась рано, солнце только начало согревать тронутую легким морозцем траву. В голове промелькнуло: хорошо бы добраться на Буян до снега, а то зима на носу. С утра полетать не могла (не возле деревни ведь это делать). Вот отъедем, тогда... Решила проведать, как там Михел, может, тоже проснулся, тогда нечего ждать, перекусим и поедем. Твердым шагом направилась к месту его ночевки и тут....

На лесенке, что вела на сеновал, сидела самая невероятная женщина, которую я когда-либо встречала. Даже на кривой приставной лесенке и с соломой в волосах я увидела царицу. Тихо ахнула:

— Лилит, Вы что тут делаете?

— Тебя жду, не иди же мне в таком виде в хату, не поймут.

У меня ее появление здесь совершенно не укладывалось в голове. Зачем, почему, каким образом? «Что ей от нас надо?» — пронеслось в голове.

Лилит скривила губы и засмеялась.

— Не удивляйся, хочу с тобой просто поговорить, и давай без лишних экивоков: мы с тобой теперь почти родственницы.

От ее слов у меня волосы зашевелились на голове, а Лилит снова засмеялась.

— Садись, родственница, поговорим — есть о чем, поверь.

Потом помолчала, решая, видимо, с чего начать, и сказала:

— Я меньше всего хочу, чтобы ты сейчас грохнулась в обморок от того, что узнаешь, так как вижу — ты ни о чем не догадываешься. Слишком молодая и неопытная, ничего не знаешь о жизни и о себе, вернее, ничтожно мало знаешь. Поверь, я это не потому говорю, что хочу тебя обидеть, а потому, что не знаю, как тебе все рассказать.

— Я не дура, — почему-то обиделась я, — говори, пойму.

— Конечно, не дура, — опять засмеялась Лилит. — Сложно быть дурой, слишком много конкуренток. Ты просто глупая девочка, на которую хотят взвалить слишком большую ношу, не пойму — почему, и сейчас как будто проверяют, сколько ты сможешь вынести и не сломаться. Самой интересно. А то, что я сделала, возможно, облегчит тебе одну из задач. Заберу Михела себе. Возражаешь?

И Лилит лукаво посмотрела на меня, облизывая обкусанные губы.

«Так она целовалась с Михелом», — ахнула и даже присела от зародившейся мысли.

— Так ты и Ха... и зачем? — пролепетала я.

— Захотелось.

Она опять замолчала, ожидая, чтобы я переварила полученную информацию.

— Я всегда получаю, что хочу, а сейчас я захотела этого мальчика — и получила.

— Но как? — вырвалось у меня.

Вот, оказывается, как трудно отдавать то, что считала своим, ведь видела, как он все время влюбленно смотрит на меня и, хотя понимала, что и сам не гам, но почему-то не хотелось отдавать другому или, вернее, другой, тем более Лилит.

— Да просто обернулась тобой и привалилась под бок, он решил, раз ты пришла на сеновал, когда могла ночевать в хате, значит, решила быть с ним. Он об этом так мечтал. А там уж сама понимаешь, никто не стал выяснять подробностей — ты это или только твой образ, не до разговоров стало.

Расширившимися от ужаса глазами смотрела на эту стерву. Она еще и мной обернулась. Вот дрянь.

— Да, стерва и дрянь, не скрываю. Могу оборачиваться любой женщиной. Помнится, даже в историю вошла, когда обернулась Царицей Савской и совратила какого-то там бедняка из Вормса, было дело.

По-моему, у меня от ужаса даже глаз задергался и я тихо спросила:

— Тебе Марка было мало? Вы ведь вроде вместе улетели. Или ты ему разонравилась, что пришлось на такую подлость идти, другой прикидываться, чтобы с парнем переспать?

— Лотта, душка, не пытайся меня оскорбить, это практически невозможно. Марк обожает меня. Как говорится, он «готов целовать песок, по которому я ходила». И запомни, — она прошипела почти зло, — мужчины не бросают меня. Бросаю или оставляю, называй, как хочешь, только я. И вообще, если бы собрать все скупые мужские слезы, которые были пролиты в расставаниях со мной, они бы наполнили целое море. Ах, сколько их было — мужчин, воспоминаний, образов и историй, быстро подошедших к концу. Ты думаешь, я их жалею? Отнюдь. Им было что вспомнить в конце их часто никчёмной жизни. И сколько их, шептавших в старости и на смертном одре: «Спасибо, что ты была в моей жизни, Лилит, ты лучшее, что случилось со мной. Я так и не смог забыть тебя, мое чудо». Или что-то в этом роде, имеются варианты. А я сама вспоминаю немногих из тех, кто были в моей жизни. Помню только достойных мужчин. Они были разные — великие правители и простые воины, поэты, но в них был огонь, и мне это нравилось. К сожалению, огонь в людях горит не так часто. А Михел — он просто мне понравился тогда, у Кошца. Так смешно противился моей силе, Марк сразу подчинился, а этот продержался. И поэтому решила пойти другим путем, да и просто потянуло на мальчиков, как ни смешно. Такой чистый, горячий, не испорченный, так желал тебя, так нежно целовал. Скажу, что и любовник он не плохой, могу тебе посоветовать попробовать, я не жадная. Тебе сейчас полезно.

Я аж подпрыгнула от ее замечаний и чуть не свалилась с лестницы, на которой мы сидели. Вот еще чего не хватало! Михел не игрушка. И что же теперь будет?

— А еще хотела кое-то получить от него и, думаю, получила. Точно получила.

Она положила руку на живот и как будто прислушалась к себе, а потом продолжила:

— Это чувство меня никогда не обманывает, слишком много раз повторялось. Вот захотела и получила.

— Что с Михелом, он что, спит?

— Да, маленькая, заботливая наша. Спит и, думаю, у нас еще есть немало времени для некоторого разговора, тебе нужно это узнать.

— Что узнать и что ты получила от Михела?

— Ребенка, Лотта, девочку, хочу ее родить и в роли отца выбрала Михела.

У меня не было слов. Вот так просто захотела, решила, прилетела. Совратила Михела,

использовав меня как приманку для своих целей. Люди игрушки, а то, что им больно будет от этого, не считается. Как он будет себя чувствовать, если узнает, что он отец ребенка? Может, она и не скажет?

— Лотта, не стоит меня ненавидеть. Да, я беспринципна и эгоистична, потому что, в отличие от Адама и Евы, не ела яблоко с Древа Познания Добра и Зла, как я говорила вам раньше. Я живу желаниями, но головой тоже думаю, и даже лучше, чем многие. Я рассчитываю многие свои поступки, и то, что я сделала сейчас, я сделала расчетливо и обдуманно, но не отрицаю, что первичным было желание, возникшее еще у Кощея, — совратить мальчика. Ну понравился кареглазенький.

— Почему тебя не устраивал для этой цели Марк — он красивый, высокий, сильный, правитель, а Михел еще мальчишка, даже я это чувствую?

— Скажу, не злись. Постарайся без эмоций выслушать, что я тебе расскажу.

— Легко тебе говорить. А что Михел подумает обо мне, когда проснется, как мы будем дальше ехать, как ты себе это представляешь? — почти прокричала я. — Какой ребенок, ты только провела с ним ночь, как ты можешь знать?

— Как могу знать? Вот если забеременеешь еще раз, тоже поймешь быстро, что ждешь ребенка. А у меня огромный опыт, такого нет ни у кого, так что я сразу поняла. Мне нужно родить. Бог Единый и Сущий, создавая нас с Адамом, сказал — плодитесь и размножайтесь. Это его первое наставление нам, первым людям, и оно действует, как закон, над которым я бессильна. Я просто не могу нарушить эту заповедь, как бы ни хотела избавиться от этой ответственности. Я десять лет просидела в своем имении с кошками и собаками, размышляя о Боге, сущности бытия, просто стараясь забыть прошлое, и когда Кощей меня пригласил к себе, поняла, что опять должна родить. Но знай: душа ребенка тоже выбирает родителей, и Марк ей, моей девочке, почему-то не подошел. Хотя он неплохой человек и правитель и, вероятно, был бы ей хорошим отцом, но она не захотела. И тогда я вспомнила про Михела, не просто же так я сама к нему потянулась. Что-то привлекло. Что моей дочке надо — не знаю, почему Михел — не знаю.

— Да какой из Михела отец, он весь в мечтах о прекрасном живет. В меня тоже влюбился потому, что нравится ему все красивое.

— Значит, что-то было нужно, ей виднее.

— А как же вы будете ее воспитывать? Михел что, теперь должен жениться на тебе? Как ты это себе представляешь?

— Что за глупость — жениться, зачем мне это? И почему ты решила, что я буду воспитывать девочку? Бог сказал: плодитесь и размножайтесь, а не воспитывайте и обучайте. Не люблю воспитывать, это так ответственно. Вот Михел пусть и воспитывает, а если не захочет, я найду, где ей будет хорошо. Мои дети не пропадают от недостатка внимания, правда, я слежу.... Иногда.

— Так ты еще хуже, чем я думала! Я думала, тебе нужен ребенок, ты будешь с ним возиться, смотреть, как он говорит первые слова, учится, а ты!!!

— Посмотрим, как ты будешь воспитывать и еще обрадуешься ли, когда узнаешь, что они должны родиться. Не спеши осуждать. Не дана мне радость воспитания. Вот как забеременею, хожу счастливая девять месяцев, рожая, кормлю, а когда дитя немного подрастает, меня начинает тянуть к мужчинам, к жизни, не могу сидеть и сопли вытирать. Правду говорю, не скрываю. Относись ко мне, как хочешь.

— А как же теперь Михел? Ты ему сказала, что с ним была не я?

— Думаю, в конце он и сам догадался, я на него сейчас сон наслала, чтобы мы могли поговорить, не нужно его сразу в наши дела вмешивать.

— Лилит, но это и его дела теперь?

— Лотта, я не обычная женщина, я сама привыкла все решать, не дожидаясь ценных указаний. Сама рожаю, сама отвечаю. Трудности закаляют, а мои дети умеют с ними справляться. Поверь, для дочки найду нужного воспитателя, никогда в этом не ошибалась, да и думаю почему-то, что ты мне в этом понадобишься. А мне Михел самой сейчас понадобится, думаю забрать его с собой.

— Как забрать, а он захочет?

Потом растерялась и просила:

— А я как же?

— А ты поедешь к теткам, они тебя, поди, заждались, вот обрадуются! И думаю, тебе надо поторопиться — холодно. А одной тебе ехать не придется, особенно в твоём положении.

«Про мое положение мы еще поговорим», — подумала я. А вот судьба Михела меня сильно волновала.

— Лилит, а зачем он тебе нужен? Ну зачем ты ему жизнь будешь портить? Поиграешь и забудешь.

— Лотта, мне в моем положении нужен мужчина рядом, добрый и ласковый. И желательно отец ребенка, чтобы дочка в утробе матери чувствовала заботу именно отца, она же не простой ребенок, а моя дочь, будущая особенная, сильная, умная, красивая женщина. Особенная женщина, повторю еще раз. Михел подходит, а ко мне он привяжется, гарантирую, уже повязала; секс — великая сила, тем более со мной.

Я грустно опустила голову. Вот так — Михел попал к ней в игрушки. Сначала Марк, теперь Михел, и мне было безумно его жалко, все-таки мы столько времени провели вместе, так приятно было осознавать, что он рядом, что влюблен в меня, а не в какую-то Лилит. Внутренний голос явственно пожурил: «А чем ты лучше Лилит, тоже ведь мучаешь его и быть с ним точно не собираешься, сама используешь парня, даешь своим поведением надежду, портишь ему жизнь, за что же ее осуждаешь?» — и стало очень стыдно.

— Лотта, я заберу его на Землю, и ему там будет интересно. В суете нового мира, в котором все не так, как здесь, точно есть место для Михела с его тягой к прекрасному и возможностью его запечатлеть. Там ему будет легче понять, что не ты его судьба.

— А ты, значит, его судьба? — обиженно посмотрела на Лилит.

— Конечно, нет. Но я пробуду с ним некоторое время и помогу освоиться и найти призвание. Он явно одарен, я чувствую в нем талант, не просто так меня к нему потянуло. На обычных бесталанных людей я не обращаю внимания. Но ему нужна опора в новом мире, а я способна ему ее дать. Тебе она понадобится тоже, думаю, что и тебе смогу быть полезной, особенно в твоём положении. А судьба, какая она, Лотта? Кто ее видит, человек даже не может внятно понять, чего он хочет, особенно в начале жизни? Если человек знает, чего хочет, он или мало знает, или мало хочет.

«Ненавижу», — мелькнуло в голове, и в это время перед нами возникли две мужские фигуры.

— О, — произнесла Лилит, — возле сеновала становится тесновато. Знала, что ты появишься, но не так быстро. Привет, Чейндж, и тебе привет, Лаки.

Перед нами действительно появился Лаки, Ветер Удачи, и еще один из ветров, очень

красивый. Он с восхищением и какой-то скрытой тоской смотрел на Лилит, совершенно не замечая меня. Потом взял ее руку, коснулся нежных пальцев, поцеловав их по очереди, и грустно произнес:

— Чем они так тебя привлекают, Ли, чем я хуже, почему опять не я? Я столько лет жду тебя.

Лилит, как ни странно, засмушалась и с нескрываемой нежностью посмотрела на парня.

— Ты же знаешь, я боюсь твоего непостоянства, боюсь проснуться в постели с младенцем или стариком в зависимости от твоего настроения. И ты всегда так занят, а я ветреная, похлеще ветров.

Парень печально смотрел на Лилит, продолжая удерживать ее руку.

— Ты единственная, кто не меняется на планете, Ли, — капризная, ветреная, самая прекрасная и желанная. И ты знаешь, что мои чувства к тебе не меняются, как там меня не называют. Скажи, у меня когда-нибудь будет шанс?

Я затихла, наблюдая эту сцену. Эти двое очень странно себя вели. Лилит вдруг покраснела и произнесла:

— Чейндж, я боюсь связываться с бессмертными, это так обязывает, не торопи меня.

— Ли, я жду тебя очень давно, и лишь изредка ты нисходишь до меня. Тебе так плохо со мной?

— Чейндж, тут так много посторонних глаз, да и душа моей дочери опять выбрала смертного; прости, — и Лилит опустила глаза.

— Но ты даже не попробовала. Почему не позвала, когда появилась потребность родить, почему, Ли?

В глазах Ветра Перемен(а я поняла, что это он) отражались боль и отчаяние.

Ветер шагнул к ней и, нежно обняв за плечи, прижал к себе:

— Не волнуйся, у нее будет чудесная судьба. Мы прибыли вместе с Лаки, а он подогнал ей удачу. Она будет красивой, как ты, и жизнерадостной, оптимистичной, как Михел.

Они так и стояли, обнявшись. Я посмотрела на улыбающегося Лаки: он смотрел на меня восхищенно и радостно.

— Я тоже рада тебя видеть, Лаки. В этом сумбуре и ненормальности ты единственный, кто дает мне ощущение, что мир еще не сошел с ума и твердо стоит на том, на чем стоял.

— Так ты не знаешь? — вдруг ахнул Лаки. — Действительно не знаешь? — произнес он растерянно.

— Чего не знаю? — тут раздражение на сложившуюся ситуацию выплеснулось наружу. — Что Лилит под моей личиной соблазнила Михела, он стал отцом ее дочери и мне трудно представить, что теперь будет с ним, да и со мной тоже, как мне себя вести и что делать; как помочь ему и себе, и теперь неизвестно, как добираться к родственникам? Что я не знаю? Что от меня хотят боги и конкретно Макошь, вернее, что за роль они мне придумали? Да что еще я не знаю??? — я почти кричала, так все творящееся вокруг вывело меня из себя.

— Ты беременна, Лотта, и родишь предназначенную мне, такую долгожданную, ту, которая полюбит меня, ту, которую мне обещали Велес и Макошь. Это произойдет, я теперь знаю точно, это она.

Тут мне совершенно поплохело, голова закружилась, и я начала медленно сползать на землю.

Очнулась я на руках у Лаки, а Лилит подавала мне воду.

— Выпей, — спокойно сказала она, — я хотела как-то подготовить тебя к восприятию такой сложной вести, пыталась намекнуть ненавязчиво, но мужчины, в том числе ветры и особенно Лаки, безрассудные торопыги. Вечно спешат и не думают о последствиях.

«Лучше тебе было и не приходить в себя», — прошептал внутренний голос. Не хочу это знать, не хочу этого, это просто невозможно. Действительность в лице этих трех особ, что пристально смотрели на обессиленную меня, говорила, что это правда, но я все-таки спросила:

— Лилит, это что, правда?

— Лотта, многим становится страшно, когда они первый раз узнают об этом. Да, у тебя должна родиться двойня, твои родственники в полном счастье, что род не прервался, и они ждут не дождутся тебя. Поэтому, думаю, нечего тебе мерзнуть в лесах. Лаки доставит тебя на Буян сегодня же, а я заберу Михела и мы перенесемся на Первую Землю.

Она повернула голову в сторону Ветра Перемен и сказала тихо:

— Не ревнуй, может, это последний смертный на моем пути. Мне тоже тебя не хватает. Судьба — странная штука.

— Вот тут ты не права, дорогая, не прячься за необратимостью судьбы, мы многое можем, просто не прячься от нее и от меня, Ли. Ты привыкла к властности человеческих мужчин, но мне не нужно, как им, самоутверждаться за счет тебя, я знаю тебя так давно и повторяюсь — ты единственная реальная постоянность в этом переменчивом мире, и ты мне нужна, Ли. Не убегай. А Михел... еще один воспитанник, любовник, хороший, симпатичный мальчик и, думаю, он далеко пойдет. Он не бесталанен, и Лаки пригнал ему удачу, так выпало, поэтому согрей им душу своей дочери; я знаю, ей это необходимо, но возвращайся быстрее ко мне, буду ждать.

Меня они злили, эти бессмертные, которым было наплевать на переживания других, главное, что будет с ними, а что Михел, теперь еще и Карен, в сложной ситуации — им наплевать. Мне было трудно переварить, даже просто принять эту информацию. Как это могло произойти, что же Карен, как он отнесется к такому, зачем все это ему, за что мне такая неожиданность? Не хочу, явственно не хочу. Я совсем молодая, мне только семнадцать. Микулишна называет меня ребенком, да я и сама не чувствую себя взрослой. Какой ребенок у меня должен родиться, тьфу, дети, они говорят — двойня. Это сон? «Непохоже, жуть, зачем, как такое могло случиться?», — крутилось в голове; отчаяние перехватывало горло, опять предвещая начало истерики.

— Лотта, успокойся, мы поможем тебе, да и твои родственники на очень многое способны. Тебе нужно скорее попасть к ним, они помогут. Они уже давно ждут тебя и радуются, — спокойно сказал Чейндж.

«Они радуются, — с горечью пронеслось в голове, — а я вот совсем не радуюсь, да и кто тут еще счастлив?» Посмотрела на присутствующих и увидела, что выражение сытой кошки сошло с лица Лилит, она, как ни странно, виновато смотрела на Ветра Перемен, а он с любовью и горечью — на нее. Представляю, какое счастье будет написано на лице Михела, когда он узнает. Кажется, один Лаки имел придурковато-счастливый вид, но, видимо, он тоже понимал, что слишком все вокруг сложно наворочено и волновался за меня. А за меня ли?

Тут Лилит поднялась и сказала твердо:

— Я в этом, пожалуй, сильнее всего виновата, поэтому пойду и поговорю с мальчиком. Расскажу ему о перспективах, утешу, как смогу, а потом мы уйдем в другой мир, на Первую

Землю, — и она облизнулась, вызвав раздражение у Ветра Перемен.

Мы остались с ветрами сидеть возле этого проклятого сеновала; Чейндж как-то сразу постарел, как только Лилит ушла, а Лаки все так же счастливо паялся на меня, а потом сказал:

— Пойдем где-нибудь перекусим, Лотта, или лучше Лав, сокращенно от Ловелии. Ты знаешь, на одном из языков Земли Love — значит любовь. Я вижу, ты еще ничего не ела, а тебе нужно хорошо питаться, чтобы детки росли.

Посмотрела на него почти с ненавистью. Он что, издевается? Да меня мутит по утрам, просыпаюсь вечно как побитая. И тут до меня стало доходить, что все мои странные ощущения, ну почти все, которые мне так не нравились и которые я списывала на привыкание к новому телу — это, вероятно, из-за беременности. Захотелось ругаться, рвать и метать все, что может попасться под руку. Плакать тоже хотелось невероятно, сдерживал только угрюмый вид Чейнджа, который с тоской смотрел на дверь сеновала. Ему ведь тоже не сладко, но это все равно ничего не меняет.

Во двор вышла хозяйка и шустро пробежала с ведром в коровник, совершенно не замечая довольно немаленькую группу людей. Это отвлекло меня от разглядывания почвы под ногами. Думать не могла.

Наверно, прошло около часа, за это время Лаки успел угостить меня какими-то заморскими фруктами, которые он доставал, как из рукава. Какую-то диковинку я действительно с удовольствием съела, имени не тошнило. Ветер Перемен сидел и мрачно хмурился.

— Лотта, — опять начал мучить меня разговорами Лаки, — что ты собираешься делать?

Захотелось наругать- еле удержалась. Посмотрела на него очень выразительно.

— Ты думаешь, я знаю, что теперь делать? Мне нужно было добраться до родственников и там чему-то научиться или узнать, как советовала Макошь. А потом она сама расскажет, что я должна делать как так называемая путница. Только ты сам понимаешь, что все рухнуло. Что я могу теперь делать, и как мне дальше жить прикажешь? Как смогу выполнить обещание Макошь? Ты вот тут сидишь, улыбаешься, мечтаешь о невесте, а то, что моя жизнь так круто изменилась, тебя, я вижу, совсем не беспокоит. Что делать Михелу, который оказался в дурацкой ситуации благодаря играм Лилит? Он живой, Лаки, понимаешь, живой, а не деревянная игрушка. Что будет с ним?

Тут подал голос как будто очнувшийся Ветер Перемен.

— Жалеешь себя и осуждаешь ее, — обратился ко мне парень. — Понятно. Конечно, имеешь право. Лилит ведет себя так, что почти каждый, знающий ее, перемывает ей кости, треплет ее имя. Говорит, что она стерва, что ей ни до кого нет дела. А ты представляешь, сколько она вытерпела за эти годы, века? Ведь она даже на смерть не имеет право.

— Да? — открыла было я рот.

— Впрочем, тебя это не касается, — отрезал Ветер. — Самая красивая и самая неприкаянная. Сама себе не позволяет расслабиться, принять чью-либо заботу, уткнуться в чье-то мужское плечо. Ты хоть представляешь себе, каково это — быть такой женщиной? Сколько веков я пытаюсь ее понять, сколько веков уговариваю попробовать быть вместе. Что она теряет? Боится моей страсти, одержимости ею? Не знаю.

Он немного помолчал и продолжил:

— О себе, Лотта, не переживай. Твои родственницы будут очень рады тебе и уже ждут тебя на Буяне. Лаки отнесет тебя туда, и тебя научат тому, что ты должна знать. Тетки твои

— замечательные особы. Сама увидишь. Я догадываюсь, что хочет поручить тебе Макошь. Удивительно, конечно, что именно ты станешь исполнительницей. Может, одной из исполнителей, там видно будет. Но Он — великий экспериментатор и порой кажется, что Он почти махнул рукой на Землю. Наверно, сотворил бы на ней новый потоп, но Сам обещал: «*Я поклялся, что воды Ноя не придут более на землю (Ис 54, 9)*». Правда, люди и сами могут себя уничтожить, с них станется. Может, поэтому Он решил вмешаться. Обычно Бог вмешивается в созданный Им мир через людей, чтобы исполнить свою волю. Теперь, похоже, Он решил использовать для этого тебя. Ты наполовину человек, Лотта, наполовину удивительное, дивное, божественное создание — птицедева, и у тебя есть некоторые особенности, не свойственные людям. Но ты воспитывалась людьми и понимаешь их проблемы и боль, у тебя есть дар путницы, путницы дорог и душ, только тебе надо развить его и тогда, думаю, у тебя получится. Самому любопытно, как.

Ветер посмотрел на меня внимательным взглядом старика, потом вдруг на глазах помолодел и сказал:

— Нас ждут перемены, ой, как я это чувствую.

— А как же я, эти дети..., — влезла я со своими проблемами.

— А что дети? Родишь, воспитаешь, надеюсь, будете жить долго и счастливо. Чего смущаешься? Да, это сильно осложнит твою жизнь, но души твоих детей уже давно хотели обрести тело, да и Велес обещал Лаки не оставлять его дольше в одиночестве, а он товарищ ответственный.

Все так логично и до обидного бесповоротно, но так больно для всех, кроме, наверно, Лаки. На щеку упала капля дождя, но она почему-то была соленая. Потом я перестала сдерживать слезы — беременным можно и поплакать. Плакала не я одна. Вместе со мной плакало небо, что из-за туч не видит озера и не может отразиться в нем, плакали тучи мелким осенним дождем, что их уносит вдаль от мест, где они родились, плакали и тихо падали листья, что вот и конец, и они из желто-багряных станут коричневыми, грязными и уйдут в землю, чтобы опять возродиться, но когда это будет?

Лаки подсел рядом и приобнял. Хорошо, что ничего не говорил.

Потом появились Лилит с Михелом. Он ничего так себе выглядел, я думала, ему будет хуже. Ха посмотрел на меня, все же грустно улыбнулся и сказал:

— Вот видишь, как судьба обернулась. И я рад за Вас с Хи, наверно, так и должно было случиться, так правильнее. Я слишком поздно понял, что этой ночью была не ты, просто я так об этом мечтал, что не сразу разобрался в обмане, не предполагал, что такое возможно. Поэтому уйду.... Прости. И все равно я буду ждать тебя там, на Земле, ты никуда не делась из моей души, ты напрочь в нее вросла. Знай — буду ждать. За меня не волнуйся, я не такой уж слабый и никчемный мечтатель. Лилит обещала устроить меня в место, где учат останавливать и сохранять на века, запечатлевать быстротечные моменты жизни и природы, как я и мечтал, и это здорово. Ты знаешь, я всегда буду стараться в любой ситуации находить плюсы, даже когда такая ж... Я такой был всегда. Береги себя и до встречи. Лилит сказала, что о тебе позаботятся, жаль только, что не я. Но так получилось, целоваться не будем.

Потом резко повернулся к Лилит и сказал:

— Ну что, пошли, суженая-ряженая, кто еще с нами?

Ветер перемен что-то шепнул Лилит, и они пропали.

— Нам тоже тут больше нечего делать, — сказал подошедший ко мне Лаки и протянул руку. — Надеюсь, с тобой попасть на Буян не составит труда, держись за меня крепче.

— На Буян так на Буян, начнем новое, оставляя прошлое в прошлом.

Усмехнулась, вспомнив поговорку Микулишны: «Не падай духом, где попало». «Ты можешь изменить то, что случилось? Нет? Так хватит ныть, Лотта — приказала я себе, — принимай новое и неизбежное».

Лаки что-то шепнул мне, и мы закружились в воздушном водовороте, чтобы через некоторое время оказаться на зеленой полянке.

На острове Буян

Зеленая полянка была нереально зеленой. Изумрудная трава и ярко-голубые цветы, а над всем этим совершенно ясное небо, не такое серое и плаксивое, которое мы видели совсем недавно. И удивительно, не по-осеннему тепло.

«Чудеса, — промелькнуло в голове, — и где это мы?» Лаки аккуратно поставил меня на полянку и тоже оглянулся.

— А тут неплохо, тепленько так, ясненько. А где встречающие?

А встречающие уже бежали и летели навстречу. Впереди всех летели три странных фигуры — полуптицы, полуженщины. Они хлопали крыльями и почему-то напомнили мне больших куриц. Совесть позвала меня к ответу: «Ты что? Это, видимо, и есть легендарные волшебные птицы, одна из которых спасла меня от странных чар Мораны, а ты о них так!» Но что поделаешь, они действительно издали напоминали огромных кур, только кудахтанья не слышно. Эти птицы, ну, вернее, не совсем птицы, так как головы у них были человеческие, да и руки имелись, подлетели ко мне и кинулись обниматься. Так какони были значительно ниже меня, еле доставали до поясицы, то они подпрыгнули и втроем дружно обняли меня кто за талию, а кто ниже, и начали причитать:

— Она у нас, она вернулась!!!. Нашему счастью нет предела!!! Ловелия, чудесная наша девочка, жива, избавилась от проклятья, она нам принесет приплод и восстановит чудный род!

Слова про приплод меня особенно вдохновили. Ну откуда они все знают про мое неожиданное положение, одна я такая тупая, ни о чем не догадывалась, ничего не ведала, а вокруг все, оказывается, только и ждали, чтобы я от первых же серьезных отношений, что называется, попала. Сначала Лаки, теперь эти птицы туда же. Обидно, однако.

Тут подтянулись и другие встречающие. Огромный толстый кот с цепью на шее, еще какие-то птицы — кто светился, кто сверкал, переливаясь всеми красками. Они хлопали крыльями, кот смотрел и сыто шурился, а десяток непонятных мне существ подпрыгивали и, от невозможности протиснуться ко мне, обнимали друг друга. Я растерялась и не знала, что предпринять — уж слишком с большим энтузиазмом меня приветствовали. Хорошо хоть Лаки не растерялся и немного охладил их пыл словами:

— Уважаемые, я рад присутствовать при воссоединении семьи, но вы, вероятно, догадываетесь, что она не совсем осведомлена обо всем своеобразии своего родства с вами и только что с дороги. Поэтому меньше экспрессии — девочка только узнала о некоторых особенностях своего положения и, кажется, не совсем им прониклась. Так что, драгоценные, дайте ей прийти в себя и покормите ее — она с утра ничего не ела.

— Она не ела еще? Дитя голодное? Как такое возможно?

Озабоченные возгласы, усиливающееся хлопанье крыльев — и меня потащили куда-то.

Последнее из осознанного в этом круговороте непонятных мне хлопот были грустные

слова Лаки:

— Я, кажется, сейчас тут лишний. Приду попозже, Лотта, если пустят.

И Ветер исчез, а я осознала себя сидящей в чудесном тереме на резной лавке, а передо мной стояли всевозможные кушанья. Девушка в кокошнике и красивом сарафане спрашивала:

— Сударыня пресветлая, борщ будете кушать или супчик грибной отведаете? Соляночка имеется, а также окрошка с огурчиками свеженькими. Что на первое выбираете?

Все невероятно вкусно пахло и я, не евши со вчерашнего дня ничего, кроме фруктов, не могла оторвать взгляда от стола, что ломился от яств.

— Борщичка мне тарелочку с салцем и чесночком. Гулять, или, вернее, есть так есть. На кого дыхну — пусть простят мне чесночный запах, нервное истощение у меня сегодня от известий в чрезмерном количестве. Да и горе заесть тоже хочется.

Тарелка с аппетитным борщом со сметаной почти мгновенно появилась предо мной, а рядом на тарелочке красовалось тонко нарезанное розовое, почти прозрачное, салце, перышки зеленого лука и белые зубчики чеснока. Расписная деревянная ложка резво прыгнула мне в руку, и я занялась едой. Все остальное потом. Кормят, заботятся — уже хорошо.

Когда последняя ложка чиркнула по дну миски, решила осмотреться. И правильно, до этого не смотрела, а то поперхнулась бы. Напротив меня с умильным выражением на лице сидели то ли птицы, то ли девы, так как верхние части их тел были человеческие, а туловище заканчивалось птичьими лапками. Большие такие птицы. У двух на голове короны, перья разноцветные, сияют, руки имеются, а за спиной крылья сложены — красивые, сильные, побелее моих точно будут. Птицы почему-то не ели, а с выражением нескрываемой тихой радости смотрели на меня. Одна другой шепнула:

— Посмотри, наша девочка кушает! Тарелочку борща съела, а сама-то какая хорошенькая, тоненька, наша девочка.

Тут я вспомнила про основы этикета и, сыто облизнув губы, вскочила на ноги и сказала:

— Спасибо за угощение, ваши..., — и запнулась.

Как, интересно, к ним обращаться — высочества, величества, или еще как?

— Простите, не знаю, как вас величать, ясновельможные пани, — почему-то решила обозвать я их.

Чудо-птицы заулыбались еще сильнее и промолвили:

— Зови нас тетушками, мы твоя ближайшая родня по матери, она нашей племянницей была. Мы уж думали, род прервался, ан нет, Бог не позволил осиротить нас. Тебя спас, а теперь и потомством благословил. Род не прервется, мы уж позаботимся, будешь тут жить, как сыр в масле кататься. Все для тебя сделаем, ни в чем нуждаться не будешь. Деточек вырастим, воспитать поможем, не позволим больше миру погубить род.

«Ой, интересно-то как! Только чувствую — попала из огня да в полымя. Они что, хотят, чтобы я тут навечно осталась?», — промелькнуло в голове. Но я уже была немного научена жизнью не впадать в истерику и сразу выяснять отношения, поэтому собрала все свое чувство такта и спокойненько так поинтересовалась:

— Рада познакомиться с родней, а то я рано сиротой осталась, да и кто я такая, совсем недавно узнала, и, видно, не полностью. Я привыкла, что меня Лотта зовут, вернее, полное имя Золотушка, но вроде бы от рождения меня Ловелией назвали, хотя это имя мне не нравится.

— Что ты, — загомонили чудесные создания. — Ловелия — значит, прекрасная, ты

действительно прекрасна, дитя, мы тебя Лав будем звать — любовь, значит. Ты такая красивая.

И они от избытка чувств начали хлопать крыльями. Красиво, скажем прямо. От взмахов воздух наполнялся чудесным благоуханием и при этом как будто звенели маленькие чудесные колокольчики. Это завораживало. Но мысль о том, что это будет вечно, меня все равно не прельщала.

— Вы не расскажете немного о себе? А то вы обо мне все знаете, а я совсем не догадываюсь.

— Я- Алконост, — представилась птицедева с невероятно красивым разноцветными перьями и девичей головой, осененной короной.

Лицо девы светилось радостью и чувствовалось, что она и сама добрая и отзывчивая, а также не в меру говорливая.

— А я- Сирин, — сказала вторая.

Она была тоже невероятно красива. Казалось, перья Сирин окрашены в темно-синий цвет, но по мере того, как начинало смеркаться, оперенье начало отливать пурпурным цветом. Но на дивном бледном лице как будто лежала печать печали, хотя мне она была искренне рада.

— А я- Гамаюн, — произнесла третья птицедева.

Красива, как и другие, в разноцветном переливающимся оперении, с выразительным умным лицом, она в тоже время казалась какой-то отстраненной, как будто она и здесь, и не здесь одновременно.

— Мы с тобой уже виделись, только ты тогда под чарами Мораны находилась, и я тебе помогла. Мою слезу помнишь?

Я неуверенно кивнула — что-то я тогда сильно не в себе была, запомняла.

— Вот и хорошо, мы расскажем тебе все.

Алконост продолжила:

— Мы не сразу узнали, что ты жива, заколдованный лес держит свои секреты, а потом не могли вмешаться в твою жизнь, пока тебя не полюбит человек и чары не разрушатся, вот и ждали, а теперь не позволим тебе погибнуть, как бабке и матери.

Становилось все интереснее. Маму-то я совсем не знала, только по рассказу Сказителя, да и то сильно приукрашенному.

— Может, расскажете, — обратилась я к сидящим напротив созданиям.

— Конечно, расскажем. Только ты еще немного поешь. Что будешь: салатик, мяско жареное? Вот только птицу у нас не подают. Знаешь, как-то не хочется на каннибалов походить, ведь куры почти родственники нам, и как-то неприятно видеть, как гости ножку птичью жуют, так к себе и примериваешься.

Меня тоже передернуло от этой мысли, еще и крылышки представила, и как-то грустно стало.

— А мы вообще вегетарианцы, сыроедением оздоравливаемся, — и Алконост бросила в рот горстку пшена.

«Понятно, — пронеслось в голове, — не куры они, только зерно — любимое лакомство».

Тут мне принесли и картошечку жареную, и огурчики соленые, и грибочки, и кучу всего вкусного. Но мне больше простая еда нравилась, и я опять за нее принялась. Запила все клюквенным морсом и поняла — жить можно.

Тетки, все также подперев головы руками, умильно смотрели на меня, провожая каждую ложку радостным взглядом.

— Кушай, кушай, деточка. Поправляйся, нам племяннички здоровенькие нужны, мы так соскучились по деткам.

Пока я ела, пока мы обзнакамливались, низкое северное солнце уже приблизилось к горизонту, и мои тетки стали резко зевать.

— Прости, дорогая, тебе надо знать некоторые наши особенности. У тебя от птицы только крылья, а у нас значительная часть тела, вот мы и начинаем хотеть спать, как птицы. Ложимся, как солнце садится, и встаем вместе с ним. Смотрите, сестрички, уже и Вечерка пришла, засиделись мы.

Глянула — и правда, в окне промелькнула красивая девушка с красными волосами.

— Не сердись. А то, когда она сердится, закат красный, а на следующий день ветер налетает и дует сильно, а мы этого не любим, ветер перья треплет. Ты тоже пораньше спать ложись, тебе отдохнуть надо. Тебя в твои покои Кот Баюн проводит, а если что надо — горничных кликни, они тут девушки хорошие, да больно смешливые — все бы им шутки шутить.

Тут в светелку пожаловал кот. Нет, не кот, а Кот, так как животное было потрясающих размеров, мне по пояс, шерсть пушистая, шелковистая, густая, а окрас, как у болотного кота. Глаза зеленые, огромные, усищи щеткой — красавец, только уж больно большой. Но на меня животное смотрело явно неагрессивно, а, скажем прямо, разглядывало с интересом. А потом сказало:

— Если ты мне сейчас кис-кис-кис скажешь, то усомнюсь в твоих умственных способностях.

Кот мурлыкнул, а потом подошёл ко мне и потерся о бок, да так, что я чуть не упала от этих нежностей. Кот говорящий и такой большой, чудеса!

— Сударыни, — обратился он к моим новоявленным родственницам. — Как понимаю, вы отправляетесь на покой, спатоньки, а мы с девушкой немного поболтаем, обзнакомимся. Ей, вижу, любопытно, где она оказалась, да и сна у нее ни в одном глазу не вижу. Так что позабочусь о ней, не волнуйтесь. Завтра вы ей остров покажете и о родстве поподробнее расскажете, а теперь разрешите забрать у вас распрекрасную — спокойной ночи.

Кот муркнул что-то еще, я не расслышала что и, гордо подняв хвост, направился к порогу. А я пошла за ним, раскланявшись с сонной родней.

Выйдя за порог, оглянулась: красивое все, но не ласковое — одно слово, Север. Небо потемнело и стало бархатно-фиолетовым, а горизонт прорезал и разрисовал всеми оттенками красного закат. В воздухе ощущался запах морских водорослей. Моря не было видно, но оно шумело совсем рядом. На пригорке стояла девушка, что я видела в окне. Вспомнилось — Вечерка. Она помахала нам рукой и направилась в сторону горизонта. Ее фигура четким контуром отражалась на фоне садящегося солнца, и она в нем как будто растворялась, а закат полыхал в редких облаках, очаровывая, завораживая и создавая ощущение сказки. А где я была-то? В сказке, конечно. Говорящий Кот, девы с птичьими ногами — все удивительно. Оглянулась на Кота.

— Пойдем, — промуркотел Кот, — а то скоро уже Вечерку Ночка сменит, она придет звезды зажигать, дни-то нынче короткие. Одно хорошо — на Буяне полярной ночи не бывает. Нам вон туда, — развернул меня Кот.

Я увидела дерево и сразу его узнала, да его и невозможно было не узнать, оно одно

такое — Дерево Мироздания, но как оно здесь или как там оказалось?

Увидев мой удивленный взгляд, Кот гордо оттопырил усы и сказал:

— Оно тугошнее, а в ночь Дикой Охоты перемещается. Так боги пожелали — дают возможность особо отважным людям к нему прийти, на Буян ведь простым смертным хода нет, да и не простые тоже не всегда попасть могут. Пойдем к нему, живу я там, дупло у меня в нем.

А пока мы шли — напевал, красиво так, душевно:

Растет там одно деревцо,

Одно деревце дубовое.

Сколь высокое, столь красивое;

Корни его в земле,

Ветви его по Буян острову,

Вершина его в синем небе.

На вершине боги отдыхают,

На ветвях птицы вещают,

Корни духов Нави слушают.

Дерево было невероятно огромным и величественным. Листья на нем не осыпались и были зелеными. Часть ветвей была обмотана золотой цепью. Задрала голову и увидела сидящих на ветвях тетушек. Они, как куры, спрятали головы под крыло и мирно спали. На ветвях повыше сидели еще птицы: одни невероятно красивые, светящиеся с огненным оперением, другие мрачные, темные, жутковатые.

— Расскажешь о них? — спросила Кота.

— Всенепременно, — муркнул Кот, — я ведь тут все знаю. Ну, и немного про то, что не тут.

«Это отлично, — мелькнуло в голове, — а то я запуталась и в событиях, и в родстве, все как-то уж очень таинственно. Ясности хочется, я девушка хоть и мечтательная, но конкретики в этой ситуации мне точно не хватает»

— Расскажу, я ведь Баюн — значит, рассказчик, говорун. А что правда, что сказка — тебе решать.

— Нет уж, дорогой, — сказала я резко. — Сказок мне достаточно, хочу хоть немного правды про свою жизнь узнать. Есть же в ней реальные факты. Хочу знать, откуда я, кому так не угодила и почему?

— Лотта, без сказок в жизни никак, я ведь сказочник, а жизнь, она сама по себе сказка, и она либо страшная, либо скучная, либо веселая, и не так часто счастливая, но все равно сказка. Так что сама отделий суть от вымысла, но обещаю не сильно привирать, — и Кот, задравши хвост, потопал к дереву, а я за ним.

Дошли не так скоро, Дерево-то огромное. А ветки аж до терема достают, и родственницы на них спать уселись. Возле Дерева торчал большой железный столб с небольшим расширением наверху. Кот ловко на него запрыгнул. Но смотрелся на нем невероятно смешно, как на насесте, я невольно улыбнулась.

— Тебе, наверно, на нем неудобно: ни развалиться, ни лапкам отдых дать, слезай.

— Наблюдательная ты, да только сказочники мне этот столб придумали — мол, сижу я на нем и странников поджидаю, чтобы съесть, так как я — кот-людоед, а я мягкий и пушистый, только поговорить люблю. Баюн, значит, я, Кот Ученый. Зачем людей есть, когда еды полный терем? И еще есть у меня тут местечко приятное недалеко: гейзер, что цельным

молоком каждый час плюется, а когда оно на земле оседает, так уже в виде сметанки — хорошей, жирной, вкусной — лапки оближешь. А сплю я в дупле — мягко, тепло. А по цепи я прогуливаюсь, когда лапки размять нужно.

Кот ловко вскочил на нижнюю ветку и протянул мне лапу.

— Можешь крылья пока не раскрывать, просто посидим.

Мы с ним удобно расположились на толстой ветке: Кот хвостом за нее придерживается, а я так сижу — ветка такая толстая, не упадешь.

— Ладно, рассказывай все сначала, — уже теряя терпение, сказала я резко.

Чувствую, этот балабол может говорить о чем угодно долго и не по существу. Баюн, одно слово.

— Сначала — это от когда? От сотворения мира, или от тетушек, или от того, как ты родилась? Поконкретнее, сударыня, я ведь и месяц могу говорить, не переставая, а вот Вы заскучаете, оголодаете, заснете ненароком, да с дерева свалитесь.

Кот явно обиделся.

— Прости, Баюн, столько всего навалилось, что и сама не знаю, что хотела узнать. Начни, пожалуй, с моего происхождения и родства моего.

— Ну, это поконкретнее, хотя все тоже не так просто.

Так вот и полилась хорошо поставленная речь с мурлыканьем.

— Появилась однажды на белых камнях огромная птица Стратим, от нее все необычные птицы пошли. Стратим-птица, она такая: взмахнет крылом — море начинает волноваться, закричит — поднимается буря, а когда летит — закрывает собой белый свет. Стих поэта Бальмонта о ней мне кажется наиболее выразительным, — важно проговорил Кот, — только непонятно, почему он Стратим в мужском роде упоминает. Творческие люди — они такие. Но зато как художественно пишет!

И Кот пафосно так, растягивая слова, процитировал:

Он неземной, он вечно в Море,

От края к краю, на просторе,

Простёр он в мире два крыла,

И чуть он в полночь встрепенётся,

Весь Океан восколыхнётся,

Познав, что вновь Заря светла. (Константин Бальмонт)

Когда сердится Стратим-птица, на море вздымаются огромные валы, и вода смывает с берегов всё живое. Побеседовал с ней однажды немного Стрибог, бог ветров, своим вниманием птицу-разрушительницу почтил, поспокойнее она стала, но иногда срывается, и тогда беда неминуема. Так вот, Стратим породила твоих теток и твою бабушку.

— Как это? — не поверила я.

— Откладывает Стратим яйца в океан-море редко. В той ее кладке было 4 огромных яйца, и вышли из них птица Гамаюн вещая, птица Алконост, птица Сирий и бабка твоя, Царевна-лебедь. Трое вылупившихся имели птичьи ноги и человеческое туловище, да еще крылья, а четвертая была прекрасная дева на двух ногах, но крылатая, и еще в лебедя перекидываться могла, так и звали ее — Царевна-лебедь. Бабка это твоя была.

— А другие волшебные птицы, они тоже мои родственники?

— Да так. Только родство считается близким по одной кладке. Вон из других кладок встретишь здесь чудесную птицу Феникс, Жар-птицу, Синюю птицу Счастья — я тебя с ними тоже познакомлю, а еще есть грустные птицы: Дева-Обида и птица Див, вон они,

видишь, сидят серые да мрачные даже во сне, никто их не любит и все боятся, так как когда появляются близко — знак того, что беда пришла. Не рады они, что их миссия такая, но изменить ничего не могут.

— А что, у моих теток детей нет? Чегоооооимне-то так рады?

Кот вздохнул.

— У Алконост есть, но немного печалят ее дети, хотя она жизнерадостности не теряет и радостные песни поет, и люди, когда ее видят, знают, что это добрый знак.

— А какие они, ее дети? — почему-то это меня живо заинтересовало.

— Алконост каждый год в море откладывает яйцо, а Стратим повелела ветрам в это время не дуть, на море штиль стоит полный. Птенец появляется на седьмой день и его забирают сюда, на Буян, и пытаются воспитывать, только не получается — своеобразные они у нее.

— Как это и кто их отец? — ахнула я.

— В том то и дело, что отца у них нет. Партеогенез это в чистом виде, то есть, значит, размножение без оплодотворения.

— А разве так бывает? Всегда думала, что для появления детей пара должна быть.

— Фу, какая ты, Лотта, неграмотная. Да в природе множество животных размножается партеногенетически — и тли там всякие, и ящерицы — и при этом появляются или особи женского пола, или мужского, а в нашем случае появляются дети с приветом. Они, Лотта, не от мира сего. Мало того, что смертные, так их научить ничему не могут, они, как разговаривать начинают, так только хвалебные песни поют, ангелы они в каком-то смысле, Лотта, в своем особом мире живут. Вот пока не повзрослеют лет до пяти — здесь бегают, а потом на небо попадают и там, в Иридии, песни поют. Алконост уже и не расстраивается, привыкла, а то ей все хотелось, чтобы птенчики и ее любили, но не судьба, видать.

Я помолчала, а Кот продолжил:

— У Сириин и Гамаюн вообще потомства нет. Сириин поэтому часто грустит и плачет, песни поет печальные, скорбит в душе своей и часто появляется перед людьми, когда хочет их о беде предупредить, а они, дураки, считают, что она предвестник этого несчастья. Нет, чтобы выводы сделать правильные и подумать, что может произойти, так все им предначертанным кажется.

Кот немного помолчал и продолжил:

— Гамаюн вообще из всех твоих родственниц самая странная. Она, конечно, птица вещая, светлая, когда ее встречаешь — это точно к счастью. Знает она много и об устройстве мира, что и почему происходит, но, как говорится, многие знания — многие печали. Мне вот, когда на нее смотрю, всегда кажется, что она не в себе: то говорит сама с собой, то такое говорит, что на голову не налезет. Нет, можно, конечно, сказать, что ее понимает только тот, кто видит тайное, но вот пояснее бы выразалась — и людям, и ей бы легче стало. А так, один туман.

Тут я вспомнила, что она спасла меня от чар Мораны, и решила заступиться за тетку:

— Нет, она чудесная, хоть и странная, но мне так с ней хочется поговорить, узнать ее получше. И всех остальных, конечно, — добавила. — Ты мне о бабке и матери моей поведай, а то почему-то, кажется мне, могу услышать несколько разных вариантов истории.

— Это да. — муркнул Кот. — Тут история запутанная и сложная. Дело было где-то так.

И он продолжил:

— Царевна-лебедь, твоя бабушка, красавица писаная, жила спокойнехонько на Буяне

долгие годы. Скажем так, проживала, ни о чем не печалась. Зарю-Заряницу встретила, поболтала — день прошел, Вечерка пришла — день обсудили. За ней Ночка пожаловала, в постельку отвела — и так день за днем. На Буяне мало что происходило, закрытая у нас зона. МОЖЕТ, сторона?? Тетки твои все куда-то летали, во что-то встречали: кого-то предупреждали, кому-то помогали. А бабушку твою мало что волновало, про плохое не ведала, а хорошему радовалась. Все ее любили за нрав спокойный, душу незлобивую. А что ей злится-то, коли ей что день, что месяц — все одно? Сестры в ней души не чаяли. Хоть и взрослая вроде девица, а все одно как дитя. Но однажды, как описал один великий поэт Александр Пушкин... (И откуда он все узнал? Хотя и приврал сильно). Дело начиналось так:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет...

В этой бочке находилась царевна человеческая с сыном, ее из-за придворных интриг оболгали родственницы и засунули в бочку, а бочку бросили в море. Вот царевна и ее сын стали просить прибить их к берегу.

И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.

В общем, прибило на Буян бочку с людьми, а ведь до этого тут человеческая нога не ступала. Прибыла княжна с сыном, его Гвидоном кликали. Вышли они на берег, а тут как раз Чернобог непонятно почему на нашу лебедушку напал, до сих пор неясно, чем ему Царевна-лебедь и ее потомство мешает, что все время их погубить старается. Поэт описал это так:

Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит, дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Каким-то чудным чудом Гвидон изловчился, пустил стрелу в коршуна.
Тут Кот остановился.

— А хочешь я тебе всю сказку расскажу? Красивая... И написана так ...поэтически.

— Нет уж, ты мне суть поведай, что ты все сказки знаешь, я уже поняла. Так что произошло дальше-то? Рассказывай.

Кот вздохнул:

— Ну вот, совсем у тебя к поэзии влечения нет. Я тебе стихи читаю, а тебе сухие факты подавай. Через некоторое время — быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается — увидел князь бабушку твою, раскрасавицу, в человеческом облике — и влюбился. А как в нее было не влюбиться? Вот как ее описывают (привирают, правда — ни звезды, ни месяца у нее не было):

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,

Выступает, будто пава;
А как-речь-то говорит,
Словно реченька журчит...
Кот вздохнул и продолжил:

— А самое печальное, что Лебедушка наша тоже в этого князя влюбилась. Аж очнулась, жизнь в ней пробудилась, глазки любопытством засветились, сердце радостно забилося, кровь ко щекам прихлынула. Короче, поженились, но только это в людских сказках так бывает, что жили долго и счастливо и умерли в один день. Гвидон-то человеком был, а Лебедушка наша — сущность бессмертная. А бессмертная — это не значит, что не умрет, а только что умрет не от старости. Умер в свое время Гвидон, устал ли от бесконечного покоя, время ли ему пришло, хотя и долго прожил — тут, на Буяне, даже люди долго живут. Любила она его сильно и не смогла без него жить. Что ни делали тетки, как ни уговаривали ее найти кого-нибудь, даже бессмертного какого-то предлагали в женихи, про любовь к твоей матери вспоминали, только что толку? Уснула она летаргическим сном- длительным, значит, — поучительно объяснил Кот. — Царевну любили на острове и, чтобы не расстраиваться, каждый день на нее гляючи, сделали ей красивый хрустальный гроб и поместили его в горе. И Кот процитировал еще стих:

Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

— По сей день спит. Вот такая грустная история.

Жалко стало бабку.

— И что, ее никто не разбудит?

— Да принц, сказывают, должен поцеловать, но не просто принц, а тот принц, которому образ ее каждую ночь снится.

— И как царевна ему может начать сниться, если она столько веков в норе этой лежит, а вы на остров никого не пускаете. Нет чтобы портреты ее размножить, по всем королевствам разослать, может, кому и начнет она сниться, а потом их привозить сюда кораблями и оставлять возле гроба. Вдруг кто и разбудит.

Кот почесал за ухом лапой — то ли блоха его укусила, то ли мысль в голову пришла, — и сказал:

— Идея, однако, интересная и не лишена здравого смысла, только вряд ли тетушки кого сюда пустят; давно не ступала нога человека на остров, запрещено.

— Так пусть гроб на тот берег перенесут, соберут всех осененных ее образом в определенное время и поставят эксперимент, — я задумалась и добавила, — ну как-то так.

Тут Кот захохотал громко и скабрёзно как-то.

— Ты чего? — обиделась я. — Я тут думаю, как единственную в живых, ну пусть в полуживых, прямую родственницу спасти, а ты смеешься как-то неприлично.

— Да нет, — Кот даже лапу закусил, чтобы больше не смеяться, — я просто представил себе эту очередь целовальников, чуть лапу себе не сгрыз. Нет, тетушки твои на это никогда не пойдут. Тут наверняка надо действовать.

— То-то вы действовали. Сколько веков царевна спит, а вы ничего до сих пор не

придумали. Надо будет этим заняться, — сказала я строго. — Ишь, бабушка, спит себе, а меня, внученьку, и обнять не может. Непорядок.

Кот отсмеялся, а потом загрустил, смахнул слезинку — видно, жалко ему было Лебедушку, и продолжил:

— После этого случая с Гвидоном на Буян никаким смертным, да, почитай, и бессмертному ходу не было. Стерegli матушку твою тетушки пуще глаза своего. Выросла она, красавицей стала, но характер у нее уже не такой безропотный, как у бабки твоей, был — человеческая кровь сказывалась, свободы ей хотелось. Скучала она на Буяне, все развлечения, что ей предоставляли, не интересовали ее, тридцать три богатыря с дядькой Черномором как ни маршировали, как ни устраивали бои богатырские, ей не нравилось. Летать вот больше всего любила над островом, над берегом, но тетки запрещали ей покидать остров, угроза нападения Чернобога-то не пропала. И все же однажды она плюнула на все предосторожности и улетела. Насовсем улетела.

— Улетела — и на нее сразу же напали. За что? — тихо спросила я Кота.

— Ну, говорю же тебе — Чернобог на Царевну-лебедь и ее потомство какой-то зуб имеет, никто не знает, какой, вроде бы самые безобидные создания, просто живут — и все равно надо погубить. Напал он тогда на твою матушку, крылья ей повредил, и если бы не твой отец, погибла бы она сразу. А так еще пожила на земле немного, тебя вот родить успела. Любила, видать, она твоего батюшку. Только от большой любви у птицевед дети рождаются. Однако и без неба трудно им, вот она и погибла от тоски по нему, а может, еще отчего — кто теперь знает. Батюшка твой сильно любил тебя. Только любя можно дитя такой защитой накрыть, что даже Гамаюн, которая все знает, не почувствовала, а ведь он не волшебник был. А может, и матушка твоя постаралась, защитила. Только когда батюшки не стало — защита рухнула. А потом ты в заколдованный лес попала. Поэтому, когда о тебе узнали, счастьем твоих родственниц не было предела. А как узнали, что еще и наследники будут, и ты на Буян едешь — так вообще только о тебе и говорят.

Слушала я, слушала, и поняла, что попала я на остров в золотую клетку. Хочется теткам дитятком потешиться, да только я не бабушка моя, Царевна-лебедь, что основную часть жизни как во сне прожила, и не матушка моя. Узнать бы о ней поболее — все-таки любила отца, да и меня, но я не хочу быть сакральной жертвой Чернобога, узнаю, что он от меня хочет. Злость на меня накатила — ну уж нет, не дамся им. И жизни я еще толком не видела, и любви толком не испытала, а так хочется, и детей хочется вырастить нормальными. Тут себя одернула — ну вот, уже и детей растить собралась, быстро как-то с этой мыслью свыклась, неправильно это. Потом обратилась к Коту:

— А расскажи-ка ты мне, Баюн, про матушку мою, похожа я на нее или нет?

— Вылитая бабка и матушка твоя. Смотрю на тебя — и твоих родственниц вижу, как живых. Видать, кровь Царевны-лебедь сильная, ничего во внешности от отцов нет.

— Неужели я такая же бела-лебедь трепетная, как бабушка? — и сказала это с таким нехорошим акцентом, что Кота аж передернуло.

— Ты прежде, чем ее осуждать, подумай: у каждого своя судьба — и радость своя, и женское счастье по-разному видится. Одним просто за счастье сидеть и в глаза мужу глядеть, обихаживать его, успехам его радоваться, рушники вышивать. Знаешь, от одного присутствия бабушки твоей в светелке тепло и светло становилось. Лебедушка для деда твоего была сосудом хрупким и бесценным, трепетно он ее любил, на руках носил, наглядеться всю жизнь не мог. Счастливы они были вдвоем. Представляю, в какой бы он

ужас пришел, если бы она по лесам бегала, на сырой земле спала да охотилась, чтобы себя и принцев прокормить, опасностям разным себя подвергала. Не ее это было. Каждому свое, не осуждай, свою жизнь в счастье проживи, попробуй. Да, похожа ты на них внешне, но характер — ух... — Кот аж запнулся, — попробуй любить такую да рядом удержать — убежишь.

Тут мне совсем стыдно стало. Да, не похожа я на бабушку, да и на мать, видать, не очень — самостоятельная больно, а много ли счастья от этого? Вот Карен далеко, увижу ли его, Михел вообще на другой планете, а я, беременная, кажись, в золоченую клетку попала и злюсь непонятно на что. Внутренний голос прошипел: «Понятно на что, на ситуацию».

Тут Кот опять замурлыкал:

— Расслабься, Лотта. Нужно тебе принять случившееся. Говоря научным языком, существует 5 стадий принятия неизбежного — отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение. То есть ты сначала не поверила, что у тебя дети будут и что у теток придется задержаться незнамо сколько, потом гневалась, да и сейчас гневаешься, потом расстроилась, а теперь рекомендую: не расстраивайся, смирись и радуйся жизни, тут на острове она такая тихая, беззаботная, будешь как сыр в масле кататься.

— Да, Котик, у тебя все или сметана, или масло на уме, только для кого неизбежное, а для кого-то этап трудный в жизни. Пройду я его и не убегать, как мать, буду, а сами тетки меня отпустят, да еще в дорогу благословят. Потому как жизнь моя — не в тереме сидеть и рушники вышивать, а вот какая..., — тут задумалась, — это еще выяснить надо будет.

Кот ухмыльнулся и пропел:

— Что, и попробовать нельзя было уговорить тебя остаться в тепле да в сытости ребеночков родить и воспитать да теток радовать? Хотя понял сразу, что ты только с виду нежная и трепетная. И как так получается? Вроде птицедевы должны, как природой заложено, нежными и ласковыми быть, к дому, уюту стремиться, а у тебя дорога да путешествия на уме. Не женское это дело про устройство мира радеть, и без вас он как-нибудь устроится.

— Вот именно как-нибудь, а я хочу хорошо. Чтобы всякие Чернобоги мне не угрожали, чтобы жила, как мне нравится, и делала то, что мне нравится.

Тут Кот перебил меня:

— А как тебе нравится?

Я задумалась.

— Да много чего мне нравится: по лесу ездить, летать, посещать новые места, видеть новых людей, учиться, познавать новое — я так мало знаю — и много еще чего узнать хочу.

— Ага, вот как, а ты не подумала, что половину из сказанного ты здесь получить сможешь? Например, лучшего учителя, чем птица Гамаюн, и не придумаешь, летать и над островом можно. По лесу ездить? Да пожалуйста, пол острова- лес, тебе понравится, так что не учись, как тебе Макошь рекомендовала, и жди, когда она прилетит и тебе все расскажет. Вот так-то, краса ненаглядная, но глупая до неразумности.

— Сам больно умный, — фыркнула я, признавая, что в чем-то он прав, но мир такой большой, а остров, он все-таки остров.

— Да, я такой — сама мудрость веков и народов, — Кот растопырил усы, — а теперь тебе спать пора, деточка, успеем еще наговориться.

Жизнь или не жизнь?

Меня отвели в спальню, чистую, аккуратную, на кровати лежала огромная пуховая перина. Куча подушек, все чудесно пахло хвоей. Там же нашла ночнушку с рюшечками, облачилась в нее и погрузилась в сон без сновидений.

Очнулась совершенно отдохнувшая, рядом нашла тазик с кувшином для умывания и, совершив помывку под малое декольте, отправилась искать место, где вчера обедали. Чувствовала я себя прекрасно — ни тошноты, ни слабости, эдакое состояние невероятной бодрости, которое не ощущала уже давно. На душе хорошо так, спокойненько, ничто не волнует, не заботит. Вот что значит выпалась. Увидев меня, девушка, что прислуживала нам вчера, быстро кинулась и позвала тетюшек. Поняла, что опять хочу есть. Да что на меня за прожорливость напала, только о еде и думаю?

Тут прилетели тетюшки, опять кинулись обнимать меня и целовать, причитать, что свеженькая я и розовенькая. «Ну точно, как поросеночек», — пронеслось в голове. На столе возникла еда — и кашка овсяная, и творожок со сметанкой, наверно, из любимого места кошачьего, и что-то еще не самое аппетитное, но полезное.

— Откармливают поросеночка, — тихо пискнуло в голове сознание. А руки уже схватились за ложку и стали вкушать «яства».

Тетюшки сегодня уже не только смотрели на меня, но и сами кушали кашку овсяную, крутенько так сваренную, и запивали молочком. Я же, пока не насытилась, рта не открыла. И что это со мной, когда это я вела себя, как обжора некультурная? Нет, чтобы приятный разговор поддержать. Любили мы с принцами за едой побеседовать. А тут — есть и спать, хотя, конечно, с Котом вчера хорошо пообщались, содержательненько так. Много полезного узнала, только в голове оно не улеглось — и про бабушку, и про мать. Да и про много всего. Сегодня надо будет еще поговорить. Да как-то и неважно стало все, что вчера узнала. Просто радостно от сытной еды, хорошего сна, внимания к себе. А что, хорошо. Поев, я, наконец, смогла спокойно общаться и внимать тетюшкам, а они сказывали:

— Тут, на Буяне, ты всегда себя отлично чувствовать будешь. Во-первых, тутошняя ты, что главное, а во-вторых, это место силы Земли нашей, и Лихо одноглазое сюда не наведается, здесь Птица Счастья обитает и здесь и ты, и дети твои будут абсолютно счастливы. Это ли не радость, это ли не предел мечтаний — здоровье и покой, покой и здоровье? Еда вкусная, воздух свежий, существа вокруг доброжелательные, что еще для девушки, что ребеночков ждет, нужно? Кот будет тебе сказки сказочные со счастливым концом рассказывать. Утром полезная еда, днем вкусная и полезная еда, а на ужин вкуснейшая еда и сладенькое, да такое, от которого не поправляются, и краса твоя от которого не попортится. Не противься, мы любим тебя, и все сделаем, чтобы тебе здесь спокойно было. А сейчас пойдем прогуляемся, остров посмотрим.

Я особо и не противилась, только внутри что-то кольнуло: «Что-то ты, Лотта, как сама не своя — идешь, куда ведут, ешь, что велят, ни о чем не заботишься, плывешь по воле волн». Тут же пришла другая мысль: «А детки здоровые — не счастье ли? И сама без печали живешь — плохо разве?» Как пришла мысль, так и ушла, а я равнодушненько так пошла чудеса смотреть и ничто меня не удивляло, не восторгало, а ведь должно было.

Умом понимала, что на острове невероятно красиво. Небо — удивительно лазурное, высокое, яркое, такое, каким оно бывает после дождя осенью; воздух — радостный, чистый — так и звенел. На той стороне острова зеленел лес смешанный, все деревья, что я знала, росли там — и дубы многовековые, и ели хмурые, и березки белоствольные радостные.

Пошли мы туда, только смотрю я на них — и не растворяюсь в лесу, как обычно, не чувствую их, смотрю, как на нарисованные. Прикоснулась к березке, как к стене, не чувствую жизни в ней, да и в себе не чувствую. Мысль, что что-то не так, как пришла, так и ушла, а я иду, улыбаюсь и солнцу радуюсь. Трава зеленая — и я трава. По лесу погуляли, тетки меня опять к дому привели, а рядом с домом Мировое Дерево растет, ветвями колышет, и листья будто шепчут чего. А я язык забыла. Кот как-то печально на меня смотрит, об ноги потерся и спрашивает:

— Сладенькая, как спалось-то?

— Хорошо, без сновидений, встала отдохнувшая, голова ясная и мыслей плохих нет, одни радостные, спокойные; про то, как жить хорошо и что жизнь хороша.

— Это я ночью старался, тебе мурлыкал, а днем вот тетки твои песни поют.

И правда, мы по острову ходим — то Алконост песни поет, счастье пророчит, то Сирин; красиво так поют, заслушаешься. Только Гамаюн почему-то печально головой покачивает и молчит. На полянку выйдем — они вместе песню заводят. И от этих песен так хорошо на душе становится и ничего не хочется, только песни слушать, кушать и спать.

Не знаю, сколько дней мы так прогуливались, только от избытка счастья мне так сладко стало, что захотелось то ли головой стукнуться, то ли кого-то стукнуть, и очень хотелось очнуться от этого лилового сиропа, а не получалось.

Однажды вечером, как тетки спать отправились, пошла я поздороваться с Вечеркой, она как раз солнце провожала. Стоит, на запад неотрывно смотрит, волосы ветер развеивает, а закат полыхает красный-красный — сердится. Значит, ветер завтра будет, а тетки этого не любят. Потом обернулась она ко мне и спрашивает:

— Счастлива ли ты, девица, счастлива ли ты, красная?

— Да, — говорю, — Вечерка, счастлива, покойна- только не пойму, со мной ли это и я ли это, как будто сплю с открытыми глазами — ни мыслей, ни желаний, кроме как поесть да выспаться. Вот только когда тетки песни не поют, да я еще спать не ложились, мне как отголосок какой-то другой жизни слышится, будто должна я что-то сделать и узнать важное, но утром все пропадает и хорошо мне тогда, лучше и не придумаешь. Не знаешь, что со мной происходит?

Вечерка улыбнулась печально так, но сказала:

— Не нравится мне то, что с тобой сделали, но сил моих тебе помочь не хватит. Ты видела Алатырь-камень, что под Мировым деревом лежит? Пойди к нему, прикоснись, может, что и изменится, а сейчас прости, занята я очень, солнце проводить должна.

— Спасибо, — сказала ей и направилась к Дереву.

Камень мне этот показывали тетушкии сказывали, что этот камень не простой, что сила в нем необыкновенная, а я еще удивилась: маленький такой камешек, что в нем такого необыкновенного?

Нашла камень, села возле него, и такой он мне красивый показался — белый, блестящий и так манит к себе, так потрогать его хочется. Присела я на траву и дотронулась до него, а он горячий такой оказался, попробовала поднять, а он хоть небольшой, а тяжелый. Потом вдруг стал на глазах увеличиваться — уже не камешек, а валун целый вырос. Чудеса. Смотрю на него, а рук не отнимаю, даже плечом привалилась. Тут глядь — из-под него ручеек пробиваться начал, чистый такой, веселый, журчит, плещется. Так и захотелось воды из него испить и умыться. Наклонилась, набрала воды в ладошки, плеснула в лицо и тут как будто пелена с глаз слетела, мир перевернулся, живым стал, почувствовала я его. И

дерево почувствовала, и траву под ногами, и небо над головой, в которое подняться захотелось, полетать. Еще зачерпнула воды и глоточек выпила. Улыбнулась и поняла, что это опять я, такая, какая есть — со своими тараканами в голове, со своими проблемами и радостями, а не как кукла, «счастливая» дева, у которой два желания и одна извилина в голове. Сначала обрадовалась своему пробуждению, а потом обозлилась и на теток, и на Кота этого: зачем они меня заморачивали, ишь, игрушку нашли. Ножкой топнула — ну, ты у меня, интриган хвостатый, сейчас пожалеешь о песнях своих успокоительных — и пошла искать Кота.

Кот нашелся возле Дерева и они изволили на ночь откушать, а увидев меня, такую грозную, сметанкой своей любимой подавился. Сообразил, что лучше спрятаться, горшок бросил, взобрался на Дерево. Но я тоже умею по деревьям лазить, пусть не когти у меня, а только злость, но Кота я поймала за хвост, на землю сбросила, уселась на этого теленка сверху и прорычала:

— Сказывай, почто меня ополоуметь решили?

Кот замялся, пощады просить стал:

— Ну что ты, Лотточка, как это ополоуметь, мы тебя осчастливить хотели. Скажи, мало ли девушек мечтают в спокойствии и полном довольствии жизнь прожить? Чего тебе не хватало — песни тебе пели, сказки рассказывали? Спала, как сурок, на пуховой перинке, ела вкусно, чувствовала себя абсолютно здоровой, да и была такой — ни токсикоза, ни болей никаких, детки растут, ты родишь их в срок без боли и особых затруднений. Что тебя не устраивает? Да большинство будущих мам за такое счастье на край света пошли бы, а ты гневаешься. Чего тебе надо-то? Страдать, рефлексировать, о себе, неправильной, думать, кого из принцев больше любишь, размышлять, как залетела с первого раза и почему, да что от тебя боги хотят??? Или тебе в лесу на земле ночевать нравится больше, чем в тереме? Что не так, Лотточка, девочка наша?

Тут я призадумалась, Кот, конечно, во многом прав, жирую я тут немеряно, не ценю «заботу», только вот «овощем» быть не хочу, время зря терять не хочу, жизнь свою прожить хочу, а не в полусне сказки чужие слушать. Сказала об этом в довольно грубой форме Коту и строго так приказала:

— Рассказывай, прохвост, почто меня одурманили?

Кот отодвинулся от меня на всякий случай подальше, чихнул и пропел:

— Да, благими намерениями дорога в ад устлана, — и повторился. — Никто тебе зла, Лотточка, не хотел, только одно добро, чтобы отдохнула ты, чтобы мыслями не маялась, чтобы спала хорошо, чтобы детки росли здоровыми, ведь остров Буян — место силы особой.

Тут я возмутилась и добавила:

— Да еще тетушкам было с кем играть и кого залюбливать, не правда, что ли?

Кот опять вздохнул, картинно так, и потянулся.

— И это тоже, — согласился он.

И тут его как будто подменили, речь его изменилась, сюсюкать перестал и четко так произнес:

— Одной из многих причин была необходимость проверить тебя на устойчивость к магии внушения. Если то, что тебе предстоит делать, правда, то ты должна уметь не попадать под чужое влияние, как бы хороши и красивы не были произнесенные слова, критически смотреть на ситуацию, трезво анализировать и принимать решения на основе своих взглядов, а не навязанных. Поверь, в другом мире это особенно важно.

А потом опять расслабился и, зевнув, продолжил:

— А с тобой и я, Баюн, и тетки твои намагичили, вот ты и жила эту неделю, «тихо жизни радуясь», а теперь вот опять нервная и дерганая — тебе это не полезно.

— Ты мне зубы-то не заговаривай, что мне полезно — сама решать буду. А такой, какая есть, всяко лучше, чем «овощ». И скажи мне правду: это что, я, как бабка моя, оказалась бы на долгие годы, а то и насовсем, безвольной куклой, кабы Вечерка не посоветовала к Алатырь-камню сходить?

— Да нет, — вздохнул Кот, — ты же сама вопрос нужный ей задала, потому, что чувствовала — не так что-то, да и Алатырь-камень заглянул в самую твою душу и посчитал тебя достаточно сильной, открыл источник воды живой и позволил тебе умыться и напиться, а после этого очнуться от наваждения. Он не просто так пупом земли именуется, мудрость в нем изначальная хранится. Да и сама ты не кукла безвольная, сложно тебя сломить — дух твой мятежный, беспокойный да авантюрный рано или поздно все равно выдернул бы тебя из сна «счастья».

Я опять надела на Кота.

— Ты мне можешь, усатый прохвост, обещать, что больше меня осчастливливать с родственницами не будете, или мне улететь каким-нибудь образом надобно от родни заботливой куда глаза глядят, хоть море переплывать?

— Убечь-то тебе вряд ли удастся, но раз тебя сам Алатырь-камень приветил да живой водицы дал, никто на тебя больше повлиять не сможет. Вот только не пожалела бы ты об этом. Одумайся.

Я его причитания прервала и спросила:

— Рассказывай, зачем мне так нужно было на Буян попасть и что узнать, чему научиться? Ну же не тяни, и так неделю проспала.

— Ну, во-первых, — опять протянул Кот, — ты про родство свое должна была узнать. Не безродная ты, как видишь. Каждый должен свой род знать, безродный человек, как дерево без корней, а у тебя корни мощные, за такими тетушками не пропадешь. Научить они тебя должны разным премудростям, а я — попробовать рассказать более-менее вразумительно о жизни на другой планете, куда Михел с Лилит отправились, ты туда тоже должна отбыть.

— А почему попробовать рассказать? Что там за планета такая страшная, что как все, кто про нее говорят, сразу вздыхают?

— В том то и дело, Лотта, что сложно там все и запутано. Много, очень много зла и жестокости на ней, жуткая планета.

— Так зачем туда ехать, что я там забыла?

— Зачем ехать — не ко мне вопрос, у Макошь спросишь, а я и тетушка Гамаюн немного тебе про эту планету порассказываем.

Учеба

Утром я проснулась без ощущения поросячьего счастья в голове, но в добром здравии и с ясной головой. Отлично, значит, не обманул Кот Баюн, а то, что я выспавшаяся и в здравом уме — легче с тетушками разговаривать будет. Вот ведь не птицы они, а змеи оказались. Настроилась на серьезный разговор, надела сарафан и пошла завтракать.

Меня ждали и явно знали, что я тоже уже не в состоянии протрации.

— Ну что ж, — сурово так и печально посмотрела на меня Сирина. — Хотела без

иллюзий жить — твое право, только не пожалела бы об этом. Иногда лучше на многое глаза закрыть и пребывать в святом неведении, чем увидеть истинный смысл вещей.

Осуждающе жалеющие взгляды тетушек несколько не повлияли на аппетит, я откушала с огромным удовольствием поставленные пользительные для меня блюда и в конце сказала:

— Спасибо за пищу и очень прошу — научите, дайте мне знания, которые нужны на Первой Земле. Ведь Макошь советовала мне сюда съездить не только для того, чтобы мы обзнакомились, а чтобы вы меня кое в чем просветили. Я, конечно, за прошлую неделю отдохнула благодаря вам, набралась сил, подуспокоилась, насколько это возможно, а теперь мне нужно узнать многое. Вы ведь мне поможете?

Алконост просто взмахнула крыльями и закрыла ими лицо.

— Ты все-таки собралась выполнить то непонятное задание, что собирается поручить тебе Макошь.

Она начала картинно заламывать руки и при этом хлопать крыльями.

«А неудобно, наверно, постоянно две пары верхних конечностей иметь, — как всегда не вовремя возникла мысль в голове. — Хорошо, у меня крылья спрятаться могут и не мешают жить, а у них вот так всегда — и крылья хлопают, и руки машут».

Тут я вспомнила про свои крылья. «Интересно, почему мои крылья как-то давно не появляются, — опять пронеслось в голове, — они тут не атрофировались? Вдруг я здесь бескрылая особь?»

Ужас о потере крыльев, видимо, отразился на моем лице. Потому что Сирин сочла это за проявление моего понимания сложности ситуации, смягчилась и пропела:

— Не волнуйся, мы рады, что ты осознаешь всю ответственность служения Макошь и, если все-таки передумаешь ввязываться в ее авантюру, можешь спокойно оставаться на Буяне, тут боги не имеют власти.

— Не суетись, Сирин, — пробормотала довольно невнятно, как она обычно вещала, Гамаюн. — Тут дело в пророчестве, в пророчестве.

У нее закатились глаза, голова откинулась назад, крылья обвисли, как тряпочки, губы посинели, и страшно как-то стало.

— *Дева осени проклятая. Похожая и непохожая. Страшная и прекрасная, любимая двумя и носящая двух, придет и заберет нужных, спасет от ярости нового потопа, что не водой пройдет по миру, а огнем ненависти.*

— Ей не уйти от него, и это о ней, вижу, вижу, — продолжала вещать Гамаюн в непонятном экстазе. — Время исполнилось, путь открылся, в огне гибели одного возникает росток второго, маленький, но зеленый.

Тут, слава богам, глаза у нее стали нормальными, крылья обрели силу, и она захлопала ими вполне живенько. Потом отрешенно обвела всех взглядом и сказала:

— Мы не можем ее удержать тут, в пророчестве говорится именно о ней. Дева Осени — это, скорей всего, она, и тут не только прихоть Макошь, а и Его решение. Мы не можем противиться и должны помочь в осуществлении.

Тут она вздохнула и печально так сказала:

— Это о тебе.

— Почему это, при чем тут я? — очень сильно не хотелось быть причастной ни к какому пророчеству.

— Что тут непонятного? Родилась ты осенью — Дева осени, значит. Прокляли тебя в детстве. Ты внешне удивительно похожа на бабку и мать и совсем не похожа на них по

характеру. Была уродливой внешне до снятия проклятья, но все нелюди видели тебя прекрасной. Ну, а то, что любят тебя двое принцев и ты беременна двумя детьми, вообще можно не объяснять. А вот остальная часть пророчества — это точно к Макошь.

— Ну почему я, что со мной не так? Я обычная и ничего особенного не хочу.

— Все в тебе как-то не так, как положено. В сказках героини идут на подвиги, сражаются с драконами, спасают принцесс, а потом на них женятся, все живут долго, счастливо и спокойно, растят детей и пишут сказания или о них пишут сказания, про их славные подвиги. А ты, Лотта, принцев от невест спасала, с драконом дружбу завела, Кощею бессмертному помощь оказала, и хоть проклятье с тебя сняли, и претендентов на руку и сердце сразу два оказалась, и оба красавца, а от любви сбежала, под венец не пошла, даже между двумя принцами выбор до конца не сделала.

Внутренний голос огрызнулся: «Выбрала я, чего уж там, вот только выбор этот в моей жизни пока ничего пока не меняет». А тетка дальше говорила:

— Детей вот зачали, а вместо того, чтобы на перине пуховой с мужем под боком по утрам просыпаться, на сырой земле спала, а главное — с детьми нерождёнными в другой мир должна отправиться и подвиги там совершать, да еще непонятно какие. Неправильная ты героиня для сказки, неправильная.

— Какая есть, и не героиня я вовсе. А про другой мир поподробнее бы и про подвиги тоже, я на них вроде бы не подписывалась. И что там за пророчество? И вообще — непонятно, что от меня кто хочет.

— Учить нам с сестрами тебя придется уму-разуму, Лотта. А вот как за такой короткий срок уложиться — не знаю.

— А чему учить меня будете? — тут меня такое любопытство взяло, что аж подскочила.

— Не торопыжничай. Тому, о чем простой смертный только мечтать может, а не мечтает только потому, что не знает, что это существует. Учить будем порталами\ вратами пользоваться, открывать их и перемещаться в пространстве, в информационно-энергетической оболочке \ в безтелесном облике МОЖЕТ??? Земли скользить и находить нужные потоки, чтобы не утонуть и с ума не сойти — все покажем, что умеем. Людей немного чувствовать научим, насколько сами способны, а ты уж способности-то сама развивать будешь. Кот тоже помогать будет. Он тебе многое о Первой Земле расскажет, да о людях тамошних, он у нас ученый и философ, хоть и хвостатый. Времени только у нас маловато. На учебу месяц всего, не больше, имеем, а потом улетишь. Да еще тренироваться тебе летать надо, нельзя, чтобы крылья ослабли.

Тут тетки дружно загомонили, обсуждая как, что и в каком количестве мне в голову вкладывать. Просто птичий базар начался. Голова сразу распухла, и я жалобно так попросила:

— Можно, вы не втроем сразу учить меня будете, а по отдельности? Мне так легче воспринимать знания.

Тетушки начали обсуждать план занятий, а я пошла погулять по Буяну.

Только сегодня, наконец, я почувствовала остров, ощутила его дивную дикую северную красоту. Огромные валуны, выброшенные на берег, как игрушки, чахлые можжевельники, притаившиеся за ними, чтобы выжить и не быть смытыми в море — так просто и так невероятно торжественно. Остров в своей первозданной красоте, казалось, был осколком вечности — недоступный человеку и равный богам, а может и не им, но кому? Казалось, ты прикасаешься к чему-то великому, бесконечно мудрому, к тому, кто по своей непонятной

доброте разрешил ощутить себя, не отвергая и не возвышаясь.

Вокруг до самого горизонта простирался океан, вдалеке плавали льдинки\льдины. Чайки и поморники носились над водой, расчерчивая крыльями синеву воды и воздуха. Океан, как и остров, был извечен, только еще более непредсказуем и непонятен. Волны накатывали на прибрежные скалы, шумели и, как ласковые котята, лизали подножье острова и уходили назад, чтобы вернуться и насладиться извечной игрой — дотронулся и убежал, догони меня. Остров возвышался, океан шумел, а я стояла и удивлялась — как я, такая ничтожная, смею смотреть на это величие. Захотелось слиться с этим миром, раствориться в его безграничье, не задумываясь о будущем, забыть о том, что привело меня сюда — только смотреть и благодарить, что смогла, вернее, что мне позволили это увидеть. И тогда этот мир открылся и поглотил меня.

Крылья возникли сами собой, я поднялась над землей с невероятной легкостью и растворилась в потоках воздуха. Сознания достигла и накрыла волна понимания, что тут я своя, что, наконец, я дома. Вот мое начало и, если захочу, могу в любой миг оказаться здесь, и мне будут рады и остров с его обитателями, и океан, я буду любима и понята, согрета и защищена. «Дома я, дома», — пело все внутри. Я, наконец, обрела его, поняла, почему изредка, когда выматывалась в дороге, шептала себе слова: «Я устала и хочу домой». Но до этого мига я не понимала, куда именно домой, где он, мой дом. Дом Микулишны и дом отца я тоже любила по-своему, но ощущала, что в них я пришлая. А здесь, на этом острове, у этого океана я была действительно дома, и все мне рады и любят меня, потому что я своя.

Некоторое время я парила над островом, а потом тихо опустилась рядом с тетушками. Они вздохнули.

— Остров принял тебя, и ты действительно дома, Ловелия. Мы рады. Очень...

Потом они долго молчали и смотрели на океан, боясь словами разрушить возникшее понимание родства.

Тишину прервала Гамаюн.

— Все, набралась сил, пора приступать к учебе.

— Хорошо, — кивнула я, — с чего начнем?

— Со всего понемножку. Сначала география.

Передо мной поставили большой шар с нанесенными на нем океанами, горами и равнинами.

— Это Вторая Земля, она по рельефу похожа на Первую Землю, только там очень много городов, из-за чего многие места совершенно не узнаваемы. Но если хорошо познакомишься с общим устройством нашей, тебе и на первой будет легче ориентироваться. Этот шарик называется глобус, и, конечно, он не простой. Коснись указкой, — и мне в руку попала длинная палочка, — любой точки и посмотри, что получится.

При прикосновении на глобусе появилось изображение, похожее на ладошку.

— А теперь щелкни два раза.

Я щелкнула, и место, к которому я прижималась указкой, увеличилось, и стали видны массив леса и речка.

— Прикоснись еще.

И, о чудо, стал виден берег реки, тихая заводь, голые деревья, стоящие на берегу, слой листьев, лежащий под ними, и пожухлая трава на пригорке. Все дышало поздней осенью. Я как будто стояла в том месте и чувствовала аромат пожухлой листвы, холодную зябь воды и землю, которая уже ощутила первый заморозок. Чудеса.

— Молодец, Лотта. Ты увидела эту точку, почувствовала ее, а теперь протяни нить пути отсюда туда, захоти перенестись в нее, увидь себя стоящей на берегу. Только прошу — не увлекайся сильно, а то потом мне придется тебя ловить и переносить обратно.

Я попробовала, и меня как будто рванула и подняла над землей неведомая сила, которая тянула в этот только что увиденный и такой желанный кусочек мира. Но попасть не получилось, что-то мощно выдернуло меня из моих грез, и я услышала голос Сирина:

— Говорили же, у нее сразу получится, она же путница. Хорошо, что удержать удалось. Лови потом.

Я удивленно посмотрела на Сирина.

— Я что, чуть туда не переместилась?

— Вот именно. Сильна ты, девочка, в своих видениях и желаниях. Сильна. Давай потренируемся видеть точки, и ты уж, пожалуйста, не проявляй желания туда переместиться. А то можем не удержать.

Еще несколько часов я тыкала указкой в различные точки глобуса, отгоняя от себя жгучее желание заглянуть в одно место, а именно, во дворец, где сейчас находился Карен. Ну очень хотелось. Просто посмотреть, как он. На глобусе не было названий городков и поселков, и это затрудняло поиск. Но я, думая, где искать, вспомнила наше путешествие и начала потихоньку водить по глобусу рукой с указкой. Сначала нашла город, потом дворец и начала увеличивать его изображение. Что во дворце, я, конечно, увидеть не могла, но ведь мог же он, например, в парке гулять. Так захотелось его увидеть. Моей мечте суждено было сбыться. Такой знакомый белый конь Хи выезжал из дворцовой конюшни. Хи в красивом голубом кафтане на меху приблизился к ожидающим его полутора десяткам придворных. Сопровождают на прогулке. Интересно, он еще наследный принц или уже король? Среди придворных были не только мужчины, но и дамы. Не понравилось мне это очень. Особенно одна, она так и крутилась в возле него, подъезжая совсем близко и, пристроив наконец свою лошадь рядом с лошадью Хи, начала весело щебетать. Жаль, что не слышно, о чем рассказывает. Карен улыбнулся ей, довольно официально, но улыбнулся, и сердце мое залила ревность. Он там развлекается, фрейлины вокруг него крутятся, а я тут беременная страдаю.

Внутренний голос хихикнул: «Во-первых, не страдаешь и чувствуешь себя нормально, на Буяне не страдают токсикозом. А во-вторых, кто мешает вернуться? Подучись немного перемещаться — и появишься. Стоит ведь ему, наверно, про детей-то знать, ведь отец он, а тут наследники?»

Но не хотела, почему — не знаю, а может, наоборот — хотела. Разобраться бы в этом сначала самой, а потом — что потом? Смотрела, как замороженная, и поняла, что страшно соскучилась. Так бы и наблюдала за ним, но изображение не сохранялось долго и вскоре пропало, а я поняла, что очень устала.

— Я не видела, чтобы Лаки пользовался глобусом, когда хотел перенестись.

— Зачем ему глобус, он каждый уступ и каждый поворот дороги на планете выучил наизусть за столько-то лет. Ему просто стоит представить точку, в которую он хочет переместиться, и при некоторых затратах сил он там. У тебя пока так не получится. Но учись, пусть сначала привязка будет грубой, а потом более тонкой. Научишься. А теперь перерыв на обед, а потом опять учиться.

После обеда хотелось спать: уж больно вкусно и сытно меня кормили, но родственницы были непреклонны. Алконост сказала:

— Надо было потоками с утра заниматься, на свежую голову, а то у нее не только тело,

но и душа сытая и тяжелая, может нырнуть глубоко. Давайте пока немного теории, а потом показывать будем. Ощути себя этим миром, ветром, колышающим ветви деревьев и траву, морем, ласково ударяющимся о скалы, ощути.

И они начали рассказывать про то, что Земля и сама живая, и ее окружает особая многослойная энергоинформационная оболочка, в которой сохраняются и перерабатываются знания людей и существ, живых сегодня и живших ранее — их мысли, желания, эмоции, что они переплетены с ощущениями самой земли.

— Мы не совсем понимаем, как это работает, слишком сложная это структура. В ней можно плыть, как в воздухе, скользить в ее потоках, как делаем мы, и ощущать информацию. Обладая определенным умением, можно получать знания и идеи, а можно погрязнуть в ужасах ощущений мерзости произошедшего когда-то. В этой оболочке рождаются новые души, и скользят доньше неприкаянные души, которые не смогли выполнить свою миссию до конца и жаждут найти новое тело, что поможет им это осуществить. Много происходит там, многое и непонятное.

— Я, — сказала Алконост, — летаю в верхних, более легких слоях, а Сирина хуже приходится — она опускается ниже и ощущает много грустных знаний и эмоций. Некоторые люди тоже могут ощущать эти знания\ познать их, но им трудней и осознать их, и разобраться в том, что узнали. Поэтому, когда Сирина видит, что человек в грязный поток попал, предупредить его хочет, а часто получается, что это за знак беды принимают, вместо того, чтоб подумать, как избежать неприятностей. От бессилья она часто плачет и грустит. А так она веселая, радостная сама по себе. Слушать ее надо, когда встретишь, а не убегать в панике.

— А что, подумав хорошо головой, любые беды обойти можно?

— Нет, девочка моя, не любые. Вот когда Дева Обида, да еще с Див птицей перед людьми появляются, большая беда приближается — война ли, голод ли, разруха ли, а то и все вместе. Встретишь их — к лиху готовиться надо, спастись, и то не всегда спасёшься. Часто они на первой Земле показываются, слишком часто.

— А может, ну их, эти потоки, как-то все сложно больно, — жалобно так прошептала я.

— Тебе нужно научиться брать в этом поле информацию о людях, научиться ее использовать для понимания их места в жизни, — серьезно сказала Гамаюн.

И мы начали учиться. Я как будто то окуналась во что-то липкое и грязное, то парила в воздухе и дышала полной грудью, то наполнялась радостью или отчаяньем и за час занятий так выглядела и ощущала себя, будто по мне стадо свиней пробежало. Упала на траву в полном бессилии, и в голове крутилась мысль: «Неужели столько ужасного в мире и столько грязи?»

— Успокойся, — послышался голос Сирина, — это ты просто выше нижних слоев подняться не смогла, в них и утонуть можно от тоски, мы тебя сейчас в баньку отнесем, там отмоешься.

Лежала в бане на лавке и думала: «Не хочу этого знать, не хочу. Уметь этого не хочу, хочу на крыльях летать, а не в потоках, зачем мне люди, поля, чужие страдания, эмоции».

Что такое хорошо и что такое плохо, примеры на пальцах

Рано утром мы тетушкой Гамаюн сидели под Мировым деревом. Невдалеке на белом камне сидела Заря-заряница и, устремив взгляд на восток, сучила нитки, да так, что,

казалось, солнце из воды вытаскивает. Так и хотелось ею любоваться. Только тетушка хлопнула меня крылом по попе и сказала:

— Не отвлекайся, сама сказала, что времени у нас не так много, поэтому вот урок на утро. Люди считают, что я не только родилась вместе с нашим миром, но и назначение мое — напоминать людям о высших ценностях бытия. Но с ценностями дело обстоит сложно и не всегда однозначно. Есть, конечно, незыблемое, но об этом позже. Сегодня будем мы с тобой, Лотта, играть в игру «Что такое хорошо и что такое плохо». Ты сама многое понимаешь, не дурочка, но хочу, чтобы ты от детского абсолютизма избавилась. Начнем... ну, например, с Лилит. Она хорошая или плохая?

— Зараза ужасная, — в сердцах выпалила я, вспомнив эту даму, — она Михела обманула, отцом его без его согласия сделала, забрала его с собой для своих утех.

И тут я так разнервничалась, что ноготь откусила, но тетка только улыбнулась:

— А Василису она спасла или кто?

— Она. Но ей это ничего не стоило, она это сделала играючи, заодно и Марка себе в игрушки получила.

— Она его и так могла получить, а могла не внять просьбе Кошеевой прилетать на нашу планету и сидеть в своем замке, собак-кошек кормить, но откликнулась, а значит, не совсем ужасная. И последнее о Лилит — скажи, положиться на нее можно?

— Не думаю, вернее, в том, что ей выгодно — можно, тут она не подведет.

— И так большинство людей, а станет другая идея повыгоднее — и прости-прощай прежние идеалы, обещания, сами себя уговорят, что делают все правильно и во имя высших целей. Но в чем-то с ней и должно, и нужно общаться, информации у нее много полезной в голове и, поверь, не самый она худший человек на той Земле.

— Тетя, ты так не любишь людей?

— Что ты, я их люблю, просто обольщаться не надо и понимать, кто на что способен. Обольщение и самоуспокоение все губят, любую идею, а тебе нельзя позволить это себе. Слишком велика цель.

Тут я напряглась и стала вся как одно большое ухо.

— А что за цель?

— Потом Макошь все расскажет, а мы продолжим, Лотточка. Итак, следующий Михел. Он хороший?

— Очень, — вспомнила его и заулыбалась. — Он добрый, красивый, отзывчивый, романтичный и..., — тут я задумалась.

— Ну-ну, Лотточка, продолжай, дифирамбы всегда хорошо послушать, особенно в адрес молодого симпатичного принца. А предать он может, положиться на него всегда можно?

Я опять опустила голову и почти себе под нос сказала:

— Не знаю.

— Конечно, не знаешь. Только человек легкомысленный и увлекающийся мог не отличить одну девушку от другой в постели, а когда понял, что это не та, ему уже все равно было. Да и по-хорошему, не хочу тебя расстраивать, но он ведь мог не поддаваться на уговоры Лилит, а с тобой остаться, защищать тебя? Что ему Лилит по сравнению с тобой? А ведь от боязни дальше мучиться рядом с девушкой, которая любит брата, и от желания попасть на другую планету, познать то, о чем мечтал, научиться запечатлеть миги бытия, он тебя оставил и умотал. Жестко, девочка, но правда. Не строй лишних иллюзий.

— Все равно он хороший, — прошептала я, всхлиывая, — он любит меня.

— Скорее, увлечен. Он, как художник, внешностью твоей увлечен, и сам ее за любовь принимает. А может, это и любовь такая к облику, не все я в этом понимаю.

— Так он говорил, что я ему, и когда некрасивая была, нравилась.

— В уродстве тоже своя красота имеется, а потом не забывай — он всегда тенью своего брата был, а теперь, надеюсь, себя найдет. Планета Земля и ломает, и создает личности. И сильные, и талантливые, и неузнаваемые.

— И откуда ты это все знаешь, тетушка? Я вроде не рассказывала ни про Лилит, ни про Михела, ты что, в голову ко мне залезть можешь?

— Незачем мне к тебе в голову лезть, когда знания вокруг нас плавают. Я — та сущность, что живет в информационной оболочке, я в ней летаю, растворяюсь в ней. В это время у меня, конечно, видок еще тот, отрешенный от реальности, тело тут, на Буяне, а дух вокруг Земли скользит. Кот так вообще считает, что я немного с приветом. Да оно так и есть. К счастью, больше по потокам радости летаю, поэтому если меня встречают, то это к счастью.

— А Алконост и Сириин как же? А я так смогу? — заинтригованная и удивленная донельзя, спросила я.

— Алконост с Сириин летают, конечно, хотя больше на Буяне любят посиживать, пшено покушивать, это меня все манит мир почувствовать, не могу без этого, крылья опускаются. Да и поддержка людям от меня нужна, силу к ним подогнать. Когда сомневаются, мудрости подбросить, не совсем разжевать да в рот положить, а подтолкнуть к размышлению. Кто тайное ищет — меня ищет, и, услышав, поймет.

Я задумчиво теребила край юбки. Сложно-то как, и вот какие у меня тетки великие, а я...

Тут вопрос сам в голову пришел:

— А я как же, у меня тоже какой-нибудь дар есть?

Тут тетушка от радости аж крыльями захлопала.

— Наконец-то вопрос правильный задала. Конечно, имеется. Ты же мир окружающий чувствуешь?

— Чувствую, конечно. Как в лес захожу — понимаю, что живой он, я как будто в нем растворяюсь и становлюсь деревьями, кустами, травой, и слышу отдельные проблемы в общем потоке, если сосредоточусь, дорогу чувствую — куда приведет и как лучше двигаться по ней.

— Вот видишь, как хорошо, дар этот у нас наследственный. Только надо мне тебя научить еще, как людей чувствовать, важно это для тебя и ...будущего мира.

— Это как чувствовать — хорошие они или плохие, что ли?

— Лотта, мы же с тобой только что это обсуждали, — сухо сказала тетушка, — хороший, плохой — это абстрактные величины. А вот можно ли им доверять и что, а также что от них ждать — это тебе научиться видеть надобно.

Тут тетушка помолчала и ехидненько так на меня глянула:

— Вижу, абстрактные люди тебя все-таки мало интересуют. Чувствую, о Карене хочешь поговорить. Права ведь? Давай.

— Хочу спросить ..., — и замаялась, — только сложно очень. Для меня он хороший очень — и умный, и добрый, и заботливый и Впрочем, любит он меня, — промямлила я тихо. — А ты думаешь, нет?

— Ты хочешь спросить, любит ли и предаст ли тебя? Любит, думаю, и нет, не предаст, а

окажись он рядом с Лилит — сразу понял бы все и не оставил бы тебя одну, а за тобой в портал бросился бы. А по тем эмоциям, что сейчас вижу — влюбилась-таки ты в него. А вот где твой раззамечательный Карен сейчас и что ты тогда здесь одна делаешь, а, Лотта? Карен сейчас на троне сидит, указы подписывает да мимо фрейлин королевских смотрит, печалится. Выходит, для него долг выше любви. Подумай об этом. Нужен ли тебе такой муж, или найдешь такого, который от тебя ни при каких обстоятельствах не отлипнет? И еще — ты от него что, так и будешь скрываться и скрывать существующий факт? А?

— Злая ты, — прорычала я на тетку, и у меня возникло желание у нее все перья из крыльев повыдергивать.

И я высказала прописную истину:

— Ответственному человеку трудно разорваться между любовью и долгом.

Сказала резко и замолчала, надув губы. Чего это она от Карена хочет? Не дам его чернить. Я ведь и сама могла с ним остаться, а побежала долг перед Макошь исполнять. Хотя не только долг меня на Буян толкал, но и желание по дороге прокатиться, мир поглядеть. Ведь подспудно понимала, что если с Кареном останусь, то привязана ко дворцу буду, а я не хотела. Ну и кто хуже? У кого чувство долга сильнее — у него или у меня?

Тут же захотелось плакать, жалко себя так стало, дуру непутевую.

— Так, вот этого точно не терплю, — резко оборвала мою слезливую жалость к себе тетка. — Как ты понимаешь, тут, на Буяне и выносишь без осложнений, и родишь без боли, и детей твоих за счастье будет нам нянчить, а вот нужен ли тебе Карен и если да, то кто свое дело бросить должен — он ли королевство, ты ли скитание по мирам — вот это вопрос. Ни тот, ни другой, как понимаю, от своего долга отречься сейчас не может, а как совместить несовместимое — даже я затрудняюсь придумать. Может, плюнешь на Карена и отношениями с Михелом удовлетворишься? Судьба явно не возражает против такого варианта, раз ему вторая туфелька попала. В жизни редко бывают одновариантные ситуации.

Я надулась. С Михелом, конечно, было не так уж плохо, но дети не его, да у него теперь и своя дочка без присмотра, видимо, расти будет, если он что-то не придумает, так что он явно не вариант. И вообще — скучаю я без Карена.

— Не торопи события, решай то, что сейчас важно — как и детей выносить, и работу на Первой Земле выполнить. Тебе надо кое-чему еще подучиться, а потом с Макошь пообщаться, чтобы узнать, что от тебя хотят и насколько это выполнимо.

Нет ничего нового под луной и все — новое

Мы сидели с Котом на Дереве, тетушки улетели спать. Вечерка провожала солнце, а мне хотелось просто отдохнуть после такого трудного дня. Эти слои, эти эмоции, перемещения — устала. Хотелось поговорить о чем-нибудь простом, о пище насущной, например, и поэтому спросила:

— Баюн, ты же все-таки хищник, мышей или птичек ты ловишь?

— Лотта, ты что, какие птички, меня твои тетушки без хвоста, усов и еще кое-чего оставят. А вот мышек ловлю, да и еще всяких других грызунов, все коты любят охотиться. Но тут их немного, не наешься, я крупный кот, мне мышь — на один зубок. Вот в лабораторию бы попасть, где белых мышек выращивают, и попробовать их — наверно, вкусные.

— А что это за мыши такие лабораторные и где обитают?

— Их на Первой Земле разводят для опытов — то, что не могут испытать на людях,

испытывают на мышах, закономерности там всякие изучают. Много интересного получается узнать.

— Ну, расскажи мне что-нибудь про мышей. А то всякие поля и эмоции меня утомили. Мыши — это что-то не из теории мироустройства.

— А вот тут-то ты ошибаешься, милая, — промурлыкал Кот. — Еще как на них устройство и проблемы общества можно изучать. Рассказать?

Я, хоть и устала, но было очень интересно.

— Ладно, давай, спать еще рано, так что послушаю.

Кот, как всегда, прошелся по цепи взад и вперед и начал немного занудно и нравоучительно:

— Первая Земля очень густо заселена. Там уже сейчас обитает около 7 миллиардов человек, это очень, очень много. Особенно много народа обитает в двух странах, что называются Китай и Индия, в них проживает треть населения планеты. Планета страдает от такого количества людей, но что делать, не убивать же лишних? Люди задумываются, на сколько времени еще хватит пищи и как такая плотность будет влиять на их психологию. В институтах стали специально изучать эти вопросы и один из экспериментов провели на мышах.

— А почему на мышах, они ведь совсем не похожи по поведению на людей?

— Это только кажется, что не похожи, если правильно искать, можно много общего найти. Вот я и рассказываю — поставили любопытный эксперимент. Так, для нескольких пар мышей создали своеобразный мышиный рай: постоянная комфортная для мышей температура, изобилие еды и воды, созданы многочисленные гнезда для самок. Бак, в котором они обитали, очищался и поддерживался в постоянной чистоте, еда и вода не заканчивались никогда, вот только размер территории, куда их поселили, не менялся. Сначала мыши размножались очень быстро — каждые 55 дней численность мышей увеличивалось вдвое. Так продолжалось некоторое время, а потом скорость размножения стала уменьшаться. Появились особи, которых выгоняли на окраину поселения, обижали. В этот период стали заметны и другие изменения в их поведении — появились самцы, которые не хотели защищать своих самок, а самки стали часто драться между собой и даже стали проявлять агрессию по отношению к своим детенышам. Многие особи вообще не стремились размножаться и вели жизнь отшельников. С этого момента численность уже не увеличивалась, а уменьшалась, и мышиное сообщество стало вымирать. Если выразиться человеческой заумной терминологией, то в психологическом плане начинается отказ от принятия многочисленных вызовов, бегство от напряжения, от жизни, полной борьбы и преодоления — и это явление экспериментатор Джон Кэлхун назвал «первая смерть» или смерть духа, за которой неизбежно приходит вторая смерть, на этот раз тела. Перед окончательным вымиранием появилась новая группа мышей, которых исследователи назвали «красивые». «Красивые» только ели, пили, спали и очищали свою шкурку, избегая конфликтов и выполнения любых социальных обязанностей: они не желали драться и бороться за самок и территорию, не проявляли никакого желания спариваться. При этом в условиях избытка жизненно необходимых ресурсов начали отмечаться случаи каннибализма, и это при изобилии нормальной мышинной пищи, самки отказывались воспитывать детенышей и убивали их. Представляешь, мыши практиковали — «фу-фу-фу» — гомосексуализм. Все закончилось очень плачевно — в конце концов, все мыши вымерли.

Кот многозначительно замолчал и глянул на меня.

— Но мыши не люди, людям много необходимо для жизни, не только есть и размножаться, они придумали бы себе какое-нибудь интересное занятие, мечтали бы, песни придумывали и пели или еще чего-нибудь. Кот, скажи, неужели человечество Первой Земли обречено и вымрет, как глупые мыши? Я не верю, нельзя проводить подобное сравнение.

Кот фыркнул:

— Это почему же нельзя? Сравнить мышей и людей внешне нельзя. Но думать и выводить закономерности в поведении еще как можно. На Земле среди людей и сейчас есть «красивые». Да множество людей хочет наслаждаться жизнью и, желательно, на халяву. И даже перспектива вымирания вряд ли их остановит. Пусть их наличие пока не является признаком конца, но известно, что перед кончиной, например, Римской империи, таких «красивых» было немало. Автор эксперимента Кэлхун провел прямую аналогию с человеком, пояснив, что важнейшая способность человека — это жить в условиях давления, напряжения и стресса. Он просит обратить внимание на наличие в настоящее время среди современных мужчин индивидов, способных только к самым элементарным, повседневным действиям, но не более того. Отказ от принятия важных решений, бегство от напряжения, отказ от преодоления трудностей — это «первая смерть» по терминологии Джона Кэлхуна или смерть духа, за которой неизбежно приходит вторая смерть, в этот раз тела. Мыши, отказавшиеся от борьбы, выбравшие невыносимую легкость бытия, превратились в аутичных «красавцев», способных лишь на самые примитивные функции — поглощения еды и сна. От всего сложного и требующего напряжения «красавцы» отказались, стали в принципе не способны на подобное сильное и сложное поведение и вымерли. Вот так-то, Лотта.

Мне стало грустно. Ну вот, опять на ночь о печальном заговорили.

— А что, действительно все так безнадежно или что-то можно предпринять?

— Идей много, но вот как их осуществить, никто не знает. И поэтому действительно грустно.

Солнце село, и на такой печальной ноте я отправилась спать.

В гостях у Майи. Лотта

До этого в полетах в оболочке тетушки меня сопровождали иногда даже втроем, иногда поодиночке, но уже неделю меня выпускали полетать самостоятельно, правда, только в определенный слой со строгим приказом его не покидать. Но сегодня мне разрешили попробовать смещаться в слоях самостоятельно.

— Пока не поплывешь сам, плавать не научишься, поэтому, хоть нам и довольно волнительно отпускать тебя одну, но придется. Слушай меня внимательно, — взволнованно проговорила Гамаюн. — Прошу тебя, Лота, не летай низко — испачкаешься и впадешь в большую печаль. Не летай долго в легких слоях — будешь думать, что жизнь легка и в ней нет проблем. Иногда это настраивает на излишний оптимизм, а тебе надо научиться понимать жизнь, а не находиться в эйфории чудесного мира. Но главное — не поднимайся слишком высоко, можешь не вернуться.

— Как это, тетушка? Ведь легкие слои — они радостные, наполнены ощущением успеха, удачей, ну, всем хорошим.

— Да, это так, — пауза и потом ее вздох, — но, увы, в самых легких слоях находится то, что нельзя назвать реальностью, невесомое и неосязаемое, но все-таки это существует. Им можно увлечься, погрязнуть в нем и остаться навсегда.

Тут я действительно удивилась:

— Вы мне об этом не рассказывали, что это за мир?

— Это «слой Майи» или «Мир Майи», он есть и его нет, это «Мир Иллюзии». Майи — Иллюзии. Все, что там происходит — игра Майи.

— А почему мне-то стоит бояться этой Иллюзии, почему? И, если можно, поподробнее — что это такое?

— Вот поподробнее сложно, уж очень расплывчатое понятие. В древности слово «Майя» обозначало «Знания». Позднее слово «Майя» потеряло свой изначальный смысл и приобрело другой, Майя стала «Иллюзией». И теперь, что очень показательно, «Знания» превратились в «Иллюзию», и не только в названии слов.

— Тетушка, — начала нервничать я, — почему ты про одни вещи рассказываешь подробно, а про другие сухо и с неохотой, как, например, про «Мир Иллюзии»? Я ведь чувствую, что это важно.

— Ты смешная, Лотта. Если бы это было так просто — рассказать и объяснить, что такое Бог, Вечность, Материя, Время, Иллюзия, Истина, Реальность, то люди бы не заблуждались, но и, наверное, не были бы людьми.

Она помолчала и добавила:

— Существует два важных понятия, может, даже главных: ИСТИНА и ИЛЛЮЗИЯ. Да, Лотта, это очень сложно понять, а для большинства людей это и не нужно, вернее, им нет в различии этих понятий необходимости. Могу сказать только сухо, надеюсь, поймешь — сейчас или когда-нибудь. ИСТИНА неизменна, так как она истинная и абсолютная. Истина всегда существует в бесконечном пространстве материи. Точно так же, как существует СОЗНАНИЕ, Абсолют — БОГ. Истину изменить нельзя никакой магией или силой. Никто не может изменить Истину. И постигнуть Истину можно лишь СОЗНАНИЕМ. «Иллюзию тоже умом понять невозможно — только Сознанием. Люди пытаются понять «Иллюзию» умом и терпят неудачу. И еще одна «неудача» людей в том, что ум тоже есть «Иллюзия». А «Иллюзию» понять, наверное, можно, но результатом будет «Иллюзия».

— А зачем мы вообще этой Майе, что ей до нас?

— Без людей никак, Майе для успешного существования нужно, чтобы люди её изучали, думали о ней, разбирались в ее хитросплетениях — и так всегда и доечно. Майя может быть прекрасна и уродлива, доброжелательна и устрашающа. И людям без нее никак нельзя, Майя — это возможность жить и развиваться, возможность почувствовать счастье и страх, любовь и ненависть, гармонию и извращения. Все эти разнообразия Майи меняют людей, потому что влияют на них. Люди стараются приспособиться или, наоборот, пытаются сопротивляться, бороться. Люди придумывают «правила игры», «политику», способы «обмануть природу», продлевая себе молодость. И каждый человек вкладывает свой смысл в свою жизнь, а кто-то и вообще в ней не видит никакого смысла. В любом случае все люди подчиняются Майе и сами, вольно или невольно, меняют Майю. Но как бы люди ни старались, Майя как держала людей у себя в «плелу», так и держит их. И будет держать, пока Сознание не возвысится над Майей и не постигнет Истину. А пока этого не произошло, Иллюзия будет расставлять миллиарды «ловушек». Потому что для людей Майя и есть «ловушка», в которую попадают все «несовершенные», — она опять замолчала. — Вот знать бы, где они, эти совершенные? Может, где-то и есть.

— А это возможно — постигнуть истину?

— Глупцы ищут Истину в последней инстанции или еще хуже того — представляют себя этой истиной в последней инстанции. Нет, я думаю, это невозможно. Невозможно до

конца познать Истину или Бога, или два в одном, но к этому надо стремиться. Где-то так, Лотта.

— Но если Майя существует везде, то почему так опасно для меня залететь в ее слой?

— Хороший вопрос, нужный. Потому что в Мире или, в данном случае, Слое Майи нет реальности, все иллюзии и самое главное — это иллюзии жизни. Если сны воспринимаются как реальность, то почему нельзя реальность считать сном? Ты можешь попасть в чужую жизнь, поверить в нее, а не поверить очень сложно, будешь жить в ней долго и счастливо или не счастливо, как захочет Майя, но это не твоя жизнь, Лотта. Майя может захотеть понаблюдать за тем, как ты будешь выпутываться из жизненных ситуаций. Ты будешь думать, что это твоя жизнь, и множество глаз Майи будут смотреть и развлекаться. Ты можешь потерять себя, хотя я в тебе уверена, и, надеюсь, ты поймешь, что хочет от тебя Майя и сможешь уйти из слоя, но прошу тебя, будь осторожной, лучше не попадай туда.

Мне почему-то стало очень не по себе. Я не особенно поняла суть сложных рассуждений тетушки, но в слой попадать мне очень не захотелось. Тем не менее я спросила:

— А ты там много раз была? Как там тебе?

— Да, была, и чуть не сошла с ума, выпутываясь из ее хитросплетений. Даже мне было сложно понять, где право, а где лево, а мое сознание не такое, как у людей. Помнишь нашу встречу, когда ты была в депрессии? Мы встретились возле Мирового Дерева, и я была как бы не совсем в себе. Только почувствовав твою нужду, я смогла быстро вернуться из ее мира.

— Да, я запомнила твои странные слова:

Сегодня солнце вокруг земли сделало оборот -

Или наоборот.

Гончие жизни выгнали смерть из норы —

Или наоборот.

Гончие смерти загнали жизнь в угол -

Или наоборот.

Глупый бежит по кругу, умный за поворот -

Или наоборот.

Но если это так плохо, то, может, нужно научиться сразу отличать Истину от Иллюзии, чтобы не жить в ней?

— Какая же ты все-таки простушка, именно простушка, Лотта. Сколько тебя раз учили, что нет абсолютного добра и абсолютного зла, поэтому совершенно невозможно жить без иллюзий. Посмотри на детей. Девочка завернула в тряпочку палочку и нянчит ее, представляя, что это малыш. Кормит куклу, играет со своей иллюзией, или, например, мальчик машет палкой, представляя, что это настоящий меч. Бедная девушка смотрит на красиво одетых барышень и представляет себя в их нарядах, отправляется на бал и танцует с принцем. Иллюзия? Да, но и игра, и надежда. Как ее отменить? Мы с тобой заговорились, а тебе пора лететь. Запомни слова, если вдруг попадешь в мир иллюзии.

Учись падать и держаться ни на чем! Выбраться из ее мира можно, только найдя опору в самой себе, и тогда ты обретешь почву под ногами и станешь опорой и для других. Только так, опираясь на себя, обретая Сознание, можно найти Истину и уйти от игр Майи. Запомни это.

— А как это — держаться ни на чем? — торопливо спросила я, понимая, что разговор заканчивается и скоро предстоит улететь.

— Надеюсь, поймешь, — грустно улыбнулась Гамаюн. — Тебе пора. Будь умницей.

В Мире Майи. Лотта

Я убежден лишь в том, что непонятно,
И только то, что явно, мне темно.

Мне кажется обычным, что превратно;
Сомнительным, что ведомо давно.

Баллада «Истина наизнанку»

Франсуа Вийон

Умницей я не была. Сначала летала в средних слоях. Все слои я воспринимала очень своеобразно. «Как растительный мир», — смеялись тетушки, у них все виделось по-другому. Так вот, один из средних слоев виделся так: тепло, радостно, как в березовых рощах. Свет, ясность, белые стволы, от которых мир кажется прозрачным и черно-белым, но в нем больше радости, чем грусти. Этот слой давал мне ощущение, что впереди бесконечно ясная жизнь, такая же ясная и прозрачная, как березовая роща, иногда радостная, как белая кора, иногда темная, как черные трещины коры. Все понятно и просто, никаких полутеней, недоразумений. Смотрела вокруг: души — и юные, и пожившие — иногда пролетают. Кто ищет подходящий для себя мир, кто возможных родителей. Кто из уже поживших душ хочет переродиться и ищет тоже. Все ясное и черно-белое. Все понятно и просто. Ниже опускаться не хотелось — ну, может, чуть-чуть, в слой, который напоминал мне еловый лес. Сумрачный, тяжелый, но наполненный ароматом тайны, ожидания непостижимого. А ниже шла пустыня. Пустыня выжженных желаний и чувств: боли нет, только неясная тоска по несбывшемуся. Вокруг мечутся затравленными зверьками мысли и эмоции, которые хотят пить, но никогда не напьются. Потому что потеряли источник — он мелькал миражом на горизонте, но найти его нелегко.

Захотела подняться выше березовых рощ, к лугам, как я их называла. Высокое разнотравье со звенящим счастьем. Я обожала этот слой. Уравновешенное тепло. Многоцветье и чувство, что жизнь удалась. Что есть еще куча идей, времени. Чувство, что лучшее впереди и все будет хорошо. Уже было взлетела, но не получилось, какой-то вихревой поток подхватил меня и понес вверх. Я пыталась затормозить, но тщетно, меня неудержимой силой тянуло вверх, и я смогла остановиться, только когда воздух покрылся рябью и начал дрожать. Я поняла, что тут я еще точно не была. «Уж не туда ли я попала, куда мне не советовала попадать тетушка?», — мелькнуло в сознании и стало страшно. Воздух переливался и дрожал. Впереди что-то маячило, и я направилась туда. Потом поняла, что это ворота, огромные, с орнаментом, а возле них сидели три старика и разговаривали. Их разговор внимательно слушали какие-то тени. Старики говорили между собой, никак не реагируя на мое появление. Я прислушалась к разговору — он был очень занятым.

— Что есть жизнь? — спрашивал один из стариков.

— Возможность чувствовать и быть, — невозмутимо ответил другой.

— Что есть чувства? — серьезно спросил второй.

— Возможность ощущать дыхание этого мира, — пояснил первый старик.

— Что есть сущность? — вступил в разговор третий собеседник.

— То, что делает нас живыми, — почти одновременно ответили его товарищи.

Я решила прервать их удивительную беседу и обратить на себя внимание.

— Здравствуйте! Извините, я тут, кажется, залетела не туда. Но мне очень интересно то, о чем вы разговариваете. Можно узнать, кто вы? — начала обращаться к ним я.

— Мы те, кто выбирают сами, кем быть. В этом выборе нет третьих лиц. Ты выбираешь и живешь с этим выбором, пока выбор не становится жизнью. Это и есть Судьба, — усмехнулся один из сидящих, а потом грустно добавил. — Ты все-таки попала в этот мир, Лотта. Проходи. Ворота открыты, а сможешь ли вернуться — посмотрим.

— А можно не входить? — попыталась пойти на попятную я.

— Увы, уже нельзя. «Аннушка разлила масло».

Я ничего не поняла, кроме того, что мне нужно зайти в ворота, и других вариантов у меня нет.

За воротами расстилалось поле зеленой травы, ровное, красивое до равнодушия. Трава колыхалась, хотя ветра не чувствовалось. Ровная дорожка уходила в никуда.

На дорожке из ниоткуда появилась женщина — молодая, немного необычной, совершенно не запоминающейся внешности. Лицо красивое, но оно как будто состоит из тысяч других лиц. Они, эти лица, менялись — в одно и то же время женщина походила и на простушку, и на королеву, и на множество других образов, которые невозможно было запомнить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Здравствуй, Лотта, ты все-таки долетела до меня, а то я уже заскучала немного. А я не люблю скуку, это плохо сказывается на реальности.

— Здравствуйте. Как я понимаю, Вы Майя, у Вас тут все очень своеобразно, но можно я вернусь домой?

— А что есть дом? Расскажи мне, Лотта. И к кому ты хочешь: к тетушкам, к Карену, Михелу или к Микулишне? Куда ты хочешь и что ты хочешь? Я так люблю неопределенность, а ты сама неопределенность в желаниях и мечтах. Я люблю таких.

— Наверно, сейчас хочу к тетушкам на Буян, — тихо сказала я.

— Хоти, но пока не выйдет.

— А может, тогда к Карену? Я туда тоже хочу.

— Хоти, но пока не выйдет.

— А когда выйдет?

— Когда проживешь в этом месте и сумеешь разобраться В ЧЕМ??? тогда, может быть, сможешь, а, может быть, и не сможешь. Знаешь, какая у меня тут интересная жизнь? Как в чудном стихе:

Враг помогает, друг вредит;

Вкус мы находим только в сене;

Бесстыдник тот, кто терпит стыд;

Без равнодушья нет влеченья;

Порука силы — ослабленье;

Бывает мышь страшней, чем слон;

Примета памяти- забвенья;

Не глуп лишь дурень, что влюблен

(Франсуа Вийон)

Я поняла, что мои дела плохи. Эта дама не собирается меня отпускать домой и хочет развлечься. А развлекать ее мне почему-то не хотелось. Я попыталась сделать шаг назад и

побежать, но под ногами разверзлась пропасть, и я туда чуть было не упала, хорошо хоть затормозила в последний момент.

Дама засмеялась:

— Глупышка, в моем мире существует только мой порядок, работают и осуществляются только мои желания, а я сейчас хочу развлечься.

Осознав, что просто так мне не уйти, я спросила:

— Что я должна сделать, чтобы вернуться?

— Всего-то прожить жизнь. Это так мало, люди проживают \ живут не замечают, что уже ее прожили. Оглянулись, а уже ее нет — ни молодости, ни зрелости, одна дряхлая старость — плачут, сожалеют, дурашки. Вот и ты проживешь, а я посмотрю. Люди на Первой Земле смотрят кино и сериалы, а это так плоско, мне нравится смотреть жизнь, это куда интереснее.

— Зачем вам это? — испуганно охнула, представив, что жизнь — это так долго, а меня Карен ждет, тетушки, Макошь что-то от меня хочет.

— Скучно. Хочу посмотреть на ту, которую выбрала Макошь. Ей думается, что в тебе есть что-то особенное, вот и я хочу посмотреть на тебя в моей игре.

Я решила все-таки поторговаться, хотя поняла, что дела мои плохи:

— А может, Вы, уважаемая, отпустите меня и будете смотреть, как моя жизнь складывается на Земле, а не в Мире Иллюзий? Обещаю, что не буду прятаться, честно, не собираюсь скрываться, моя жизнь как на ладони, вся прозрачная, и тайны больше никакой нет. Известно, где родилась, где училась, где была. Прозрачно все, смотрите, не жалко.

— Не пытайся меня перемудрить, Лотта, это невозможно, — чуть свысока сказала Дама. — Ту жизнь уникальной птицедевы ты пишешь сама, ну, с небольшой помощью, а я хочу посмотреть, как ты проживешь чужую жизнь и сможешь ли не сломаться. Условия в ней будут тоже не сахар, только начнешь ты ее на Первой Земле. Посмотрю, как справишься.

— Я и на этой земле не очень понимаю, что от меня хотят и что я собой представляю. А Вы меня в другой мир собираетесь отправить.

— Ну и что? — равнодушно кивнула Дама. — Другие изначальные условия, другой мир, другая жизнь, другие мужчины, вот посмотрим, как ты в них разберешься и не потеряешь ли себя, а то тебя тут тетушки учат, Макошь страшует, принцы настоящие на белых конях возят. А я хочу посмотреть, как ты в некоторых ситуациях себя поведешь.

Я гордо вскинула голову, но так хотелось вернуться домой, к теткам. Ну как меня сюда занесло? Ведь предупреждала же Гамаюн, предупреждала. «А может, и знала, — мелькнуло у меня в голове, — только изменить ничего не могла». От этой мысли стало совсем грустно.

— Догадливая девочка. Знала Гамаюн, скорее, догадывалась, но сказать и остановить не могла. Куда же тебя направить пожить? Ладно, в совсем уж низшие слои населения Индии, типа неприкасаемых, тебя отправлять не буду. Родишься в приличной семье, но в жизни не пожалею.

И добавила:

— Не сломаешься, научишься, выстоишь, поймешь, кто тебе нужен и зачем, или не нужен и почему — отпущу; нет — еще кучу жизней проживешь, заодно развлекусь, на это глядячи.

— А что я должна понять? И кто, и что мне нужно? Что это Вы имеете в виду?

— Много чего нужно — и работа, и дети, и мужчины, конечно, тоже. Ты же отдала туфельки Карену и Михелу, значит, и на этой Земле их будешь искать. В другой ипостаси,

конечно, только разобраться должна, кто есть кто, кто из них тебе нужен и почему. И в себе разобраться тоже должна. Получится — хорошо, не получится — еще один круг. И так долго и нудно, и больно, а для меня развлекательно.

Я поняла, что не вырваться, что придется вступать в ее игру, но все-таки хотелось узнать хоть какие-то правила.

— А когда начнем и какие правила?

— Да прямо сейчас, чего тянуть-то. Ты живешь жизнь, в ней много чего, как в любой жизни, случается — горе и радость, рождение и смерть. Только ты не вспомнишь, кто ты, что зовут тебя Лотта. Другое имя, другая Земля, другие мужчины. Идея игры для меня в том, что ты должна не потерять себя и понять, кто Карен, а кто Михел, чем отличаются. Ты ведь и сейчас до конца не знаешь, кто тебе нужен точно, вот и там интрига сохраняется. Но еще раз повторяю, ты будешь жительницей Первой Земли, простой девушкой, ничего волшебного.

— А как вы за мной следить будете?

— О, за это не волнуйся, видящих или следящих мы обеспечим, не забудут тебя, будешь под присмотром. Ну что, начнем игру? Чего тянуть время, я, Майя — Иллюзия, не упусти своего.

Она махнула рукой, и я выпала из реальности, меня не стало.

Я не я и судьба не моя, а чья?

Я, Вероника Иванова, сорока лет отроду, читала очередную довольно поучительную книгу перед сном, уже залезла в постель и случайно взглянула в окно, а так как штора была не полностью прикрыта, увидела, что они появились снова. Они появились снова! — и словно удар по голове. Сколько лет их не было? Почти что пять лет я их не видела, и вот опять. Зачем, почему, что изменилось? Подкатило глухое отчаяние — зачем, зачем, зачем и что будет? Сейчас мне не было страшно, как в детстве, я не смотрела с непониманием, как в юности, теперь в голове быстро-быстро, сменяя друг друга, проносились ожидание, непонимание, раздумья. С совершенно ясной головой стала разглядывать силуэты за окном, именно силуэты существ, которые, не отрываясь, смотрели на меня. Если бы кто-то спросил, как смотрели, какие у них глаза, лица, на что они похожи, я бы не сказала — не знаю. Вдруг страшно захотелось плакать, так как четко осознала, что что-то опять изменится, что это, конечно же, неспроста, что просто так ничто не возвращается, тем более они.

Силуэты за окном зашевелились, началось кружение, к стеклу то и дело прижимались и отходили разные особи Глядящих, как я их прежде называла, а я пыталась вспоминать и пробовала трезво осмыслить происходящее. Они не были плотью моей фантазии или больного воображения, уверена, что их видели многие, но почему-то забывали или старались забыть, придумать оправдание своей короткой памяти, выкинули какую-то очень важную жизненную подсказку из головы, чтобы быть как все, как другие, как многие непонимающие.

Никаких звуков за окном, придающих происходящему ощущение реальности, не наблюдалось. Реальность за окном не была шумной, как в то время, когда сексуальный маньяк повадился подглядывать в наше окно, вечером, когда мы с почти мужем ложились в постель. Он гремел подоконником, взгромождаясь на него, перемещался вдоль окна, выискивая место и щель между штор пошире, тархтел железом, чтобы увидеть чужую жизнь

и приобщиться, наверное, к ощущению чужого счастья, секса или скандала. Когда он только появился под окном, я страшно нервничала, боялась: как это так — кто-то подсматривает за тем, как почти муж прижимает меня к себе, устало трется носом по виску, принохивается к волосам, чуть нервно желает понять мое настроение, узнать, есть ли у меня хоть капля желания уделить ему чуточку тепла, или просто поговорить о случившемся за день. Мы быстро простили парня, пожалели и даже перестали так тщательно бороться со щелями в шторах, больше не выбегали на улицу, смотреть, кто там оставил следы на снегу. Однажды вечером вообще возникла смешная ситуация: мы еще не легли спать, а в дверь требовательно позвонили. Открыла и к великому удивлению увидела двух дружинников (не знала, что они еще существуют), держащих за шиворот мужичка лет тридцати пяти, виновато пытавшегося увернуться. Плюгавый, на вид вполне вменяемый, он даже не производил впечатления больного. Ребята объяснили, что поймали его у нас на подоконнике и привели на опознание. Мы с почти мужем смеялись и уверяли, что на больных не обижаются, знаем мы его и претензий к нему не имеем, пусть они его забирают. Парня увели. Тогда он, этот смотрящий в окно, был совершенно материальным.

Эти были иными в прямом и переносном смысле. Силуэты за окном не пропадали, и я начала вспоминать, когда они появились, начиная с детства.

Все детство я боялась ночи. Наверное, не я одна, многие дети видят тени за окнами, под кроватью, в углах комнат. Дрожат, лежа в кроватках, просят не выключать свет. У меня это было гипертрофировано. Вспоминаю, жалела маму. Она терпеливо часами сидела возле моей кровати, напевала или тихо рассказывала мне сказки, шептала, что бояться нечего, что я храбрая девочка, а папа военный и сильный, никто не даст меня в обиду и вообще мне, конечно, это только, кажется. Но, вероятно, маме они тоже были известны, так, как если бы это было по иному, никто бы не панькался со мной так долго, почти до 7 лет. Они, позже я называла их «Глядящие», иногда «Подглядывающие», были очень разные, хочется написать голубые и красные, но нет, они были серые, не злые, но они очень хотели ко мне прикоснуться, возможно, что-то сказать, попробовать узнать, какая я на ощупь. Большинство не могли проникнуть в комнату через стекло и кружились возле окна, прижимаясь безликими лицами к стеклу. Некоторые, как мне казалось, каким-то образом оказывались под кроватью, и мама по моей просьбе каждый вечер мужественно выметала их веником, кричала: «Кыш, бессовестные, дайте девочке заснуть». Но каждый вечер они появлялись вновь. Хотя нет. Они пропадали в детстве несколько раз. Первый — когда меня отправили к бабушке. Она была строгая, педантичная и почти не улыбалась. Когда она смотрела на меня, мне хотелось сесть и быть тише мыши под веником. Она, буравя меня взглядом, приковывала к месту, и я боялась прыгать и даже смеяться. Они, Глядящие, покрутились немного и пропали. Мне казалось, что мама меня разлюбила, бросила, что я одна в этом мире и еще эти, к которым я так привыкла, что так пугали меня, тоже бросили меня совсем одну в чужом мире и городе, в новой, совсем непонятной мне правильной жизни. Мама появилась зимой неожиданно. Воспитательница вывела меня в коридор из группы. Я не помню лица мамы, только черную котиковую шубу, к которой прижималась, пытаюсь в ней раствориться. Мир стал яркий и удивительно прекрасный, и вдруг за окном даже среди дня в коридоре школы я увидела Их. Страшно удивилась, даже обрадовалась и подумала: «Может, это мама их привезла с собой?» Сейчас, вспоминая это событие, думаю, что они и правда питались эмоциями — может, моими, может, мамиными, а может, просто появлялись в тот момент, когда происходило что-то значимое. Вот и гадай теперь, а гадать надо. Не просто же так они

явились сейчас ко мне, уже немолодой дамочке, жизнь которой не очень гладкая.

Возвращение домой тогда, в детстве, кроме радости, ознаменовалось возвращением Глядящих. Они снова приросли к окну, как будто ожидая от меня каких-то действий, пытаюсь подтолкнуть меня к жизни, но совершенно не давая никаких подсказок. И... жизнь побежала быстро — быстро, так быстро, как я бегала, никто не мог догнать в играх. Мы гоняли по горкам, дрались, это был замечательный период жизни, очень яркий и счастливый. Особенно здорово было летом, когда мы выезжали в военный лагерь, и там была речка, лодки, лес, грибы, солдаты на полигонах и полная, почти ничем не ограниченная свобода в движении и познании мира. Мамочки, что мы творили. Мой вид тогда можно описать так — драная, грязная, с незаживающими коленками, чаще сидящая на ветке дерева, чем на скамейке, юркая и упрямая, счастливая. Перед школой, когда мне исполнилось шесть лет, произошло судьбоносное событие. Меня отдали на фигурное катание, и моя жизнь стала не моей жизнью, она стала принадлежать льду. Утром или вечером тренировки, сборы, ОФП(общая физическая подготовка), хореография, акробатика. Ладно, об этом потом, а сейчас будем думать о Смотрящих.

Сегодняшняя ситуация требует от меня усиленной мозговой деятельности. Смогу ли осилить? Лежу, гляжу в окно и думаю, думаю, что же они от меня хотят? Чего ждут, зачем? Вариантов много, кто бы знал, какой правильный. Скорей всего назревает поворот, неужели судьбоносный? Или жизнь заканчивается? Хотя сколько мне лет, только сорок. Или уже сорок и поэтому пришли проверить и потребовать отчет о прожитом? То, что жизнь задалась не сахар, понятно, но что дальше-то, что надо от меня — ее надо осмыслить проанализировать?

Внимательно посмотрела в стекло. За окном движение начало становиться более активным, Глядящие как будто пытались растолкать друг друга у окна, чтобы лучше меня увидеть, и я подумала, что, вероятно, не ошиблась в догадке — им нужно, чтобы я проанализировала свою жизнь. Да, именно этого они хотят. По их реакции вижу — читают, гады, мысли. Времени у меня хватает — думай, Ника, думай, вспоминай свою жизнь. И я начала вспоминать и пытаться понять, почему так все получилось в этой странной жизни, где была не права и что сделала не так.

Чужая жизнь. Вероника

Я знаю, как на мед садятся мухи.

Я знаю смерть, что рыщет, всё губя.

Я знаю книги, истины и слухи.

Я знаю всё, но только не себя.

(Франсуа Вийон)

Интересно, с какого момента надо анализировать?

С прихода на каток? Наверное, но что в нем было судьбоносного, только то, что я стала такой, как стала? А потом..., нет об этом чуть позже. Каток вспоминался с удовольствием. Общение там было особенное — и соревновательное, и дружеское, и поинтереснее, чем в школе. Мы были разными, одни девчонки были музыкальными и гибкими, артистичными, растяжка хорошая, но не могли прыгать, а я? Да, прыжки мне давались всегда легко, пружинкой взлетала, без труда поднимала свой небольшой вес, костлява была всегда и прыгала и два, и три оборота. Наверное, на прыжках я и выезжала, места занимала, хотя сказать, что в чемпионы особо рвалась, не скажу, не последняя и ладно, а потом пошло... На

чемпионате страны — второе место. Это ого-го. Почувствовала, что могу, спорт мог стать профессией, о чем подумывала и я, и мама. Девчонки собирались кто в наш физкультурный институт поступать, а кто и в столицу. Вот и я думала, а вышло...

В десятом классе к нам пришел новый мальчик, Алексей. Высокий, умный, до этого в математической школе учился, и очень смазливый, румянец на пол-лица. Все девчонки ахали. И меня немного зацепило, окинула его, скажем, не совсем равнодушным взглядом — красивый, очень даже. Вздохнула — не про меня, и когда влюбляться то? Три — четыре часа тренировок в день, а еще школа, выпускной класс, про себя думать некогда, не то, что про мальчиков. Но подспудно хотелось чего-то девичьего, нежного, удивительного, вот и поглядывала на него исподволь. Да, симпатичный, но не про меня. Алексею все легко давалось — улыбнулся, усмехнулся вовремя, слово нужное сказал — и ситуация решена. Начитанный, слово умное, где надо, вставит. Он собирался поступать в строительный — у него бабушка архитектор, поэтому раздумий, куда поступать, у него не было и вероятности, что не поступит, тоже.

Если бы придумывали девиз для жизни — он бы наверно написал: «Иду по жизни, улыбаясь, легко и радостно». Вот такой красавец. А я? Девчонки говорили, что хожу как королева. Еще бы, десять лет тренировок. Рост как у модели. Пластика оттуда же, недаром кроме ОФП (общая физическая подготовка) два раза в неделю хореография. Мордашка — ну, не так, чтобы очень, но необычная, немного монголо-татарская. Но мальчишки на меня всегда смотрели с интересом, а может, мне так казалось.

Все началось, когда в самом конце зимних каникул нас организовали в культпоход в театр Юного зрителя смотреть спектакль «Девочка и апрель». Я только вернулась со сборов, идти никуда не хотелось, но Лилька уговорила. И вот в театре мы оказались рядом с Алексеем. Спектакль был лирический, про девочку, росшую без отца, которая хотела добиться всего в жизни сама, и мальчика — чемпиона по фехтованию, который нравился всем девочкам в классе. Чемпион и красавец выбрал эту независимую особу, а некоторые одноклассницы ей завидовали и строили козни. В спектакле решались какие-то моральные проблемы переходного возраста, о которых я, конечно, не помню, давно было, а еще, наверное, потому, что весь спектакль с меня не спускали глаз, и я нервничала.

А вот что было дальше, помню отлично. Мы вышли из театра и поняли, что город накрыло стихийное бедствие. Шел снег, не просто снег, он сыпал гигантскими хлопьями, с каждой минутой делая улицу все более непроходимой. Транспорт перестал ходить, а от театра до дома было совсем не близко, и пришлось идти пешком. Почему мы оказались вдвоем в эту пургу, как отстали от остальных одноклассников, не помню, но мы оказались одни. Играли в снежки, позже упрямо брели сначала по колени в снегу, потом выше колен, а когда часа через два, совершенно промерзшие, хотя мороза сильного и не было, мы оказались в начале нашего микрорайона, то идти уже было невозможно — только ползти, так как снега уже было более метра. И это было приключение, 500 метров приключения. Адреналин в крови, как на соревнованиях, и мы по-пластунски, как разведчики, ползем по снегу. Сначала было весело, но потом усталость начала брать свое и мы останавливались, подталкивая и подтаскивая друг друга, но в один момент наши лица оказались рядом и меня поцеловали\он меня поцеловал. Помню свое невероятное удивление — как это, почему, да и поцелуй-то был такой смешной, просто коснулись губ, но все внутри перевернулось. Мы смотрели друг на друга, мокрые, с красными замерзшими лицами, смущенные и не знающие, как вести себя после этого дальше. Сделали вид, что ничего не случилось, и поползли

дальше. Мы не дошли до моего дома, а доползли, дверь в подъезд не открывалась, ее засыпало. Мы стояли на крыльце, вернее, на перилах крыльца возле подъезда, не зная, как попасть домой, только через окно, а ведь Лешке еще до дома ползти и ползти. Надо было прощаться, а он смотрел на меня и улыбался.

— Приятно, что ты переживаешь за меня, — стряхнул снег с моей шапки и просто прижал к себе. Что-то невероятное случилось в этом снежном светопреставлении, такого не могло быть. Тем более со мной, в меня влюбились, что ли? А я? Сейчас не могла об этом думать, стряхнула снег с его шапки и стала звать маму. Она тут же появилась в окне, хорошо, что мы жили на первом этаже, в дом я попала через окно. Вот так стихийно или в стихию начиналась моя или наша первая любовь.

Потом были нечастые прогулки вечером, когда мы сидели в заснеженном лесу на дереве, целовались и болтали о планах, об учебе, о разной ерунде, прижимаясь друг к другу, стараясь быть как можно ближе.

Помню, как мне объяснялись в любви.

— Ты такая необыкновенная, ты мне нравишься, королева Ника, очень нравишься. Удивительно, тебя называли Никой, как богиню победы, и ты побеждаешь, рядом с тобой солнечно.

— В общем-то меня мама назвала Вероникой, наверно, имея в виду больше веру в победу, и это процесс, а не финал. Папа в зависимости от настроения зовет меня Вера или Веро.

— Нет, не вера в победу, а победа, так я чувствую, — он засмеялся и опять поцеловал. — Никогда не думал, что ты обратишь на меня внимание. Ты мне нравилась с самого начала, как я пришел в вашу школу. До сих пор не могу поверить, что рядом со мной такая девушка.

— Не придумывай.

— Нет. Ты — необыкновенная. Ты чемпионка, ты такая удивительная, казалась мне раньше недосыгаемой. Такие не ходят по земле.

И мы засмеялись.

— А прыгают на катке, — добавила я.

А я тоже не могла поверить в то, что самый красивый и умный мальчик в классе хочет встречаться со мной. Подруги завидовали и говорили:

— Вы удивительно здорово смотрите вместе.

Я слушала и не верила в свое счастье, вернее, наше. Оно было такое невероятное.

Потом весна, и одних поцелуев с каждым разом становилось все меньше, так хотелось того, запретного. Хотелось, чтобы губы касались не только лица и шеи, чтобы руки касались тела, а не одежды. В общем, понятно — мы и май, зеленая трава и такое счастье обладания друг другом, и его, этого счастья, с каждым разом хотелось все больше и больше.

В угаре любви пронесли экзамены и выпускной, вопрос с институтом физкультуры в столице отпал сам собой, хотя меня там все ждали с распростертыми объятьями — мои результаты в катании очень улучшались. Если раньше мне было не так уж важно место, вошла в десятку лучших — и ладно, то теперь мне действительно хотелось быть лучшей ради Лешки, он ведь так гордился мной. Я старалась. А вот в столицу уехать уже не хотела. Как я без Лешки и он без меня? Решила, что буду поступать дома, тоже неплохо.

Понимание невероятности ситуации произошло после выпускного, когда произошла задержка. Приговор как расстрел.

— Девочка, у тебя беременность пять недель. Советую не делать глупостей, — говорила врач, — не ты первая такая, родишь.

Я не плакала тогда. Просто то, к чему я так долго шла, что было таким ясным и неизбежным — каток, спорт, тренировки, мое многолетнее существование в фигурном катании — вдруг в одночасье рухнуло. Лешка, как это ни странно, даже не сильно огорчился — думаю, не понял.

— Ты знаешь, поступай со мной, буду помогать, и будем вместе и учиться, и жить, а то там физкультурники будут на тебя пялиться, крутиться, а я ревную. Поженимся, будем вместе всю жизнь, как папа с мамой, как бабушка с дедушкой. Правда, все не так ужасно. А потом ты можешь опять кататься.

Поженились.

Как я училась во втором семестре — не помню, академку взять было нельзя, не проучившись хотя бы один курс. Но с учебой решилось, а вот с рождением сына я оказалась у корыта и утюга, а Лешка как был в институте, так и остался. Сейчас понимаю, не надо правильных слов — молодые, не готовые к семье, не выдержали сложности жизни и тому подобные оправдания. Да, ему хотелось веселья, а не пеленок; песен и вечеринок, а не бессонных ночей, ему было тяжело. Нам по восемнадцать лет, какие дети? Он старался, особенно вначале. Со второго курса ушла в академку, моя жизнь оказалась привязанной к дому полностью, и мы теперь жили в разных вселенных, которые вечером пересекались. Из богини и чемпионки я превратилась в домохозяйку. Он все позднее приходил домой. Часто заходил по делам в общагу и приходил, с удовольствием рассказывая о спорах об искусстве и новых направлениях в архитектуре, потом стал проситься на вечеринки с друзьями. Богиня Ника ушла в прошлое. Нет, он любил меня, еще любил. А потом у сына был грипп, осложнение и в результате ложный круп, скорая помощь, сначала только клиническая смерть и реанимация. Я помню себя стоящей возле отделения и врача, который вышел и сказал:

— Мы боремся, но не знаем, что получится, мозг затронут.

Потом похороны, и я одна, совершенно одна. Никого — ни мужа, ни сына, ни мамы, ни друзей. Вернее, внутри одна, вокруг-то толпились. Воистину одиночное катание. Так и видела себя на катке, танец себе поставила — умирающий лебедь, красивая такая, душевная программа.

Не знаю, кто виноват, но я не могла больше жить с Лешкой. Он продолжал учиться, как и раньше, а я не могла. Та, бывшая королева и чемпионка, ушла вместе с сыном.

Когда я сказала: «Мы должны расстаться», — очень удивился.

— Ник, нам только восемнадцать. Все впереди, через некоторое время будет легче, все пройдет, ты опять научишься радоваться жизни и будешь той королевой, в которую я влюбился, обязательно будешь.

— Леш, больше нет королевы, нет даже герцогини, а когда будет, не знаю. И будет ли?

— Я буду ждать.

— А сейчас как?

— Буду ждать.

— Это не любовь уже, Леша, нам только восемнадцать, я подаю на развод, королева ушла.

А про себя сказала: «Да здравствует королева! Новая, другая и уже не твоя».

Поняла, что он и влюблен-то был в спортсменку — чемпионку, красавицу. А кто я

сейчас? Никто, и зовут меня никак. Нет, я не буду ждать, пока меня бросят, потому что не соответствую образу. Ушла сама. Образ оставим в его памяти. Подруга Лилька уговаривала: подожди, все вернется, ты опять станешь собой, такими, как Лешка, не бросаются. Он же не изменял тебе, ну, меньше внимания уделял, так он же учился.

Зачем-то порезала все совместные фотографии. Даже из свадебных его удалила. Смешная.

Довспоминала первую любовь и глянула в окно. Там напряженно толпились «Глядящие», ждут. Чего ждут? Повернулась и сказала громко:

— Мы расстались потому, что он любил образ, а не меня... наверное, — прибавила с сомнением.

Так я вспомнила свою первую, такую прекрасную любовь, такого красивого мальчика. И все-таки, почему у меня все так нелепо складывается?

Темные тени за окном не уходили, хотя ночь поливала их дождем, а я вспоминала дальше. Вспоминала, как неистово училась в институте, чтобы быть не хуже других и в том числе Лешки. Что-то хотела доказать себе и ему, зачем? Время побежало вперед стремительно, засасывало, меняя все вокруг. Я нашла новых друзей и уже к концу третьего курса опять стала улыбаться и танцевать, пошла в турпоход и увлеклась горным туризмом. Горы, песни под гитару, преодоление себя, восторг покорения вершин, разговоры у костра о жизни и мечтах. Там встретила его — Тараса. Он пел и лазил лучше всех. Мы стали встречаться. Мне было так легко с ним, все заботы и жизненные проблемы он взял на себя.

— Ты женщина, — говорил он, обнимая, — и я должен уметь устраивать твою жизнь, обеспечивать, защищать — так учил меня отец. Мужчина сильный для того, чтобы его женщина могла быть слабой. Сильной она может быть и без него. Тебе не о чем переживать, положишься на меня.

С ним было так легко и беззаботно, тепло и уютно. В мае собирались пожениться. Он позволил мне расслабиться и... и я разомлела от счастья. Только мне оно не позволительно. За что, Всевышний?

Выбралась из тенет воспоминаний. Посмотрела в окно.

— Что маячите? Наблюдаете, гады, да радуетесь, что чищу себя и вспоминаю. Как больно-то, не жизнь, а одна большая рана.

На майский поход в горы пошли в разных группах. Тарас пошел в четверку, а я смогла выйти на два дня позже. Зачет сдавала. Уже в лагере узнала, что он ушел, вернее, они с другом пошли посмотреть тропу и не вернулись. Их так и не нашли. Ничего не нашли. Трещина ли, обрыв — не знаю. Снегопад скрыл все. Однажды снегопад принес мне любовь, и я благодарна ему за это, хотя и не получилось длительного счастья, а сейчас забрал, так пусть и меня заберет.

Вспоминаю его слова: «Теперь я твоя опора и буду ей всю жизнь». Но жизнь решила по-другому и выбила опору из-под ног.

Четыре месяца вечерами занималась распечаткой фотографий наших совместных походов. Сделала кучу альбомов восхождений, а потом решила, что пора заканчивать эту жизнь. Таблеток вот только выпила слишком много, больше 100 штук, произошла аномальная реакция отторжения препаратов, спасли тогда, подружка пришла не вовремя, а может, и вовремя, кто эту жизнь знает. Тогда я ей не была благодарна. Вспоминаю, очнулась голая на каталке, только сверху простышкой накрыли, а вниз ничего даже не бросили, так на железе и лежала. Кому жалко самоубийцу? Помню взгляд санитарок — ни жалости, ни

просто чего-то человеческого. Наверно, решили, что я наркоманка и у меня передоз. Холодно, периодически отключаюсь, а в голове все плывет. Из очень ярких воспоминаний этого времени — мелькание передо мной странной женщины, лица которой не запомнить, как будто оно, это лицо ее, собрано из тысяч других, разных, соединенных в одно. Она смотрит и смеется.

— Я думала ты, сильней, Лотта. Ну, развлекла ты меня, девочка, люблю трагедии, в них столько эмоций, энергии выплескивается. Не дам тебе умереть, так и знай, нравится тобой развлекаться.

И опять хохот, безжалостный, издевательский, холодный.

А потом еще одно странное виденье.

Зовут меня, но имя не мое. Лотта, кажется. Будто птица со мной разговаривает. Пролетела, склонилась надо мной, голова человеческая, а тело с птичьими крыльями. Красивая и грустная. Посмотрела, головой качает и тоже говорит:

— Я думала, ты сильнее, Лотта. Но я верю, ты справишься, мы ждем тебя, вспомни мои слова, они в твоей памяти, открой сознание, ты должна их вспомнить и понять. Это очень важно.

— *Учись падать и держаться ни на чем! Выбраться из мира Майи можно только найдя опору в самой себе, и тогда ты обретишь почву под ногами и станешь опорой и для других. Только так — опираясь на себя, обретая Сознание, можно найти Истину и уйти от игр Майи.* Вспомни это, Лотта.

Что-то в ее словах было до боли знакомо, но непонятно, откуда были эти знания, словно она призывала меня вспомнить другую жизнь, другую меня. Время подумать у меня было, много времени в психлечебнице. Долго лечили и уговаривали, что ай-ай-ай, так делать нехорошо. Врач молодой и неглупый, из тех, кто не ищет серьезных отношений, не прочь был завести их и со мной. Послала куда подальше, обиделся, но внимание отвлекло и по-своему веселило. И врачу тому спасибо. Научил смотреть на жизнь, как на сериал, сериал про чужую жизнь, не мою. Выбралась я.

Закончив вспоминать этот, еще один, период жизни, или не жизни, посмотрела в окно. «Глядящие» напряженно ждали, что я скажу на этот раз. Я нервно произнесла:

— Да, я с радостью переложила трудности бытия на Тараса и спряталась от них за его спину. Он защищал меня от меня самой и жизни. Мне этого нельзя? Да?

По тому, как за окном началось броуновское движение теней, поняла, что услышали, и крикнула им еще раз:

— Так что, мне нельзя прятаться, нельзя, скажите?

Они по-прежнему молчали. Что правда, что ложь, догадайся, мол, сама и думай дальше. Пошла выпила чаю, успокоилась и опять погрузилась в вязкое, такое темное прошлое.

Друзья не бросили, опять позвали в горы. Было нелегко, но пошла. Горы лечат, их холодное бездушие было сродни холоду внутри меня. Красивая и холодная, как кто-то сказал обо мне. Да, я такая — снег и холод, зима и откуда-то, будто опять из другой жизни, всплыло имя Морана, зима, смерть и ее слова — не надейся, я с тобой не расстанусь.

Но и лед иногда тает, когда ему надоедает быть твердым и хочется стать легким и воздушным, как пар. Опять зима, когда я поехала к тетке на север. Мы оттуда родом. Двоюродный брат пригласил в свою компанию на Новый год. Девчонки смешные и зажатые, как иллюстрации к песне: «стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках теребят», а в меня вселилась Кармен. Красная шелковая кофта вызывающе алела, черная до пола юбка так

и летала вокруг ног, а я плясала, как будто это последние танцы в моей жизни. Тело, мышцы помнили ритм и движения. Я была откровенно хороша. В меня нельзя было не влюбиться. Пробыла у тетки недолго, но парнишка, хороший, симпатичный, приехал через месяц меня навестить, удрав с занятий. Отправила назад — молодой, моложе меня на несколько лет. А летом, закончив институт, он переехал в мой город, и мы стали жить вместе. Ему нравилось быть со мной.

— Ты королева, и мне приятно примкнуть к твоей свите.

Свитой он называл мою компанию, но это так, из области фантазий, так ему было приятней. Компания разношерстная, интересная: альпинисты, кэспешники (члены клуба самодеятельной песни), просто бездельники и любители поговорить. Приходили, трепались о горах, снаряжении — ледорубах и рюкзаках, вершинах непокоренных и покоренных, сложностях маршрутов, пели новые песни и много старых. Богемная обстановка, и он к ней легко приспособился. Иногда обсуждали политику, много говорилось о смысле жизни, мироустройстве. Впрочем, о мироустройстве тогда не говорил только ленивый. Треп, треп, треп- легкий, ни к чему не обязывающий.

А суть меня тогдашней хорошо передает этот стишок:

Обо мне не раз говорили,
Что с характером и что сильная.
Говорили не раз, что умная
Говорили порой, что красивая.

Говорили, что мышцы крепкие,
Говорили, что воля твёрдая,
Говорили — упорная, цепкая,
Ядовитая, дерзкая, гордая.

Говорили и в это верили,
Проверяли меня на прочность,
Меня доля смертями меряла,
Отправляя заряды мощные.

А я думала, депрессивная,
Еще глупая, несуразная,
Что обломанная ветка я
И цветы на ней все бумажные.

Дима освоил профессию свободного фотографа. Свободный художник, чудненько. Наверно, его девиз можно описать словами: «Идем по жизни, весело улыбаясь, получаем удовольствие и радуемся». Вроде бы — чем плохо? А я стала замечать, что живет он моими увлечениями, моими друзьями, я одна опора нашей совместной жизни. А если я упаду, удержит ли? А ведь нет, ответила себе. Повторения истории с Алексеем не хотела, хватит с меня увлечения образом. Не хочу. Через два года мы расстались. Тяжело, болезненно, он никак не мог понять, почему — ведь живем интересно, ездим, поем, снимаем. А мне было сложно объяснить, поэтому и было так тяжело. Извини меня. Может быть, если бы смогла объяснить, он бы изменился, но вряд ли. Вспоминала по ночам такие странные галлюцинации в реанимации. Лицо женщины без своего лица и чудной птицы. Что бы это

значило? Искать себя, понять себя, но как? Действительно, кто я есть на самом деле? Со мной действительно что-то не так? Этот стих Франсуа Вийона так и крутился в голове:

Как Вам представить, кто я?

Сам не знаю.

Я Ваша ложь, я выдумка пустая.

Я свет дневной, и я же тьма ночная.

Песчинка я и океан без края.

Витаю в небе, по земле блуждая.

Ищу свой рай, из рая убегая.

Вот я.

Я весь в ладонях Ваших.

Смеюсь сквозь слезы и грущу сквозь смех,

Сдираю кожу, падая на мех.

Бьюсь о преграды, не найдя помех.

Ищу кого-то. Нахожу не тех.

Весь на виду — загадочен для всех.

Грешу, чужой замаливая грех.

Вот я.

Я весь в ладонях Ваших.

Франсуа Вийон

Мысль о том, что дело во мне и что со мной что-то не совсем так, все четче прорисовывалась в голове. Мне надо что-то осознать и что-то вспомнить. «Ищу кого-то. Нахожу не тех», а кого тогда надо найти и надо ли? Вопросы, вопросы, вопросы, а догадки самые фантастические.

«Того, что мелькает в голове, не может быть», — говорю сама себе. Будто через мутное стекло просматривается истина, совершенно невероятная истина. Мотнула головой, чтобы отогнать это наваждение. И спасительная на тот момент мысль: «Надо еще проанализировать наши отношения с Сергеем. Не хочется, больно, пусть и время прошло, и я действительно стала другой, но все равно стыдно и больно. А чего стыдно-то?» Вытянула на поверхность и этот клубок боли, пусть проветрится.

Мы познакомились в институте, я по знакомству попала на работу в НИИ и, как обладающая строительной специальностью, занималась различными проблемами систем очистки воды. Если бы кто-то сказал мне в семнадцать лет, что канализационные коллекторы — это мой будущий кусок хлеба, наверно, придушила бы. Но привыкла. Проедаем бюджет страны, попиваем чай на работе за веселым трепом — просто литературно-познавательный кружок, а не лаборатория водоотведения.

Соседняя лаборатория была гидробиологическая. В ней работа была поинтересней, вот в ней-то и работал Сергей. Он года на четыре старше меня, гидробиолог, занимался проблемами биологической очистки сточных вод, уже защитил кандидатскую и быстро продвигался вперед в написании докторской. Серьезный, критичный до нетерпимости в споре, он был невероятным умницей. Обратил внимание на меня на Новогодней вечеринке, выпивали вместе. Потом провожал, спорили, но разве его переспоришь — ты ему про женскую эмансипацию, а он тебе цитатой из Шопенгауэра: *«Уже самый вид женской фигуры показывает, что она не предназначена для слишком большого труда ни духовного, ни телесного. Она отбывает обязанность жизни не действительным, а страдательным*

образом: муками родов, заботами о детях, подчинённостью мужу, для которого она должна быть терпеливой и ободряющей подругой. Она не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил; жизнь её должна протекать спокойнее, незначительнее и мягче, чем жизнь мужчины, не делаясь, в сущности, от этого счастливее или несчастнее».

Шопенгауэра тогда возненавидела. Да и Сергей вроде сам так и не думал. Просто смеялся, глядя на мою реакцию. А что я тогда? Какой была? Плыла по течению, играла в любимую игру многих женщин: ах, если бы не обстоятельства, то я бы ... и продолжайте по желанию сами.

В моей неплохой памяти хранилось немало занимательных полезных и бесполезных знаний из различных областей науки и искусства, которые мы с удовольствием обсуждали. Меня даже позвали замуж. Сказала — подумаю, но не торопилась. С ним я опять почувствовала себя защищенной и нужной. Поэтому старалась соответствовать образу примерной жены, тогда почти жены. Я готовила и заботилась. Научилась печь пирожки. НО!! Три раза НО!.

— Это то, о чем ты мечтала и для чего родилась? — через несколько лет совместной жизни спросил кто-то, кто жил в глубине моего сознания.

— А что? — удивилась я. — Все так хорошо, уютно.

Но мысли не давали покоя. Почти муж хочет нормальной семьи, а вот чего хочу я? Да, тысячи женщин, может, и миллионы, с радостью поменялись бы со мной местами, а я начала болеть и чахнуть, в прямом смысле слова. Жизнь проходила мимо, а я стояла и смотрела, как он пишет докторскую, ездит на конференции, всегда занят и востребован. А я — тихая тень за его плечами.

— Что с тобой, Ника? — спрашивал кто-то внутри, настойчиво так спрашивал.

Ему предложили контракт сначала на год в северный штат в институт биологии Арктики. Он так мечтал о новых возможностях, оборудовании, реактивах. Без меня сначала не хотел ехать, уговаривал. А я скучала в замкнутом пространстве квартиры, где все дышало его жизнью, его энергией. А моя где? И какая разница, где эта квартира будет находиться, ведь все останется по-прежнему.

— Что с тобой, Ника? Очнись, почему? Ведь все хорошо, работа — дом, дом — работа.

Он уехал, а я осталась одна. А потом та, что жила внутри, взбунтовалась. Я опять пошла на каток, сначала просто каталась для себя, потом мне дали небольшую группу малышей. Получилось. С ними интересно. Я бросила работу, такую стабильную и необременительную. Вспомнила, что архитектор по образованию, начала с проектирования беседок на участках и другой мелочи. Стало получаться. Я спроектировала ЧТО???. Заплатили за мою работу, которая понравилась. А с Сергеем?

Ему предложили продлить контракт, он с трудом выбил мне визу, и я поехала, посмотрела. Зима, Аляска, снег, просто царство снежной королевы. Где, интересно, ее дворец? Опять север и снег, и голос в голове:

— Ты помнишь меня, Лотта, помнишь Морану? Красивую и холодную, но мудрую, вспоминай. Тебе здесь нравится? А что ты тут будешь делать? Пирожки печь? Опять в тени мужа? Да пожалуйста, живи, миллионы так живут, ты-то чем лучше? Или все-таки другая?

Состоялся тяжелый разговор с Сергеем. Долго спорили.

— Не дави на меня, — пыталась отбрыкиваться я. — У меня тут нет дела, а дома оно уже есть, первый раз за долгие годы.

Сергей сказал:

— На тебя надавишь — ты, как вода, не сдавливаешься.

— Наверное, меня можно только заморозить, но я в эти игры больше не играю.

— Ну почему ты не хочешь побыть слабой, защищенной?

И вдруг услышала от него почти дословно слова Тараса:

— Мужчина нужен женщине для того, чтобы она была слабой. Сильной она может быть и без него!

Но у меня родился закономерный вопрос:

— А с каким мужчиной можно быть самой собой?

Сергей быстро отреагировал на мой выпад:

— С тем, которому ты безразлична или не нужна.

Но я не сдавалась.

— А может, с тем, который принимает тебя такой, какая ты есть?

— Да пожалуйста, Ника, будь собой, кто мешает? Я люблю тебя, хочу жить с тобой, хочу семью, детей, хочу, чтобы ты была рядом.

Криво усмехнулась.

— Сережа, я сейчас не Ника, а Вера, меня держит только вера в то, что найду эту самую Нику, себя, словом. Мне нужно время. Может это звучит смешно, но кто-то внутри меня все время напоминает слова. Вот послушай: *«Учись падать и держаться ни на чем! Выбраться из мира Иллюзии можно, только найдя опору в самой себе, и тогда ты обретишь почву под ногами и станешь опорой и для других. Только так, опираясь на себя, обретая Сознание, можно найти Истину и уйти от игр Майи».*

Сергей странно посмотрел на меня.

— Понимаешь, мне это важно, важно понять Истину, найти опору в самой себе, обрести почву под ногами, с тобой я этого не смогу. Почему — не знаю. С тобой я чувствую себя твоей тенью, а если обопрусь, то с тобой случится то же, что с Тарасом, он погиб — и ты погибнешь. Кому-то надо, чтобы я нашла опору в себе, а с тобой это трудновыполнимо.

— Ника, что за глупая мистика? Это просто блажь.

— Наверное, Сережа. Но Морана — зима все время на моем пути. Зимой ко мне пришла моя первая любовь, в снег и лед ушел Тарас, Дмитрий приехал ко мне с севера, а ты уехал от меня в самый северный институт мира. Мистика? Да как сказать. Может, и так, но я знаю точно, мне надо научиться быть собой, вернее, найти опору в себе самой. Вот где-то так. Прости.

Сергей понял, что переспорить меня сейчас невозможно.

— Хорошо, давай, поживешь ещё немного отдельно, но я скучаю, очень. Ты понимаешь, мне плохо без тебя, и я мужчина, ты это понимаешь?

— Да, конечно, я постараюсь.

Дома у меня открылось второе дыхание. Я тренировала детей, и у них получалось, хорошо получалось, дети побеждали. И еще я проектировала, а также читала не только художественную литературу, но и книги по психологии, анализировала свою ситуацию. Зачем-то начала учить английский, ходила на разные тренинги и даже на тренинг по методике Клауса Фопеля «Сплоченность и толерантность в группе» — мне хотелось, чтобы мои детки научились не конфликтовать. Получалось неплохо. Я стала для них опорой.

Через год мне пришло письмо по электронке (как узнала?) от девушки, у которой Сергей начал иногда ночевать. Она не хотела конкуренции. Писала, что он устал ждать меня

и ему с ней не так уж плохо.

Зима забрала и его. Любила ли я его когда-нибудь? Наверно, не так сильно, как надо, иначе бы все сложилось по-другому. А кого любила? Алексея? Наверно. Но почему все рушится? Почему этот бесконечный поиск и потери? Почему?

Кто виноват, что потеряла Сергея? Я, конечно, — и не отрицаю этого. Нисколько не виню его. Такова цена поиска моей «опоры в себе».

— Слишком высокая, — сказала подруга.

— Да как сказать, — ответила я.

Откуда-то возник ответ:

— Все это игры Майи, Иллюзии, ей что-то от меня надо, — вдруг тогда в первый раз озвучила я свои подозрения.

Сейчас посмотрела в окно на «Глядящих» и поняла окончательно: да, это не совсем моя жизнь, мной играли, я стала фигурой, пешкой в играх Майи. В ушах прозвучало: «Не пешкой а Королевой» Подскочила с дивана и кинулась к окну. Другая девушка очнулась во мне, и звали ее Лотта.

— Эй, вы! — крикнула я Глядящим. — Я поняла, это игра Майи, меня зовут Лотта, а мужчины в жизни Ники — это своеобразные иллюзии, измененные и подкорректированные для мира Первой Земли Майей, и зовут их Михел и Карен. Вот так. Я поняла. Я вспомнила кто я! Эй! Слышите? Я поняла!

Вокруг закружился воздух, и я провалилась в другой мир.

Предназначение или Вероника и Ко

Меня или, вернее, нас выбросило недалеко от Алатырь-камня. Я сидела на земле и как рыба открывала и закрывала то глаза, то рот. Две реальности никак не хотели совмещаться. Я была сейчас внешне Лоттой, но, если бы спросили, кто я, назвала бы себя Вероникой.

Посмотрела вокруг. Солнце склонялось к закату — красный шар, цвета не крови, но, скорее, багряных осенних листьев, пытался скрыться за горизонтом, как будто от сложившейся абсурдности ситуации ему было стыдно и не хотелось участвовать в разборке случившегося. В голове пронеслась мысль: «И ты не хочешь быть причастной, а хочешь улизнуть и оставить меня в этом мире — разбирайся, мол, сама, где лучше — в иллюзии или в реальности, и различаются ли они чем-то?»

Вечерка на фоне огромного солнечного диска казалась маленькой и беззащитной, но в то же время не лишней, как я в своей пижаме а-ля 21 век, Земля Первая, среди камней мифического Буяна. Пижамка оказалась большой, так как Лотта была явно ниже меня. Ну, хоть не толще, уже хорошо. Подвернула штанины, закрыла глаза и стала думать думать.

Лотта тихо ушла в себя, забилась вглубь мозга и, видимо, тоже пыталась осмыслить ситуацию. На разговор пока не шла. Мой не самый легкий жизненный опыт может придавить кого угодно, а уж как будет его осмысливать девочка семнадцати лет — вообще непонятно. Почему-то вспомнились слова юмориста: «Жизнь, конечно, не удалась, а в остальном всё нормально». А с другой стороны — что я теряю, покидая свой мир? Что особенного имела-то? Если сложить мое тёмное прошлое со светлым будущим — получится, что имею серое настоящее. Но это я так говорила для утешения себя. У меня всегда была немного замедленная реакция на происходящее — я сразу никогда не расстраиваюсь, не впадаю в ступор, не делаю резких движений, даже на трагические ситуации могу смотреть

как бы со стороны и не впадать в прострацию. Осознание произошедшего приходит обычно позже и тогда накрывает так, что мама не горюй.

А сейчас не такой большой жизненный опыт Лотты, со всеми ее переживаниями, чувствовался как мой собственный.

Закрыла глаза и задумалась. Кому нужна эта дикая ситуация?

За сомкнутыми ресницами мне виделась снежная вьюга, что гуляла в миллиардах миров, пронесившихся перед глазами — холодных, чужих, даже близко не позволяющих прикоснуться к ним, остаться и забыться в них. В них не было тепла и надежды, только холод и вьюга. «Морана, — пронеслось в голове, — ты везде, зачем тебе моя жизнь, что ты хочешь?» И как сквозь вьюгу послышались слова:

— Понять, сможет ли Лотта сделать то, что нужно.

— А что нужно-то? И причем здесь я?

Ничего больше не услышала, только вой ветра в ушах.

Долго одной в размышлениях мне пребывать не дали. Первым появился Кот, потом тетушки — полусонные, потому что им в это время суток бодрствовать трудно.

Они радостно загомонили, захлопали крыльями, но способности внятно разговаривать со мной у них не отмечалось. Из их всхлипываний и причитаний ничего путного я не услышала — только то, что они знали, что я вернусь. Я обняла каждую и выдавила из себя истертую, но правильную фразу:

— Утро вечера мудреней. Я отдохну, мы все выспимся, а завтра поговорим.

И они полетели на насесты.

Наконец оставили меня одну, вернее, с Котом. Я обхватила коленки руками и уставилась на остатки заката, а у моих ног, как огромная пегая пантера, разлегся Кот.

— Вот ты и дома, как хотела, и никаких иллюзий,

— Только как жизни совместить, вот в чем проблемка.

Мы долго сидели молча, я гладила Кота, он мурчал, и это успокаивало.

— Что делать-то, Баюн? — наконец прервала я нашу молчанку. — Ты себя мудрым называешь, скажи.

— Жить, девочки, жить. Думаю, завтра многое станет ясно. Расскажи мне, что произошло и как там, в мире иллюзии.

— А с чем сравнивать-то, я тут не жила еще. Вот время по-разному идет. Там я прожила целую жизнь, а здесь прошел день. Улетела Лотта утром, вернулась вечером, а там прошло сорок лет. Моей жизни, не Лоттиной. Майя — шутница, только шутки у нее садистские. Хочется удавить ее за эксперименты. Послать на какой-нибудь суд за особую жестокость по отношению к людям. Наверное, это было бы оправдано. А с другой стороны, если подумать, — и я развела руками во вселенском масштабе, — Лотта приобрела очень полезный опыт.

— Расскажи, — опять стал приставать Кот, — как звать-то тебя и кем ты там была? Мы ведь только и знаем, что Лотту занесло в мир Майи, но, зная это, могу предположить, что она «обогатилась» еще одной личностью. Вас ведь теперь двое в Лоттином сознании, прав я?

Я кивнула.

— Кем была? Да обычной девушкой Земли, для тебя девушкой Первого Мира, не принцессой и не выдающейся личностью, певицей там или артисткой. Таких девушек миллионы среди миллиардов живущих. И каждый живущий хочет счастья, денег, здоровья, любви, интересной работы. Ну, работы, может, и не все, но поверь, желания

среднестатистического человека, которым я была, с одной стороны — понятные, но с другой — сложные и запутанные. У одних — от жадности и раздутых амбиций, желания иметь сразу все блага мира, у других, типа меня, увязших в собственной рефлексии, самоедстве, желании понять суть происходящего вокруг, поиске своего места в этой жизни, значимости для окружающих и самой себя. Поиск границ своих возможностей и возможностей выйти за них. Запутанный мир. Лотте такие сложности и не снились и это, наверное, хорошо — маленькая она еще. Она проще и чище. Естественней, природнее, а я — комок противоречий. Как мне с ней ужиться? Она вот затаилась сейчас внутри, слушает и, по моему, у нее волосы на ее или на моей прекрасной головке шевелятся. Мне вскоре надо будет уйти вглубь ее сознания и не высовываться. Вероникой меня зовут.

Я перевернула кота на живот и стала гладить ему шейку.

— Ты же, Баюнчик, понимаешь, что с тобой сейчас Вероника разговаривает. Даже удивительно, что Майя не придумала для меня какую-нибудь уникальную жизнь, например, сделала бы меня принцессой Монако или дочкой миллиардера, хотя спасибо ей и за то, что в Индию в трущобы не послала жить. Наверное, утрирую, но это потому, что злая. Отчаиваться я уже давно разучилась. Жизнь научила не делать этого. Много разного в ней было — хорошего не так много, но по опыту знаю — некоторым бывает во сто крат хуже — и ничего, выживают. Хотя обидно: за что они со мной так? Умереть не умерла, сижу в чужой голове, чужом теле и что, что дальше? Постепенно угасать, ассоциироваться, сливаться, с Лоттой. Так ей тоже не позавидуешь — займешь компаньонку, которая старше ее на целую жизнь. Надо как-то договариваться с ней и понять, чьи это игры и для чего. Чувствую, игры не только Майи, но и Мораны — точно приложила она к этому действию свою холодную руку. А про мир... — Вероника помолчала. — Ты-то там был и знаешь. Мир жесткий и жестокий. В нем редко кому удается прожить расслабившись, хотя у некоторых получается. Но у меня не получилось. Я, или теперь правильнее сказать — Вероника, все равно люблю этот мир и по своему неплохо в нем разбираюсь. Не пропала же в нем. Смогла встать на ноги, не сломалась, хотя могла.

Вероника опять переключилась на мурчащего Кота.

— С точки зрения целесообразности, для узнавания и понимания Лоттой Первого Мира устроить для Лотты ловушку в мир Майи — совершенно гениальная мысль. Правда ведь, котусик? Я уверена, что без Мораны тут точно не обошлось, на сто процентов уверена. Вероника за свою жизнь научилась тому, чему никогда бы не научилась Лотта. Хорошо, хоть одна жизнь в Иллюзии прошла, а если бы она не осознала с первого раза и в ее головке толпилась бы куча личностей? Как мы с Лоттой уживаться будем, вот ведь вопрос. Я, Баюн, немного психологией последнее время увлеклась было и знаю, читала, что есть случаи, когда в одном человеке несколько личностей сосуществуют, причем они не пересекаются и часто не догадываются о существовании других личностей. Подобное редкое явление называется диссоциативное расстройство идентичности. Одна личность сменяет другую в определённые моменты, в которые в человеке происходит «переключение». Обычно это происходит после состояния типа кратковременного обморока. Эти «личности» могут иметь разный пол, возраст, национальность, темперамент, умственные способности, мировоззрение, по-разному реагировать на одни и те же ситуации. После «переключения» активная в данный момент личность не может вспомнить, что происходило, пока была активна другая личность. Например, в любом учебнике по психиатрии упоминается человек по имени Билли Миллиган, в котором уживались не две, не три, и даже не десять, но целых 24 разных

личности. У них были разные имена, разный возраст, пол и национальности. Они обладали различным темпераментом и преследовали несовместимые цели. Суицидник и психопат, интеллеktуал, бесшабашная лесбиянка, трехлетняя умница, ну и много других. Когда Миллигану были предъявлены обвинения в краже и изнасиловании, оказалось, что сам Билли не виноват. Кражи совершал Рейджен, а изнасилования — лесбиянка Адалана. Его действиями управляют они, а он, хозяин своего тела, Билли Миллиган, в это время спит. Кстати, суд его оправдал. Представляешь?

Кот слушал очень внимательно, даже этот мудрейший такого не знал.

Я продолжила:

— В мозгу в такой ситуации как бы формируются отдельные обособленные области, что чаще всего случается из-за психологической травмы в детстве. Определенные воспоминания занимают свое собственное место в сознании, которое отделено от других, и в дальнейшем развиваются отдельно, приобретая свою собственную жизнь и судьбы, личностные свойства.

Кот фыркнул.

— Да, мозги — непонятная субстанция. Но вы-то с Лоттой осознаете наличие друг друга и знания каждой из вас доступны обоим.

— От этого, котусик, не легче. Я-то ее жизнь могу принять — не скажу что, с легкостью, но и не такое видела и пережила, хотя знания о вашем мире захватывают. То, что пока узнала по-быстрому, впечатляет и, думаю, не сразу это все переварю, а уж как Лотте со всеми наворотами моей судьбы разобраться? А может, и не нужно вдаваться в тонкости моего бытия и переживаний. Интересно, это возможно? Надо с ней это все обсудить. Что скажешь, котусик?

— Ты даже меня по-своему называешь. А уж что думаешь про все — не знаю. Ты бы шла спать, может, завтра действительно все прояснится. Чуйка у меня на это имеется. Знакомиться и договариваться будете завтра. Пойдем, провожу, а сам пойду перекушу на ночь. Настоящего кота никаким неурядицам и тревогам не лишит желанья плотненько поесть.

Потом опомнился и все-таки спросил:

— А ты сама-то не голодная?

— Сто грамм водки с закуской были бы в самый раз.

— Водку тут, увы, не держат, а сейчас тебе действительно это было бы в самый раз.

Пойдем в терем, чайку налью.

Чай с мятой и пирожки немного притушили горечь ситуации. Я поела и пошла в спальню.

Спала я в обнимку с бессонницей. Когда из небытия вынырнула Лотта, я уже провалялась часа два, глядя в потолок.

Лотта проговорила:

— Я тоже спать не могу, что делать-то будем? Все эти заверения и уверения разных..., что я сама строю свою жизнь, пустая болтовня. Вероника, вот тебя ко мне подсадили — и придумывай, как с этим быть. Тело-то мое, а нас двое, как делить будем?

Понимала, что не такое уж ценное приобретение для человека обрести в своей голове вторую личность, которая еще и старше вдвое. Но лисичкой, которую пустил зайчик на постой(а она его потом выгнала), быть не могла, а куда самой идти в этой ситуации — было неясно. Мой опыт и знания Лотта теперь имеет, а вот с моими решениями или желаниями как считаться, никто не знал. У нас вариант уплотненной коммуналки, причем по самому

худшему варианту — мы не в одной квартире, а в одной голове живем.

Мы долго обсуждали сложившуюся ситуацию и договорились, что я буду стараться не вмешиваться в дела, пока Лотта не просит — все-таки голова-то ее, поэтому я в уголке тихо посижу, пока не спросят совета. И, конечно, договорились, что будем искать способ разменять «квартирку», то есть найти тело, куда меня выселить. Мысль о выселении куда ни попадя меня не грела, хотелось бы тело покрасивше и, конечно, не дряхлое там совсем, а молоденькой и хорошенькой девушки. Сама засмеялась своему желанию: как говорят, сорок лет — ума нет, и не будет. Только у меня теперь ничего нет — ни своего тела, ни своих мозгов — так, чистый разум и память в чужой голове.

За обвалом новых впечатлений как-то забыла подумать, что же со мной потом будет. Интересная, однако, тема. Сейчас я зачем-то кому-то нужна, а потом могут вышвырнуть в небытие — и все, никто не вспомнит и где могилка моя — не узнает, так как ее нет, соловей не прилетит и не заплачет. И грустно так стало, но почему-то в тоже время смеяться захотелось. Странно. И тут я себя поймала на мысли, что так хорошо я себя уже лет пятнадцать не чувствовала. В мыслях ясность, эмоции яркие, красочные, сочные, не замутненные ни отчаянием, ни жизненным опытом. А должно бы, исходя из ситуации. Не чувствую ни излишней озабоченности, ни настороженности — в общем, пофигистические какие-то эмоции, такие, как в молодости бывают, когда думаешь, что все само собой образуется, рассосется, решится.

Моя склонность к осознанию действия возрастной и житейской мудростью затрепыхалась и заелозила. Короче, одним органом чувствую (ой его же теперь нет тоже), что что-то не так, неправильно. Смешно, конечно, было бы говорить про какую-либо правильность, сидючи в чужой голове, но мой разум пока еще мой и мои чувства — они же мои, я с ними сроднилась за столько лет, привыкла, одним словом: а тут и они как-то странновато себя ведут, подозрительно.

На всякий случай Лотту спросила:

— Тебе как, не грустно? Или, может, весело?

— С чего веселиться-то? Но и плакать, в общем, не собираюсь. Думаю, Кот прав, завтра многое может проясниться, тогда и будем эмоциями разбрасываться. А сейчас уснуть бы. Вот только не поняла — ты вроде как повеселела. Мысль какая дельная пришла что ли?

— В том-то и дело, что нет, просто почувствовала, что все кажется не таким ужасным. Хочется просто отмахнуться от обдумывания ситуации и вместо этого пойти посмотреть на красоты острова, с тетками твоими познакомиться поближе. Хочется пойти и подвигаться, как щенку, а не думу думать. Интересно, почему это? У тебя как?

— Да я и по жизни надолго в печаль не впадаю, но особых изменений не отмечаю в себе. Может, это я на тебя каким-то образом влияю?

Мысленно хлопнула себя по лбу (ой, лба-то своего тоже не было, а по Лоттиному стучать было как-то неправильно). Да и послушались бы моего желания Лоттины руки, вот еще один интересный вопросец. Надо попробовать попозже руками захотеть что-нибудь невзначай потрогать. А может, и не надо самодеятельности. Поняла, что проблем по совместному проживанию, как моральных, так и физических, будет масса.

А ведь действительно, гормоны и энергетика-то теперь у нас общие, вот они и влияют. А что, мне нравятся новые ощущения — живенько так, давно забытое чувство легкости и беспечности молодости.

Под утро мы все-таки заснули и проснулись отдохнувшими. Лотта сказала, что на Буяне

энергетика очень располагает к отдыху и здоровому самочувствию. Пошли завтракать. Тетушки внимательно смотрели на Лотту, но предпочли серьезный разговор оставить на после завтрака. Они явно очень переживали. Смотрела и думала: «Прелюбопытные особы. Как с ними общаться?» И еще одолевало такое стойкое и привычное за столько лет желание, что аж язык (не мой) щемило: чашечку кофе бы. Но тут такого не водится. Лотта про такой вряд ли слыхивала, да и вкус ей незнаком. Вот и предпочтения в еде и питье у нас не так чтобы очень сходились. Ладно, буду есть, что дают. «А кофею?» — не унималось сознание.

Не успели мы доесть, как воздух задрожал, и перед нами возникли две особы. Лотта тихо ахнула, и по ее реакции, что пробежала и в моем сознании тоже, поняла, что эти дамы — богини, а именно — Макошь и Морана.

Тайны приоткрываются

Меня они впечатлили. Морана, о которой думала почти с ненавистью, выглядела как истинная ледяная королева. Она была действительно изумительно красива дивной, холодной красотой. И взгляд притягивал — не просто холодный, от такого в сосульку того и гляди превратишься. Он, как скальпель хирурга, так и норовил проникнуть в сознание, посмотреть, что или кто там еще обитает.

Тетушки тревожно захлопали крыльями, а Алконост, глядя на Морану, просто шипеть начала, ничего членораздельного произнести не могла.

Макошь, напротив, отличалась неброской внешностью: занятая работой женщина за тридцать, руки натруженные, привыкшие к труду. Немного озабоченная какими-то проблемами, задумчивая, но с твердым и властным взглядом. Под ним не было холодно, как под взглядом Мораны, но и было понятно, что расслабляться и загорать нам не предложат и не благословят на такое времяпрепровождение. Она с легкой грустью и сочувствием смотрела на Лотту

— Держись, подруга, прорвемся, — послала я Лотте слова поддержки.

Но Лотта и не думала падать в обморок, хотя воспоминания о Моране, ее замке, замораживании, депрессии в результате отнятия смысла жизни вспомнились сразу и горячей волной охватили и мое сознание.

Тетушка Гамаюн решила немного разрядить обстановку и сказала:

— Мы тут завтракаем. Не хотите ли чайку горяченького?

— Издеваешься, крылатая, — засмеялась Морана, и как льдинки вокруг рассыпались, — мороженого съела бы, а чай вы с Макошью гонять будете. У нас тут разговор серьезный намечается. Время пришло, Лотта.

Она, не мигая, смотрела на Лотту.

— Не хотела я этого, но тому, значит, надлежит исполниться. Пойдемте к Алатырь-камню, такие вопросы нужно не на ходу решать, а у камня мироздания и пусть пребудет с нами мудрость.

Тут еще Кот потерял о Лоттину ногу и муркнул:

— Говорил, что утром скорей всего многое прояснится. Не унывайте, девчата, лишнего не говорите. Слушайте внимательно. В отчаяние или излишнюю экзальтацию не впадайте. Успеете еще.

Мы расселись вокруг Алатырь-камня, откуда-то скамейки материализовались, и

Макошь начала:

— Лотта, тебе Гамаюн говорила про пророчество?

— Да, говорила, я помню текст: «Дева осени проклятая. Похожая и непохожая. Страшная и прекрасная, любимая двумя и носящая двух, придет и заберет нужных, спасет от ярости нового потопа, что не водой пройдет по миру, а огнем ненависти»

— Да, ты правильно помнишь, — проговорила Макошь. — Когда ты проявилась на свет и вышла из заколдованного леса, многое стало ясно, и мы стали понимать, что пророчество точно про тебя, и настоящее время — это время его осуществления. Ты родилась осенью, ну, и основные части пророчества тебе птица Гамаюн рассказала. «Носящая двух» — тут и мы не знали, а оказалось, и в чреве у тебя двойня, и в голове подруга. Два в одном два раза. И проклятая ты, и страшная и прекрасная одновременно была, полюбили тебя двое, с этим все понятно. А остальное расскажу.

Но Лотта все не хотела поверить, что это о ней говорится.

— А собственно, почему именно про меня? Мало ли кто осенью родился, и не меня же одну прокляли.

Но Макошь резко перебила:

— Было доподлинно известно, что это будет птицедева, что на двух ногах ходит; тетушки твои вот сначала и думали то на бабушку твою, то на мать. Чернобог, он личность такая — вопросы кардинально решает. Раз не хочет, чтобы что-то совершилось, уничтожает объект — и все. Вот он на твоих родственниц и напал, да и тебя хотел извести, а потом... — она сделала паузу.

Тут всех разобрало любопытство.

— А потом что-то изменилось?

— Да, — продолжила почему-то Морана. — Сейчас стало ясно, что ситуация на Первой Земле стала достаточно критическая и миру действительно грозит гибель, а Бог Единый без человечества не хочет остаться. Люди — любимые его чада, а они, эти чада, заигрались. Сам в ситуацию напрямую не вмешивается, соблюдает право на свободу выбора в своих действиях, которую им дал. Пообещал также, что воды Ноя не падут на землю, то есть потопа и уничтожения человечества по Его воле не будет, но люди сами так стараются, что куда там тому дьяволу.

Мы, впечатленные сказанным, молчали и ждали продолжения. Только Лотта опять встряла:

— А вы что же, не можете повлиять?

— Мы, Лотта, — грустно проговорила Морана, — суть служебные духи, и нас на эту землю послали для поддержания на ней жизни, воспитания населения, наведения порядков. Немало дали свободы в наших действиях и решениях. Эта Земля по-своему резервный вариант, копия Первой Земли, только заселена людьми позже и при заселении выбраны наименее агрессивные народы. Вот так-то. Вы с Вероникой теперь многое знаете о нас.

Потом она обратилась к Макошь:

— Ты продолжи, а то я от избытка эмоций перегреваться начинаю.

Макошь посмотрела на нее понимающе и продолжила идею:

— Мы, те, кого вы называете богами, суть служебные духи, Морана правильно сказала. Да и провинились на Первой Земле, сюда были посланы на служение. Когда мы узнали про возможность переселения к нам людей с Первой Земли, между нами возникли серьезные разногласия, поссорились даже. Я, как ответственная за Перекресток миров, была за

переселение. Ну, конечно, не глобальное, а выборочное, к нам ведь иногда люди с Первой Земли случайно попадали в день Дикой Охоты, например. В это время Перекресток приоткрывался, и от нас туда и отсюда туда люди попадали, но это так, единичные случаи, они растворялись в нашем мире, мы следили за этим. А тут такая задача, группу людей привести, проблем с ними уйма, самых разных проблем. Привыкли мы к плавному, размеренному развитию событий на планете, спокойно у нас. Точных указаний Бог нам не дал, так, пророчество и кое-какие слухи с небес — оттуда тоже слухи доходят — каждый из нас и понял по-своему. Морана и Чернобог поначалу были категорически против, а я — за. Планета наша малонаселённая, почему бы и не принять переселенцев? Потом появилась ты — личность, подходящая для перевода людей через Перекресток. Бог старается сейчас как можно меньше вмешиваться в развитие истории, а ты наполовину человек, даже на три четверти, если учесть, что и дед твой тоже человеком был. Вот тебе и выпала доля — подходящих людей на первой планете искать и сюда на континент, что там Америкой называется, переселять.

Она вздохнула и продолжила:

— Подходила ты во всем, маленькая только была и необразованная, той Земли не знала — ни ее обычаев, ни людей, ни сути существования на ней, вот Морана с Майей и постарались, придумали хитроумный план образования тебя. Веронику в твою голову подселили. Она хоть и не имеет энциклопедических знаний, но достаточно образована, а главное — в людях неплохо научилась разбираться.

Эта информация вызвала страшную флуктуацию в голове Лотты, так что она подпрыгнула и возмущенно проговорила:

— Я так и знала, что без Мораны этого ужаса с Майей бы не было. Зачем ты все это устроила? У меня в голове теперь невесть что происходит.

Потом она засмушалась, жалко ей, видимо, меня стало, и добавила:

— Вероника, конечно, хорошая девушка. Но голова-то моя, и мне как-то не шибко сладко с ней ее делить.

Морана на ее слова расхохоталась. Мне показалось, что от ее хохота сейчас град пойдет, такое эхо в воздухе стояло.

— Да, идея была отменная. Повторюсь — маленькая ты, Лотта, и глупая еще, а задание важное, сложное, да еще и связанное с людьми и особенностями их жизни на другой планете. Вот мы план и придумали, как тебя особенностям Первой Земли обучить. Веронику отыскали, жизнь ей портили. И судьбу немного подкорректировали. Зато, пройдя через немалое число испытаний, она не сломалась, не раскисла, смогла свои интересы отстоять и научиться многому. Стало понятно, что такой компаньон тебе для задания подойдет. Мы, чтобы время сократить, с Колядой договорились, он всю ее жизнь в твои полдня закрутил — и вот вы вместе. Трудно это, но так надо, поверь.

Лотта любопытна, как и я, и поэтому, несмотря на то, что серьезных вопросов множество, спросила:

— А при чем тут Коляда?

— Поверь, Лотта, есть у нас для обсуждения вопросы поважнее. Ты сначала должна узнать куда, кого и как водить. А ты про всякие несущественные вещи спрашиваешь, — перебила ее Макошь.

Но, увидев разочарованное лицо девушки, сказала:

— Если не сильно вдаваться в подробности, то Коляда — один из немногих наших, кто

может сам перемещаться и перемещать кого-то во временном пространстве, но это не основное его предназначение. Кроме этого он доносит людям, серьезно задумывающимся над смыслом жизни, подсказки, как можно выйти из череды сиюминутных задач и подняться до понимания общего в развитии, он помогает, насколько возможно, спастись от духовного вырождения. Непростая эта задача, сложно осуществимая и неблагодарная совершенно, — вздохнула Макошь.

— Ладно, вернемся к нашим проблемам. Итак, у нас имеется совершенно нетронутый и не заселенный людьми континент, на Первой Земле он Америкой называется, как мы уже сказали. Ты, Лотта, с Ветром Удачи летала на него, видела — большая, богатая и красивая земля. Мы до сих пор препятствовали попаданию на него людей, и он сохранился в первозданном виде. Вот на него и надо будет переселить некоторое количество людей с Первой Земли.

— А я-то как это буду делать? Я не умею перемещаться между мирами. Только немного с перемещением по этому миру освоилась.

— У тебя еще есть немного времени подучиться этому. Если бы не твоя беременность, то не спешили бы с началом переселения, а теперь придется все делать быстро. Думать быстро, решать быстро, искать людей быстро. Надо для начала первую партию \группу организовать и, главное, продумать, кого выбирать и как искать этих людей на Первой Земле. В этом мы тебе, Лотта, уже не помощники, не наша это задача. Нашей была найти тебя, рассказать, что надо делать в общих чертах, а потом, — она внимательно посмотрела на Лотту, — уже твои решения. Нам в это не велено вмешиваться.

Мы с Лоттой одновременно ахнули — ничего себе задачка поставлена. Да как вообще такое можно осуществить?

Богини смотрели на нас, и было видно, что они и сами прекрасно понимают неподъемность этого мероприятия\задачи, но сделать ничего не могут.

— Для некоторого успокоения могу сказать, Лотта, что тебе подарена возможность Кривду от Правды отличать и способность из многого выбрать нужное, а вот что есть это нужное в этой ситуации — нам и самим непонятно. Могу посоветовать пообщаться с Кощеем, Василисой, она премудрая, да и Карен твой не дурак. Может, что подскажет. Тетушки твои тоже могут хорошее присоветовать, но немного, не разрешено нам, служебным духам и волшебным сущностям, вмешиваться в это дело, на человека оно возложено.

— А как же Кощей?

— Вот Кощей в списке, кому не разрешено вмешиваться, не упоминается почему-то, он — особая статья в этом мире. А на Первой Земле тебе и ветры, и Лилит помочь смогут, и, думаю, Михел тоже к месту придется.

Богини замолчали. А мы задумались — и я, и Лотта.

А потом Лотта спросила:

— А сколько времени у нас тут еще осталось? Мне до родов, как я понимаю, чуть больше семи месяцев. И как вообще я с животом по той Земле бегать буду?

— Об этом позаботимся. Предполагаю, за месяц вы вопросы продумаете и отправитесь на Первую Землю, а там тебе придется процесс подбора людей, подготовки и перемещения их продумать и за пару месяцев до родов на Буян вернуться. Мы ведь понимаем, что человеку перед родами нужен «декретный» отпуск. А еще знаем — когда сроки подпирают, человек быстрее думает, не вдаётся в мелочи, а глобально мыслит.

— Нет, ну как я с животом буду на той Земле задание выполнять? Придумайте что-

нибудь. Вся ваша помощь только в том и заключалась, чтобы меня в разные трудные ситуации ставить, смотреть, как я и Вероника выкарабкиваться будем.

— В чем-то ты права, красавица, но по-другому мы не можем. Единственное — с Ладой поговорю, она к материнству прямое отношение имеет, что-нибудь придумает. Уверена — поможет. А теперь нам пора. Думай, Лотта, думай, Вероника, как с этой задачей справиться. Скажу только, что Бог неспроста решил столь сложную задачу на женщин возложить — в последнее время многие из них более адекватно и активно себя ведут, чем мужчины. Вот даже такой великий человек с Первой Земли, как Тесла, озвучил про женщин такое: *«Женщины добьются равенства, а затем и главенства не благодаря примитивной физической имитации мужчин, но благодаря пробуждению интеллекта. С самого начала истории подчинённость женщин приводила к частичной атрофии умственных качеств, которыми, как мы теперь знаем, женский пол наделен не в меньшей степени, чем мужской»*. И дальше: *«Женский ум продемонстрировал способность ко всем интеллектуальным достижениям, на которые способны мужчины, и эта способность будет расширена. Средняя женщина будет не менее, а затем и более образована, чем средний мужчина. Женщины будут игнорировать прошлое и поразят цивилизацию своим прогрессом»*. Вот про материнство и пчел он, кажется, сильно преувеличил, такое сказать: *«Постепенное освоение женщинами лидерства и новых областей деятельности притупит женскую чувствительность, подавить материнский инстинкт. Брак и материнство, возможно, начнут вызывать отвращение, и человеческая цивилизация все больше станет приближаться к совершенной цивилизации пчел»*. Так что в вас верят великие люди. Дерзайте, девочки. Если что по мелочам нужно — поможем, но основные решения за вами.

Они кривенько так нам улыбнулись — то ли сочувственно, то ли подбадривающее, и мы поняли, что они сейчас испарятся, поэтому быстро проговорили:

— Пойдите, а что, моя голова теперь все время с двумя личностями существовать будет?

Морана резко обернулась и проговорила:

— Обещаю, если не найдем подходящего тела, я его хоть из снега вылеплю. Решим это.

Вы о другом думайте. Прощайте.

И обе растворились в воздухе.

Карен и Лотта

Когда Макошь и Морана покинули нас, никто долго не мог начать разговор, так много информации свалилось на голову. Это предназначение и обида за то, что оно существует — все это мне надо принять и осмыслить. Говорили мне много всякого — мол, ты, Лотта, сама пишешь свою судьбу, родилась в ночь, когда правит богиня неписаных судеб, а тут — предназначение. Как эти две вещи совместить? Не совмещаются они у меня в голове. Главное поняла: богини или, как они сами себя называют, служебные духи, меня наши, задачу озвучили, а теперь умывают руки — делай, как хочешь, мы не имеем права вмешиваться. Хороша стратегия. Посмотрела на теток: уж на что Гамаюн, как мне казалось, на все знает ответ, так и у нее на лице растерянность отражается. А что тогда про меня говорить? Потом начала считать.

Значит, у меня на продумывание плана и продолжение обучения на Буяне около месяца и около четырех месяцев на Первой Земле. Вероника хорошее слово подсказала,

понравилось — дедлайн, крайний срок, за который должна быть выполнена задача. Спрошу-ка у нее совета.

— Соседка, с чего начинать будем, не придумала?

Вероника замялась — мы еще ни разу ни одной задачи вместе не решали, потом буркнула:

— Дай подумать, я еще не переварила услышанное.

Тогда спросила тетушек, что они об этом думают.

Алконост, оптимистка наша, сразу начала уговаривать: ты, мол, справишься, не могут просто так тебе непосильную задачу поставить, знают, значит, что сможешь ее выполнить. Но ничего дельного от нее так и не услышала — не утешения мне нужны сейчас, а совет, с чего начать.

Сирина вообще рыдать начала, не ожидала от нее такого. Сказала, что ее любимую деточку непосильным делом озадачили, а она внучков хочет, и совсем не рассчитывала, что мне в таком положении по разным весам носиться придется.

Гамаюн наконец явно собралась с мыслями и произнесла что-то дельное:

— Лотта, хорошо что ты или вы не впадаете в панику. Давайте думать логически. Времени у нас действительно мало. Мы с сестрами, как я поняла, не имеем права давать советы по непосредственному отбору людей, подходящих для переселения, способу, как и куда их перемещать. То есть выбор осуществляешь ты сама, но я могу посоветовать, как лучше подготовиться к выполнению этого задания. Также я помогу тебе первое время с перелетами на Первую Землю, это пока для тебя непросто. Скажу сразу: больше, чем раз в неделю, пространство между мирами пересекать не советую, беременным это вредно, тебе о детях заботиться надо. Надеюсь, с ними Лада поможет, в ее круг обязанностей решение семейных вопросов входит. Она в материнстве часто помогает людям.

Гамаюн немного помолчала и продолжила:

— Занятия будем продолжать. Будем летать на этот необжитый континент, осматривать его, а что еще надо сделать — подумаю.

Тут о мое колено потерялся Кот.

— Лотта, крошка, сочувствую. Но могу дать дельный совет: тебе надо составить план и обозначить круг вопросов, которые надо будет решить, и в этом деле тебе все твои друзья пригодятся. Лишней мудрости не бывает. Проведете мозговой штурм, Лилит пригласить не забудьте, пусть ты ее не любишь, она толковое может подсказать. А еще перво-наперво тебе надо вопрос с Кареном решить. Тебе с ним надо поговорить. И нечего откладывать разговор, он отец детей и имеет право участвовать в решении некоторых вопросов. Когда в душе нет сумбура и любовных терзаний, и другие дела хорошо решаются. Пойдем-ка к глобусу, посмотрим, что он там делает.

Вот разговаривать с Кареном мне было даже более страшно, чем выполнять непонятно какое задание. Я начала было отбрыкиваться, на завтра переносить, но тут все окружающие сошлись в решении, что посмотреть-то на него в глобусе совсем не страшно, схватили меня и, можно сказать, силком повели к нему.

Я потыкала указкой в хорошо знакомое место на глобусе и начала разглядывать окрестности замка. Но никого не было видно.

— Так он, наверное, в доме, время-то там к обеду близится, — сказал Кот.

Я этому обстоятельству обрадовалась просто невероятно. Но тетки не позволили мне улизнуть — вопрос моей личной жизни их волновал основательно — и живенько так с

радостью сообщили:

— Так у нас есть тарелочка с наливным яблочком. Покатаешь его по этой тарелочке и увидишь того, кого нужно. Сейчас принесем.

Кот мигом бросился в терем, а я обреченно села на скамью. Не удалось отложить дело. Ладно, посмотрю на него, он-то меня не увидит, а уж потом как-нибудь соберусь с духом и съезжу в гости, раз так надо. Но это же не сегодня.

Вскоре пришел донельзя довольный Кот с красивенькой тарелочкой, на которой лежало румяное яблочко. «Интересно, сколько лет это яблочко хранится и не портится? Или они каждый раз его обновляют?», — пронеслись в голове какие-то ехидные мысли.

Кот всучил мне средство наблюдения, и все уставились в эту тарелку, как замороженные.

— Мне так неудобно, — проговорила я. — Мешаете, дайте мне самой на него сначала посмотреть. Не понимаете, что ли, что я и так делать этого не хочу?

Мои родственнички отодвинулись на полшага, но так пристально смотрели на меня, будто и внутренности мои рассмотреть решили. Я покатила яблочко по тарелочке. Вначале ничего не было видно, а потом сквозь слой чего-то типа крема возникло лицо Карена. Слой крема, а может, и картофельного пюре был не очень большой, и Карен смотрел прямо на меня, держа в руках вилку, потом его лицо начало принимать совершенно обалделое выражение, а еще через минуту он начал улыбаться и махать руками, что-то радостно приговаривая.

От неожиданности я чуть тарелку не уронила и не разбила волшебный раритет, а кот сунул морду, глянул в тарелку и просто покатился со смеху.

— Лотта, твой Карен из такой же волшебной тарелки сейчас картошку ест и тебя видит, вот и удивился. Представляю, какой красавицей ты ему сейчас видишься через пюрешку-то.

Поняла, что это безобразие надо заканчивать, махнула рукой и перевернула тарелку. Щеки мои горели огнем, а я улыбалась дурацкой улыбкой от того, что Карен мне обрадовался. Глупые мы, это точно.

Вдруг услышала голос внутри головы:

— А он ничего, симпатичный, хоть через пюре и плохо разглядела, — веселилась Вероника. — Надо слетать к нему, он точно будет рад тебя увидеть. И перестань глупости себе придумывать, он не такой парень, чтобы забыть и разлюбить тебя за такой короткий срок. Вон ведь как махал радостно. А если серьезно, то сейчас важно, чтобы ты знала и понимала, что тебя любят, ждут и поддерживают. Поэтому давай, решайся — и полетели, времени у нас действительно мало. Иди быстро переодевайся и будем перемещаться, тетушки помогут. И не забывай, что я с тобой, поддержку, когда нужно, теперь от меня, наверное, не так скоро отделаешься. А так не бойся, подглядывать и подслушивать за вами не буду, уйду в подсознание. Обещаю.

Все окружающие тоже решили взять меня в оборот и стали подгонять и говорить, что надо, мол, поторапливаться, задач нерешенных много. А если, мол, в личной жизни у человека спокойно, то и любое дело у него легко идет.

Надела платье попримечнее и обреченно вышла к тетушкам.

Гамаюн сказала:

— Летать отныне будешь только сама, я пока рядом подстраховывать буду, все у тебя получится.

Место, где располагался дворец Карена, я могла найти и без глобуса, отлично

представляла себе его. Тетушка пристроилась рядом. Я запретила себе думать о том, как меня встретит Карен, настроилась на перемещение и, к счастью, все получилось.

Тетушка не любила показываться людям без особой нужды, и поэтому на крыльце я оказалась одна, вернее, с Вероникой, но она как-то затихла, как будто ее и не было. И так неуютно стало, волнительно, сразу захотелось спрятаться. Ну что я скажу дворецкому, кто я, зачем пожаловала, позовет ли он Карена?

Но Карен как почувствовал мое появление. Он выскочил из распахнутой парадной двери совсем не в парадном виде, немного растрепанный, без мундира, махнул рукой выбежавшему за ним дворецкому, чтобы не мешал, и сразу бросился ко мне.

— Ты? Живая? Не отпущу больше! — были его первые слова, которые он произнес, прижимая меня к себе. — Как ты? Я думал, сойду с ума, от тебя ни весточки до сегодняшнего дня, а сегодняшняя весточка такая странная была, я тебя в своей тарелке увидел, думал, у меня галлюцинации начались от переживаний. Это действительно ты в ней была? Что произошло, почему пропала?

Я, согретая его вниманием, не могла отстраниться, понимая, как соскучилась, как мне его не хватало и какая я дура, что не прилетела к нему раньше и придумывала себе всякое.

Он прижимал меня к себе, целовал волосы, и я чувствовала, как дрожат его руки. Карен шептал мне в затылок:

— Лотта, я не могу без тебя жить, ты согласишься, не могу совсем. Жизнь занята какой-то ерундой — указы, отчеты, совещания. Все пустое, пустое без тебя. Ты не разлюбила меня, не забыла? Я тебе еще нужен, ну хоть немного? Нужен?

Я уткнулась лицом ему в ключицу и тихо сказала, переступив через все надуманное и несуразное:

— Нужен, очень нужен, я даже не могу сказать, насколько нужен. Но если бы ты знал, как все сложно и запутано, и я не знаю, что нас ждет впереди.

— Только не говори мне, что опять покинешь меня и пропадешь неизвестно куда и на сколько. Не говори, — отчаянно произнес Карен.

— Хи, нам нужно поговорить о многом, очень важном для меня. У тебя есть место, где бы мы могли побыть одни? — и почему-то покраснела, но быстро пришла в себя и продолжила. — Это очень серьезный разговор, важный не только для меня, не хочу, чтобы кто-то подслушал или помешал. Во дворце мне будет сложно обсуждать многие вещи.

— Конечно, есть место. Но туда надо ехать, пусть и недалеко. Пойдем, возьмем лошадей.

— Не надо. Скажи, где это, и я перенесу нас туда. А кстати, почему ты выбежал меня встречать?

— Что-то очень усердно толкало меня в спину, решил проверить.

«Наверняка тетушка, — подумала я. — Спасибо ей».

Хи рассказал об охотничьем домике, месторасположение которого мне было известно, и через минуту мы уже были рядом с ним. Я не стала заходить внутрь, а присела на скамейку рядом и думала, как начать наш разговор.

Хи обнял меня за талию, развернул к себе и, серьезно глядя в глаза, спросил:

— Рассказывай, что себе понапридумывала, и объясни, почему ты пропала и ни одной весточки не было до сегодняшнего дня, ведь могла бы и прилететь. Я тебя чем-то обидел?

Он молча гладил мои волосы, прижав меня к себе, и я чувствовала, с каким напряжением он ждет моего ответа. Наконец произнес:

— Говори, я выслушаю все, и, даже если будет больно, постараюсь понять. У тебя был роман с Ха? И если это так, все равно я не отступлюсь от тебя, так и знай. И, пожалуйста, давай поговорим о нас. Когда все разрешится и все сомнения и недомолвки будут озвучены, нам станет легче, поверь.

— Нет у меня никакого романа с Михелом. Все дело во мне, и мне очень сложно это объяснить.

— Говори. Попробуем добраться до сути, — шепнул Хи и поцеловал в висок.

Потом последовало мое путаное объяснение, почему не прилетала. Я попыталась ему объяснить, правда, очень невразумительно, как я себе кучу всего действительно напридумывала, как мучила меня мысль о наших новых, неожиданных для меня, отношениях. Вернее, множество мыслей о нем и о себе, которые не укладывались в голове и метались, грозя вырваться наружу в истерике или печали.

— Наверное, в голове любой девушки после разлуки с парнем крутится подобное: вспоминает ли и если да, то как, что он теперь обо мне думает, вдруг нашел кого-нибудь во дворце, там много хорошеньких фрейлин и нужна ли ему буду я, когда вернусь, и может, лучше вообще не возвращаться после того..., — замялась, — того, что случилось, почему я это сделала, как после этого относиться к себе? Девушкам не подобает так себя вести, мне это еще отец так говорил, когда совсем маленькой была. А кроме того — ты принц, будущий король, тебе нужна девушка, которая бы всегда была рядом, а я — это я, мне в лесу лучше, чем во дворце. Какая из меня королева? Поэтому я не питала никаких иллюзий насчет нашего будущего, а вот как относиться к себе, несдержанной, позорно бросившейся на шею парню, — не понимала. И дурой себя считала, и падшей женщиной, и влюбленной дурой, и оправдывала себя тем, что желания и первый в жизни серьезный поцелуй вскружили голову, и я перестала себя контролировать. Внутренний голос советовал прекратить самоедство, но почему-то получалось плохо. Сложно и страшно было забыть наше прощание, но и вернуться и поговорить, не выполнив обещание Макошь, не могла, не только потому, что она богиня, а прежде всего потому, что обещала. И ждала, что как-то все само собой решится, что придет время и все станет ясно. А ясно не становилось. Все только запутывалось. А сегодняшний разговор с богинями сделал невозможным и дальше прятаться на Буяне. В общем, нужно было поговорить с тобой, но я не могла решиться, — замолчала и грустно опустила голову.

Карен еще сильнее прижал меня к себе и засмеялся.

— Представляешь, а я думал, что это я недостойн такой красавицы птицедевы, дивной и необыкновенной, что я простой принц, который еще ничего путного в жизни не совершил. Дворец, владения — все пришло по наследству, я ничего не приобрел сам, единственное, что истинно и только мое — это любовь к тебе. А нужна ли эта любовь такой девушке, как ты? Я боялся тебя потерять.

Я засмеялась, так хорошо стало у меня на душе. Меня любят, вот за что — непонятно. А за что вообще любят?

— Правитель должен быть уверен в себе. Ты ведь перестал бояться ответственности, а почему же боялся потерять меня, чем я такая особенная? — теперь я явно кокетничала.

— Представь себе, бояться ответственности перестал и даже могу вдумчиво просчитать и сделать правильные выводы в делах, а вот потерять тебя для меня значительно серьезнее, чем потерять власть. И ты действительно особенная. Ты как будто воздух над лесом или озером — чистый и легкий. Ты идешь по траве, не приминая ее, ты само естество этого мира, и я боюсь, что ты растворись в нем, а я не смогу тебя удержать.

Все еще глупо улыбаясь, я положила голову Хи на плечо.

— Ты придумал меня, на самом деле я очень простая, Хи, во мне нет сложности как... — и замолчала, вспоминая Веронику.

Я ведь еще не рассказала о ней Карену. У меня было мало времени серьезно познакомиться с ней, одна ночь на общение — и то не полная. А так интересно прочувствовать ее характер, оценить ее знания. Осознать, как много она пережила, как сложная жизнь ломала ее и как она строила себя сама, решала в ее сумасшедшем мире, как остаться собой, просто выжить. Я подумала: «А смогла бы я так? Наверно, нет, я действительно другая» И я опять заговорила:

— Карен, я не слишком образованная, не так много читала. Вы, конечно, меня многому научили, Микулишна и Кот учили, тетушки, конечно, когда-то в детстве отец, но эти знания еще не улеглись во мне, они как будто плавают на поверхности моего мозга. Я беру какую-то нужную мне информацию, как инструмент, и пользуюсь ей, а потом кладу на место, не вникая в суть, как и почему он работает. Но основу моих действий составляет другое, сама даже не могу сказать, что. Ты знаешь, что я умею чувствовать лес, деревья, траву, но в последнее время, мне кажется, я начинаю немного чувствовать людей. Какие они, стоит ли с ними связываться, иметь дело, или нужно уйти от них подальше. Хотя я мало общаюсь с людьми, мне всегда было трудно в их присутствии. Тогда зимой в «Приюте Нужных Путников» я каким-то образом принимала этих людей как саму себя, они не давили на меня, удивляли, их было интересно узнавать, но других, можно сказать, большинство людей — их через некоторое время общения становилось очень много, я имею в виду не количество. Я просто устаю от них, от шума в голове, который они производят своими словами, эмоциями, неосознанными или, наоборот, слишком сильными желаниями. Но сейчас стало немного легче, и когда мы заезжали в деревни с Ха, я могла по несколько часов спокойно общаться, вникая в суть слов, а не эмоций. Это прогресс, правда?

— А я как, не утомляю тебя? — озабоченно спросил Хи.

— Что ты, конечно, нет. Ты — часть меня, и я жалею, что лишила себя ее на такое время. Прости.

Вдруг небо заволочло тучами — того и гляди сорвется дождь.

— Пойдем, спрячемся внутрь, — предложил Карен.

Он нашел спрятанный ключ, мы вошли КУДА? и в этот момент дождь забарабанил по крыше. А дальше мы начали целоваться. Я только и успела шепнуть:

— Вероника, ты обещала закрыть глаза и уши и уйти в подсознание.

— Так точно, леди, будет исполнено, раз обещала. Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу. Все сделаю, как обещала. Скрываюсь, — и она пропала так, что я ее даже не почувствовала, как ни пыталась.

Потом мы долго ... беседовали, я лежала в объятьях Хи и пыталась рассказать о своей миссии, о Буяне, о тетках, о Ха.

Карен удивлялся и громко вздыхал, что мне надо будет улететь от него снова и опять непонятно насколько.

— Так за то, что ты сегодня появилась, мне это непонятное задание следует благодарить? Ты сама бы так и пряталась от меня.

— Ну, еще некоторое время точно. Но, вероятно, недолго. Ты знаешь, где Ха? — пытаюсь сбить его с темы, спросила я.

— О Ха янемного знаю, — сказал Карен. — Ветер прилетал, рассказывал, что ты на

Буяне, а у него туда нет доступа, а Ха попал на другую планету, он живой и вернется. Мне в это все так сложно было поверить. И еще он говорил какими-то недомолвками, как будто боялся сболтнуть лишнее. Не понимаю.

Молодец Лаки, мне нужно самой рассказать о детях. С чего бы начать? Сложно. Наконец я решилась и в канву разговора как бы ненароком вплела вопрос о детях — как он к ним относится.

— Мы поженимся, Лотта, и ты родишь мне наследников, только вот когда это будет с твоими непонятными мне заданиями?

Тут я не сдержалась и просто сказала:

— Можешь думать, что хочешь, но твои наследники, а если ты их не признаешь, то просто дети, у меня появятся значительно раньше. Вот так-то. Вот такая ситуация.

Выражение лица у Хи стало еще более удивленным, чем при рассказе о задании на другой планете.

— Ты хочешь сказать, — прошептал почему-то он, — что они будут..., — и замолчал.

— Да, Хи, они будут через семь месяцев, ну, с небольшим. Хочешь ты этого или не хочешь, — и я замолчала.

Хи подскочил, прижал меня к себе и начал целовать.

— Лота, это такой замечательный повод затащить тебя под венец. Давай срочно жениться, свадьбу сыграем, я очень хочу на тебе жениться, я безумно тебя люблю. А наследники — как без них, они всегда нужны, но сначала свадьба. И почему ты говоришь во множественном числе?

— Видишь ли, их, оказывается, двое — мальчик и девочка.

Карен опять кинулся меня обнимать и целовать.

— Дети от любимой женщины — что может быть лучше?

Я успокоено вздохнула, прижалась к нему. Ну чего я себя накрутила, с чего решила, что он негативно отнесется к детям и будет считать меня падшей женщиной? А он, оказывается, меня ждал, мучился и переживал. Единственное — как-то не хочется скоропалительно свадьбу играть, не готова я морально к этому, и времени на это мероприятие жалко. Да и с родителями Хи знакомиться страшно, а в ситуации с Кареном простой маленькой церемонией не обойдешься, он же теперь кто? Так и не спросила, кто он теперь.

— Карен, ты кто — уже король или все-таки принц?

— Лотта, к моей великой радости — только принц, отцу стало лучше, и я попросил его не торопиться с коронацией, не готов я полностью отдать себя управлению страной. Все это время больше о тебе думал, чем о стране, плохо это, безответственно, но говорю, как есть. Отец никак не может понять, почему я таким рассеянным стал, пытается меня занять делами, а мне больше хочется в твой лес поехать и поговорить о тебе с Микулишной, с подругами твоими пообщаться. Ты представляешь, мы подружились с ними, о тебе разговариваем. Ха мне тоже очень не хватает, мы с ним всю жизнь вместе, а теперь...

— Я тоже за Ха переживаю. Только не ревнуй, — проговорила я, потому что Карен насупился и как-то странно на меня посмотрел. — Ему сейчас, может быть, очень непросто с Лилит в этой непонятной ситуации с их ребенком. Надеюсь, мы с ним скоро увидимся.

— Лотта, — тут Карен сменил тему и очень настойчиво произнес, — ты должна назначить дату свадьбы, все остальное решу, не открутишься теперь.

— Карен, — жалобно так проговорила я, — а может, после выполнения задания поженимся? Или после рождения детей?

Но тут Хи стал совершенно непреклонным:

— Ты улетишь на эту непонятную планету, а я останусь брошенным и неженатым? Не хочу так, — улыбнулся он лукаво. — Женимся на следующей неделе, обещаю договориться о празднестве без излишней помпезности и приглашения абсолютно всех правителей окружающих государств. Хотя без гостей свадьба наследника королевства не проходит, но сократить список смогу. Да и вообще — какая тебе разница, сколько человек на тебя будет смотреть: сто или пятьсот? На меня смотри, мне это будет приятно.

— А как ты объяснишь мое дальнейшее исчезновение?

Карен задумался, махнул рукой.

— Потом что-нибудь придумаем, вот увидишь, придумаем, — и мы опять начали целоваться.

Утром проснулись очень голодные, в избушке были только сухари. Видно, забросил Хи развлечения, заезжал сюда нечасто. Погрызли их, и я с грустью объявила Хи, что мне нужно улетать.

— Карен, ты не расстраивайся, я завтра утром за тобой прилечу, и мы должны будем отправиться на встречу к Кощею с Василисой, нужно много вопросов продумать. Так что со свадьбой, наверное, повременим, есть дела поважнее.

— Нет, — уперся Карен, не важнее, пусть во дворце готовятся, а мы другими делами будем заниматься. Там вон сколько бездельников слоняется, сплетнями заняты, а тут им дело придумали. Пусть суетятся.

— Хи, — все никак не хотела сдаваться я, — а ты уверен, что родители не воспротивятся?

— За это не переживай, они еще с момента бала поняли, что у меня это серьезно и были очень удивлены, что ты вместе с Ха уехала и пропала. Расспросами про тебя замучили, с трудом отбиваться получается. Так что свадьба их обрадует.

Переместила Карена поближе ко дворцу, а сама отправилась на Буян порталом. Попала туда очень быстро, а ведь мы с Михелом за три недели пути и полдороги до острова не доехали. Перемещаться порталами здорово, но мне так не хватало поездки просто по дороге, когда видишь, как все меняется изо дня в день. Хотелось самой раствориться в лесу, искупаться в лесном озере, почувствовать кожей свою принадлежность этому миру, став его частицей. Я ведь обычная лесная девочка. Странно было оказаться птицедевой, сама я чувствовала себя скорее лесовичкой или кем-то похожим на Мавку, простой и не желающей ни власти, ни королевских палат, ни сложных заданий по спасению мира. Да, мне было интересно путешествовать, а люди и богини требовала от меня каких-то непонятных решений. Смогу ли я это? Это предназначение — мое ли? Казалось, это все мне снится — и задание, и богини, и даже любовь Карена, свадьба. Неужели это происходит со мной?

На острове было ранее утро — он ведь восточнее, и поэтому все только собирались к завтраку, как раз вовремя попала.

Меня никто ни о чем спрашивать не стал, по мне было видно, что мы с Кареном поговорили по-хорошему и не только поговорили. «Лимончик бы съела», — подсказывала Вероника, а мне было удивительно хорошо, и я ни от кого это скрывать не собиралась. Еще бы поспать немного, хорошо было бы.

Тетушки уже распланировали день, и он состоял в том, что я буду изучать теорию и приобретать навыки перемещения на другую планету. Это значительно серьезнее, чем по этой перемещаться.

До полудня у меня никак не получалось даже почувствовать пространство, и я отчаянно повторяла упражнения, но то, что должна была ощутить, не приходило, хоть плачь.

— И это путница, — говорила я себе. — Тетки перемещаются, Кощей перемещается, Лилит тоже это делает, а у меня не получается.

Сделали перерыв — чайку с молочком попить перед теремом.

В это время воздух сгустился, и перед нами предстала Лада.

Такая же молодая и красивая, какой я ее запомнила с прошлой зимы, на вид не больше 25 лет, со спокойной улыбкой счастливого человека, которая так понравилась мне при последней встрече. Выглядела она какой-то домашней в льняном сарафане с вышитым по подолу узором из маков и васильков и заплетенными в простую косу зеленоватыми волосами. Это тебе не Морана с ее царственной холодностью.

Лада улыбалась доброжелательно и открыто. Ее улыбка успокаивала и обещала: все будет хорошо и даже лучше, чем хорошо. Как у нее это получалось?

Я чрезвычайно обрадовалась. Вспомнила ее помощь возле Дерева Мироздания и возникла надежда — может, и в этот раз облегчит нам задание.

«Позитивная богиня, — услышала мысль Вероники, — столько слов с корнем ее имени — и все позитивные: ладить, наладить, ладушки, в смысле договорились. Вот только ладно как-то выбивается, непонятно, договорились о хорошем или — как будет, так будет?. И выглядит она приятно».

Тетушки загомонили, обрадовались.

— Ладушка, какими судьбами к нам? Давно не виделись. Ты помочь Лотточке пожаловала, правда ведь? Нам твоя помощь очень пригодится.

— Хорошего дня, — спокойно поздоровалась богиня. — Не ждали, что появлюсь так быстро? Пришла посмотреть, как дела у нашей путницы. Макошь рассказала о задании, и я знаю, что Лотте надо помочь с детьми. Рассказывайте, я не все подробно знаю, очень много мимо меня прошло.

Тетушки быстренько объяснили ей ситуацию — про задание, про то, что выполнять мне его будет тяжело в связи с беременностью — как по мирам скакать да разные вопросы решать в таком состоянии?

— Да, чувствую, моя помощь нужна, — спокойно ответила Лада.

Потом внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Ну, сейчас-то ты, как я вижу, себя нормально чувствуешь. В таком состоянии тебе ничто не мешает перемещаться порталами по планете. А вот между мирами чаще раза в неделю летать не советую. Вредно это для детей будет.

— Да, я чувствую себя хорошо, даже как будто сил больше стало.

— Это потому, что гормональный фон изменился, организм перестраивается и собирается с силами ребенка выносить, вот откуда прилив сил. На Буяне токсикога у тебя не будет, но как тебе быть в твоём положении на Первой Земле — не знаю, надо подумать. Пойдемте, пройдемся по острову, может, что и придумаю. Давно я на Буяне не хаживала, сил от не него не набиралась.

Мы гуляли, а Лада думала.

Как-то само собой вышло, что мы добрались до места, где был вход в пещеру, в которой летаргическим сном спала моя бабушка — Лебедушка.

Тут Лада быстро обернулась к тетушкам и сказала:

— Вы, наверное, еще не знаете одну неприятную новость. Вчера, пролетая в слоях, я

встретила душу Лебедушки. Покинула ее душа тело, не спит она больше, — и замолчала.

Тетушки так и ахнули и отчаянно забили крыльями.

— Не может этого быть, столько лет спала, и душа при ней была, а тут улетела.

— Всяко бывает, — тихо сказала Лада. — Может, устала душа ждать, новое тело решила найти и начать жизнь по-новому, а может, просто захотела раствориться в слоях. Кто ее знает, если встретите, спросите. Не отчаивайтесь раньше времени, вдруг вернется, но если не вернется через пару месяцев, то пропадать начнет тело. Это здесь, на Буяне, оно так долго в сохранности пребывать будет, а за пределами острова во много раз быстрее пропадать бы начало, сами знаете. Не хороните ее пока, всяко может случиться.

Тут тетушки горько заплакали, и я тоже слезу уронила. Теперь не удастся встретиться с бабушкой, а я так пообщаться с ней хотела, единственная прямая родня все-таки. Я себе план разрабатывала, как ее разбудить, про принцев думала — где их найти, как целовать ее пригласить, чтобы ожила, а тут вот какие обстоятельства.

Лада уточнила:

— Как я понимаю, даже если уговорить душу в тело вернуться, то Лебедушку все равно разбудить сложно будет. По преданиям, разбудить ее может только поцелуй принца, да не любого, а только того, кому ее образ каждую ночь снится. Такого еще поискать нужно. Да и есть ли он в наличии? Ее же сколько столетий никто не видел, а люди столько не живут.

— А как долго он сниться должен? — спросила я.

— Да хотя бы несколько месяцев. И надо быть в этот образ влюбленным, а, как я понимаю, увидеть ее никто уже не успеет. Так что единственный выход — попробовать уговорить душу вернуться в тело, а потом принца искать.

Тетушки рыдали так, что перья на крыльях промокли. Настроение стало хуже некуда.

— Лотта, понимаю, что грустно такое узнать, но давай думать, как твою проблему решить.

— А замедлить развитие без вреда для эмбриона нельзя? Пусть беременность длится дольше, а ты за это время сделаешь то, что нужно, — вдруг подала голос Вероника, и я спросила об этом Ладу.

— А что, интересная мысль, — произнесла Лада, когда я озвучила предложение Вероники. — Могу погрузить эмбрионы в стазис на несколько месяцев, а потом ускорим их развитие. Только это будет не полная остановки жизненных процессов, а частичная, мозг должен развиваться по своим законам, а тело будет расти значительно медленнее, поэтому тебе не будет тяжело на Первой Земле. Но в семь месяцев ты обязана вернуться сюда, и с этого времени развитие детей ускорится, но происходить это обязательно должно на Буяне, да и роды тоже, и после этого не меньше месяца тебе с детьми придется пробыть в месте силы, приходя ежедневно к Алатырь-камню.

— А это никак не навредит им? — вмешались тетушки.

— Нет, я проконтролирую. Вы обязательно понянчите деток, как и мечтаете, и они будут здоровенькими. Через месяц я погружу их в частичный стазис и буду наблюдать. На Лотте теперь лежит важное задание, все заинтересованы, чтобы с ней все было нормально, даже Морана.

Мы еще некоторое время побродили по острову. Лада расспрашивала не только меня, но и Веронику, и удивлялась хитроумным ходам Мораны и Майи, а потом вдруг спросила меня:

— Когда свадьба-то?

Я растерялась: вроде бы никому не рассказывала, да и сама окончательно не решила,

быть ей или отложить на неопределенный срок, хотя бы до выполнения задания. Посмотрела на улыбающуюся Ладу и спросила:

— А нужна ли она, эта свадьба? Не подхожу я на роль королевы, не могу представить, что придется на одном месте жить, меня же все время в дорогу тянет. Как Карен к этому отнесется?

— Да, — опять улыбалась Лада. — Встречается иногда понятие — «жена путешественника», а тут будет «муж путешественницы в пространстве и мирах». Но ты ведь любишь его, хотя и не до конца привыкла к этому состоянию, поэтому мой совет: не тяни со свадьбой. Карен тебя действительно любит, и, я думаю, вы будете счастливы. Не каждый муж может принимать столь своеобразную жену такой, как есть, а Карен сможет. И не забывай, он ведь тоже любит путешествовать. И еще — не хочется говорить банальности, но и отец он будет отличный, может, и получше, чем ты — мать, с постоянным стремлением скитаться по дорогам и весям. Детей-то с собой таскать, пока маленькие, не будешь, так что муж и тетушки — без них не обойдешься, если, конечно, не сможешь себя к одному месту привязать. В чем я сомневаюсь.

Мне стало стыдно, но я понимала, насколько она права.

— Может, болезнь у меня такая — стремление к смене мест? — спросила я Ладу.

— Нет, Лотта, не болезнь, просто полюбили и удочерили тебя, сироту, «Отец Лес» и «Матушка Дорога», а чтобы любовь была взаимной, осчастливили привязанностью к ним. А чувство таким сильным оказалось потому, что на благодатную почву твоего дара путницы упало, вот и не можешь ты отныне не мечтать о новых местах и странствиях.

Пока я обдумывала ее слова, Лада обняла тетушек, потом меня, и стала прощаться.

— На свадьбу приеду, даже если не пригласишь. А теперь прощай, увидимся вскоре, — и пропала.

Постояла, пытаясь переварить услышанные пожелания и раздумывая, что делать дальше. Тетушки на меня не очень реагировали, печально щебетали о том, как им душу Лебедушки найти и уговорить вернуться. Услышала голос Вероники:

— Ты обещала Карену утром прилететь, а уже день к полудню клонится. У них-то, правда, еще утро, но потом надо отправляться к Кощею совет держать. Так что давай, соберись с мыслями — и полетели. Тетушки сегодня нам, видимо, не помощницы, у них свое горе. Ты-то знакома с бабушкой не была, а они с ней века вместе были, представь, каково им.

— Ты права. Нечего себя жалеть, сейчас договорюсь с тетушками, и мы полетим. К Карену дорогу теперь с закрытыми глазами найду.

Тетушки совещались, как эффективнее по слоям полетать, душу Лебедушки поискать, и я попросила их не переживать — дорогу к Карену я найду, а путь к Кощею потренируюсь находить и постараюсь запомнить место. Уверена, что получится.

Совещание

К Карену добрались без проблем. Хи уже подждал меня на крыльце, а я приземлилась в саду и, выглянув из-за дерева, махнула ему рукой — зачем афишировать свое появление? Встретиться с его родителями еще была не готова. Боялась, и все тут.

Хи быстро подбежал ко мне, и его руки моментально прижали меня к себе, а губы начали целовать волосы и шею.

— Боялся, что ты не прилетишь, с восхода солнца сижу тебя жду. Вчера с родителями переговорил о свадьбе. Они удивлены, но согласны. Им трудно во все это поверить, но они у меня с крепкими нервами, да и мое счастье для них немаловажно. Рады за меня по-своему, хотя и очень поражены тем, кто ты на самом деле. Теперь у них еще приятное занятие есть — к свадьбе готовиться, но с тобой поближе очень хотят познакомиться.

— Не сегодня, сейчас летим к Кощею. Мне надо сосредоточиться, чтобы мимо не пролететь. Ты рук от меня не убирай, а то можешь потеряться.

— Вот еще, — засмеялся Карен, — будь только мое желание, я бы только и прижимал тебя к себе. Ты такая... — и замолчал.

— Какая?

Стало интересно. Как любой девушке, почему-то захотелось услышать о себе хорошее, не наслушалась еще, все себя убогой уродкой видела. Как от этого избавиться?

— Лотта, слова все банальные на языке крутятся: мягкая, прекрасная, теплая, уютная, пушистая, удивительная, но это все не то, потому что это только слова. А чувства внутри — они в сто раз сильнее слов, только высказать их невозможно. Почему так? Ночью, глядя на звезды, я сравниваю их с тобой и придумываю глупые стихи, они смешные, потому что я не поэт, жалею, что не могу выразить, как я тебя люблю каким-то особенным образом. Почему?

— Карен, — я засмушалась. — Ты такой, такой... хороший.

У меня тоже не было слов, поэтому мы дружно засмеялись. Неважно, что нет слов, зато мы вместе.

— Перемещаемся?

— Да.

Мы попали прямо во дворик за воротами. Не зря я полчаса, не отрываясь, изучала глобус, все запомнила до мельчайших подробностей — и вот мы прямо перед входом в замок.

Какой-то слуга от удивления уронил корзину, так неожиданно мы материализовались.

— Мы к хозяевам, они нам будут рады, — нашелся Хи и, держа меня за руку, пошел к дверям.

Двери неожиданно резко распахнулись, и перед нами предстал сам Кощей, с удивлением взирая нас.

— Вот это встреча. Неожиданно, однако, — обрадованно произнес он, — но, впрочем, очень приятно. Понимаю, что не просто так прогуляться приехали, хотя это бы тоже было приятственно. Я почувствовал, что кто-то переместился прямо к дому, ну, думаю, какие-то самоубийцы пожаловали. Горыныча-то сразу по грохоту узнаю, а тут неожиданно.

И хмыкнул:

— Вы вдвоем и за ручки держитесь. Свадьба-то скоро?

Мы засмушались и хором спросили, как он догадался.

— Логика, молодежь, голая логика. Карен, когда вы у нас были, уже был в тебя сильно влюблен, просто не отдавал себе в этом отчета. Он даже призывы Лилит не услышал, а это значит, что сердце и разум заняты кем-то серьезно. А тебе, Лотта, в себе разобраться хотелось, кто из принцев больше нравится — Хи или Ха. А тут вы вместе и за ручки держитесь, значит, отношения выяснили. А Карен парень серьезный, ему надо сразу любимую под венец тащить, так что вопрос закономерен — когда свадьба?

— Скоро, — ответил за нас Карен, — думаю, три недели на подготовку есть, так что заранее приглашаем. А еще мы по очень важному делу, которое не терпит отсрочки. Много

продумать надо, очень многое, так что мы перво-наперво к вам с Василисой. Она Премудрая, а Вы просто очень мудрый.

— Раз такое дело, я с удовольствием мозг поднапрягу, помогу, чем смогу, да и Василиса тут заскучала, все Лотту вспоминает, как с ней рядом тепло было. Есть у девушки дар не только путницы в природе, но и пути к сердцу человека умеет найти.

Мы пошли в дом и стали подниматься в кабинет Кощея. Он попросил позвать Василису и принести нам напитки и закуски.

Вскорости\вскоре вбежала взволнованная Василиса и бросилась меня обнимать.

— Лотта, как я рада, удивительно-то как все складывается! Вы с Кареном вместе и у нас в гостях, а я так по тебе соскучилась, ты так умела слушать, то, что не понимала умом, понимала душой, и это так здорово. Мы с тобой еще о личном поговорим, а теперь рассказывайте, что случилось. Понимаю, что важное. Рассказывайте.

И я начала с момента прилета Макошь и Мораны и кратко передала суть проблемы.

— С чего начинать переселение — с выбора людей, подбора территорий — не знаю, — подытожила я. — И еще мне сказали, что из всех нелюдей советами только Кощей может помогать, по какой причине — неведомо. Поэтому мы сразу к вам за мудростью и советами, что делать.

Кощей взял лист бумаги и сказал:

— Воистину неисповедимы пути Господни. Подобных глобальных и активных действий за Богом со времен потопа не замечал. Да, трудно бывает Его понимать, а ведь он Сам сказал: «от недостатка веденья погибает народ мой». И в то же время слышали такую цитату из Библии: «...*Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших*» (Исаия 55:8–9). Решил-таки людей с Первой Земли спасти. Жалко стало чад своих ненаглядных. Ведь Он привязан к своим твореньям даже сильнее, чем они к нему. Они могут верить, не верить, ненавидеть и Его, и себя, а Ему больно, но свобода личности должна быть соблюдена, вот Он и ввел в дело тебя, Лотта, и нас заодно. Что ж, будем думать, как решить задачу. Сейчас постараемся разложить все по полочкам.

И все вдохновенно занялись фантазированием.

В результате длительной дискуссии был очерчен круг задач, решить которые надо было в первую очередь: найти место для переселения людей, критерии, по которым будут подбираться люди для переселения, способ отбора, минимальное \ необходимое количество людей, их возраст, состав, род занятий, набор минимального оборудования для периода адаптации.

Кроме этих, самых насущных вопросов, имелись некоторые вопросы к богам: как долго может продолжаться переселение, имеют ли право помогать переселенцам обитатели здешнего мира. Много чего было проговорено и разложено по полочкам.

— И вот еще, — резко сказал Карен. — я совершенно против привоза на нашу Землю огнестрельного оружия, как вы его называете. Мало ли в какие руки потом оно попадет. Наш мир довольно мирный, и такое страшное оружие, как мне рассказывал Кощей, это слишком. Даже если боги скажут, что можно его брать с собой, не соглашусь.

— Я тоже, — подала свой голос я, а мне внутри вторила Вероника.

— А уж насколько я против, — сказал Кощей, — так не в сказке сказать, ни пером описать. Предлагаю голосовать, даже если боги разрешат с таким оружием на планету переводить, осуществить запрет на это. Кто за?

За были все. Вот ведь только придумают переселенцы такое оружие, они же пограмотнее людей с нашей планеты будут.

Василиса все это время очень внимательно все слушала и почти не говорила, она не любит необдуманно словами бросаться, а потом сказала:

— Я считаю нужным ввести свод законов, пока, возможно, временных, а потом постоянных, которые будут регламентировать поведение переселенцев.

— Что-то типа конституции, — продолжил Кошей. — Это очень важно. Пока все не утрясется и люди не освоятся, придумаем временные правила.

Вероника попросила слова:

— В эти правила можно будет сразу внести конкретные пункты типа заповедей. Например: не убий, не укради, не придумывай оружие огнестрельное. Пункт «береги природу» я бы тоже обязательно внесла. Вы не представляете, что в свое время наши переселенцы в Америке устроили. Они просто бессмысленно уничтожили целый ряд не только редких, но и массовых видов животных. Так они, новоявленные американцы, до середины девятнадцатого века уничтожили колоссальные стада бизонов, которые паслись в прериях. Приблизительно в Америке обитало около 30–40 млн. особей. Эти огромные животные, похожие на известных вам зубров. Бизоны не боялись звуков выстрелов ружей, они не знали, что это означает смертельную опасность, и продолжали пастись, а их убивали и убивали, а потом даже мясо зачастую не брали, оставляя гнить, вырезали и использовали только языки, а из черепов делали курганы. Вспомнила цитату из одной любимой книги: *«Стояли звери около двери. В них стреляли, они умирали»*. Грустная история. Не хочу, чтобы она повторилась.

После того, как был очерчен круг вопросов, мы занялись распределением обязанностей. Нам с Вероникой предстояло заняться выбором места — летать вместе с Лаки над континентом и смотреть, чувствовать, анализировать. Критерием, по которому будет производиться отбор переселенцев, будет заниматься Василиса и кто-то еще, решим позже, когда проведем анализ, сколько человек нужно для нормальной жизни, какого возраста, профессии, моральных качеств.

Кошей продолжил рассуждать, стараясь все разложить по полочкам:

— В пророчестве касательно неприятности на Первой Земле сказано: «Спасет от огня ненависти». Видимо, это война, которая затронет весь мир Первой Планеты, там есть страшное оружие, которое сжигает все. Поэтому необходимо подобрать не агрессивных, а совместимых людей, которые могут дружно работать ради общей идеи. Это трудно. Вася, подумаешь, кого подбирать, а Лотта впоследствии будет их прочувствованно тестировать. А на Земле самым главным консультантом должна стать Вероника. Никто из нас лучше Ники Землю не знает. Она сделает некоторую информационную выжимку, хотя это и очень субъективно. Но раз ее выбрали в подруги Лотте, значит, она может делать правильные выводы, или, в крайнем случае, не сильно ошибаться. Я понимаю, что Лотта потом будет чувствовать, кого можно брать, а кого нет, но она не может проверить ни 7 млрд, ни даже миллион человек, поэтому нужно правильно продумать, из кого выбирать. А это очень не просто. И еще — как донести до людей информацию, что\кого?? мы собираемся выбирать? Об этом точно с Лилит нужно общаться. Она, конечно, Землю еще лучше Ники знает. Но зная ее, скажу: у нее все от настроения зависит. Хочу — помогу, хочу — нет. Лотту попросим еще переговорить с богами о возможности помощи переселенцам — можно ли послать корабли с провизией, животными и другими полезными для поселения вещами? А

на Карене лежит реализация процесса, если разрешение о помощи будет получено.

Основной, как нам казалась, круг вопросов был очерчен, и все грустно переглянулись. Мы даже не могли осознать тот объем работы, который нам предстоит осуществить. Я понимала, насколько нужна Вероника, она бы сейчас помогла, но как нам разорваться? Я должна летать на континент и выбирать место для жизни, поэтому выходит, что придется работать в две смены. Вечером буду отключаться, а Ника будет решать с Василисой некоторые вопросы. А еще мне так хочется побыть немного с Кареном, так хочется, невероятно. Как это все совместить?

В это время Карен внес предложение:

— Давайте расширим круг людей, которые будут нам помогать в работе. Я предлагаю пригласить Борислава и Стефанию, а также Чеслава и, может быть, Клевенс.

Тут я добавила:

— А я бы хотела взять с собой на Первую Землю Собирателя грехов и Есению. Они бы меня немного подстраховали в выборе людей для переселения, Себастьян ведь грехи и людей насквозь видит, а я только по чужим словам знаю, что смогу правильный выбор сделать. Поэтому что-то сомневаюсь я в своих способностях. Надо богов спросить, отпустят ли они со мной их на эти несколько месяцев, у них ведь и тут работы хватит.

Разговор стал угасать, все устали.

Василиса с Кощеем предложили остаться у них переночевать, а они весточки и теткам, и родителям Карена отправят, чтобы не волновались. Мы, конечно, согласились. Я еще хотела немного поболтать о личном с Василисой, и мы отправились в сад, а Карен остался в кабинете с Кощеем.

Сил рассказывать подробно про наши взаимоотношения с Кареном не было, но Вася и так все поняла и на свадьбу, сказала, обязательно приедет. Про детей сначала просто не поверила, потом обрадовалась несказанно и долго тискала меня и поздравляла. А затем с гордостью сказала, что и ее с этим счастьем можно поздравить. Вот уже четыре месяца, как девочку ждут. По ней еще ничего не видно, но это так.

— Это чудо случилось почитай сразу, как вы уехали. Кощей сразу и не поверил, при его бессмертье это первый ребенок на этой Земле, поэтому он надо мной трусится и оберегает, как может. Удивляюсь, что сейчас головой подумать разрешил, а то даже на прогулки по саду одну не пускал.

Потом вместе повозмущались поступком Лилит и пожалели Михела. Темы оказалась очень животрепещущими и актуальными и, наверное, до утра бы проговорили. Кроме того, хотелось узнать, как им с Кощеем живется после того, как мы уехали, ведь столько тогда с ними произошло из-за души Клеопатры.

— Ты не поверишь — все плохое ушло, Кощей именно меня любит, а не Клео в моем воплощении, и я счастлива и ценю это.

Василиса отвела меня в спальню, где стояла большущая кровать.

— А зачем мне такая большая?

— Так ты что, сама спать будешь? Вы с Кареном теперь по любому вместе, не будем ханжествовать, у вас так немного времени побыть вместе. Я тебе платье и ночнушку приготовить велела, ванна за дверями. Прими\искупайся да отдохай. Пойду к Кощею, поговорим, мне с ним тоже хочется вдвоем немного поговорить, такая удивительная информация. Просто в голове не укладывается и надо подумать, с чего завтра начать работать.

Я приняла ванну, залезла под одеяло, и, наверно, сразу бы заснула, но мысль, что сейчас придет Карен, вызвала бурю различных эмоций. До этого все наши личные отношения происходили случайно, а тут я лежу и жду его. Вот ведь как...

Карен скоро пришел, распахнул дверь, увидел меня в постели и застыл в дверях столбом, как замороженный.

— Не могу поверить, — у него сорвался голос, — мы вместе — и не на берегу, не на деревянной лавке, а в чудесной постели.

Он, наконец, отлип от двери и переместился в район кровати.

— Я быстро в ванну, очень быстро, не засыпай, я этого не переживу.

— Вероника, прячься, не хочу, чтобы ты еще это чувствовала, — шепнула я своему второму я.

— Эх, завидую тебе, — послышалось в ответ. — Я так давно не ощущала себя такой любимой и уж сама точно не испытывала таких чувств. Все, пропадаю.

Я и не заметила отсутствия Карена, так быстро он вернулся и прижался ко мне, обнимая горячими руками, и еще более горячие губы прижались к шее.

— Давай поживем у Кошечки и Василисы, здесь мы сможем быть вместе каждую ночь. Мне просто невероятно одиноко, когда тебя нет рядом. Я все время боюсь, что ты ускользнешь, растворишься в пространстве, и я не сумею тебя удержать.

— Я не хочу от тебя ускользнуть, мне тепло рядом, я чувствую себя красивой и желанной и начинаю верить, что та страшенькая Лотта-Золотушка ушла в прошлое.

— Я буду стараться, чтобы ты была счастлива рядом со мной. И даже если бы ты не изменилась, я все равно любил бы тебя, ты веришь?

shy; shy; shy;- Верю, — тихо сказала я, — и мне кажется, что рядом с тобой у меня раскрываются крылья в прямом и переносном смысле.

Потом мы перестали разговаривать, и мне было невероятно хорошо, что со мной этот мужчина, для меня самый лучший в мире. Может, и есть какие лучшие, но для меня только он, и я знаю, что никогда не буду пробовать искать других, только он.

Уснула я, уткнувшись в шею мужа, пусть еще жениха, и спала крепко и беззаботно. А утром нам так не хотелось вставать и идти к хозяевам, а хотелось целоваться еще и еще, но солнце уже поднялось высоко, а впереди ждали дела, дела и дела.

Привели себя в порядок и спустились к столу. Хозяева уже встали и ждали нас к завтраку. Все были сосредоточенными и собирались заняться делами вплотную, поэтому завтрак прошел в слегка напряженной обстановке, все уже настроились на работу.

Не успели мы допить чай, как окно распахнулось и влетел Лаки. Честно говоря, я немного сердилась на него с прошлой нашей встречи, когда он без всякой подготовки огорошил меня известием о моей беременности и очень разозлил своим по-идиотски счастливым видом, что еще не рожденная девочка и есть ему предназначенная невеста. Ну, трудно мне было ко всему этому спокойно отнестись. Но сейчас, видя его, как всегда веселого и оптимистичного, радость заполнила меня, я моментально подскочила со стула и бросилась к нему навстречу.

— Лаки, привет, наконец-то. Ты уже знаешь, что нам предстоит? Тут такое происходит!

— Привет всей честной компании, рад видеть вас вместе и особенно тебя, Лотта. А ты, Карен, не ревнуй, — он бросил смеющийся взгляд на Хи, — у меня к Лотте теперь другой интерес, да и, как я понял, работа у нас с ней совместная предстоит. Это радует. И радует, что у вас скоро свадьба. Поздравляю.

Мы с Кареном переглянулись. Ну как в этом мире все быстро распространяется! Мы не успели между собой этот вопрос утрясти, а уже все всё знают.

— Лаки, — встрял в разговор Кощей, — я думаю, тебе надо сначала переместить Карена к Бориславу и Стефании, у них есть, что обсудить, а потом лететь на континент, там еще ночь, полночь, разница во времени большая.

— Собирайся, Карен, давненько, думаю, вы к друзьям не навещались. Лотта, ты готова? А вам, — он кивнул Кощей и Василисе, — плодотворно поработать.

На минуточку к друзьям заскочить не удалось. В уютном особнячке Стефании мы опять пили чай с вареньем и не могли наговориться. Борислав находился тут на правах жениха. Стефания вскоре готовилась сменить фамилию графини Полянской на фамилию мужа, чего он никак не мог дожидаться. Ничто больше не напоминало в Стеше деревенскую девушку. Перед нами была умная, уверенная в себе прелестная молодая светская дама, и только взгляд, обращенный на нас, был как у прежней Стешы — доброжелательный и располагающий к себе. У этих двоих все хорошо, сразу видно. Они наши-таки друг друга. Стефания смогла вписаться в атмосферу дворцовой жизни, а уж нравилось ли ей это — мы так и не поняли. Все охи и ахи про них и про нас были высказаны, и мы приступили к обсуждению вопросов, приведших нас к друзьям. Карен пожалел, что нет Чеслава, его совет был бы тоже не лишним, на что Борислав сказал, что тот сейчас работает с ними и за ним можно послать слугу. Так и сделали. Время шло, и мы с Лаки решили лететь, а Карен остался обсуждать вопросы в доме Стефании.

Решение, куда раньше лететь, я возложила на Лаки, он уж точно знал значительно больше меня, но Ветер колебался — больно большой континент, надо какие-то привязки делать. Хотя бы решить, куда сначала — в северную или южную часть. И я, и Вероника привыкли жить в условиях умеренного климата. Спросили, какая часть больше похожа на наши условия, и решили начать с Северной части.

— Она тоже огромная, но давайте начнем так: будем перемещаться в определенные точки, а потом над ними медленно летать и рассматривать внимательно. На север не полетим, начнем ближе к середине.

Тут голос подала Вероника.

— Ветер, а ты ведь и на Первой Земле был, если да, то, наверное, немного географик Северной Америки знаешь?

— Да, конечно, я ее вдоль и поперек исколесил, а сейчас как-то в основном на этой Земле работаю, больше мне тут нравится. На Первой Земле Ветер Перемен трудится, уже совсем загоняли его тамошние люди с их идеями.

— Так вот, — продолжила Вероника, — начинать заселение материка с Канады или Аляски, наверно, нет смысла, там слишком холодно. Южная Америка хороша в районе Аргентины, но давай лучше начнем с территории, которую сейчас занимают Соединенные Штаты. Огромная страна с разнообразными условиями. Возможно, следует перемещаться в каждый штат по очереди, а потом их более детально изучать.

— Разумная мысль, — согласился с ней Лаки. Еще и пустынные штаты можно исключить, типа Аризона, да и, наверное, Техас пусть позже заселяют, когда размножатся и приспособятся, а сейчас будем последовательно посещать места, где можно поселиться с наименьшими потерями и наибольшей вероятностью выживания.

Вероника резюмировала:

— В конце концов, наше переселение, надеюсь, будет не настолько ужасным и

трагическим, как первопоселение европейцев в Америке. Я читала, как они организовывали поселения в мире, о котором практически ничего не знали, им пришлось начинать все с нуля, совершенно неприспособленными к новым условиям, без защиты от индейцев и непогоды. Они не знали ничего или очень мало о месте, куда прибыли: ни о климате, ни о том, что растет или может расти на этой земле, что живет в лесах и реках и как это добыть. Они не знали, смогут ли прокормиться сами или будут зависеть от кораблей с необходимыми вещами и продуктами, которые то ли приплывут к ним, преодолев путь в три тысячи миль, то ли нет. Да, не позавидуешь им. Те, кого мы приведем сюда, должны быть максимально подготовленными, и даже при этом им будет трудно. Но мы будем пытаться, Лотта.

Единогласно согласились с планом Вероники, уточнили кое-что и приступили к исполнению. Америка — большая страна, ох, большая. Мы перемещались в определенную точку, Ветер вызывал коней, и мы начинали медленно летать над территорией и изучать ее. Я превращалась в один голый чувствующий нерв, а Вероника осмысливала эмоциональную информацию. Сработались хорошо, продуктивно.

Вечером возвращались домой и я, почти бесчувственная, слушала споры и рассуждения собравшихся за столом людей и местами не могла вникнуть в их сложные построения и выводы.

Потом мы Кареном шли спать, и опять его прикосновения отзывались во мне восхитительной волной ощущений, я растворялась в нем, его желаниях. Я не могла ничего анализировать, не могла отличить, где он, а где мои ощущения. Любимый, страстный, нежный, надежный. Я и он — мы вместе, и нет никаких мыслей, только мы.

На пятый день полетов Вероника вдруг громко обратилась ко мне с просьбой остановить полет и опуститься на берег реки. «Пить хочется», — послышалось ощущение. Ветер бережно опустил нас на песочек, я шурилась на солнце, снова растворяясь в окружающей природе, и вдруг услышала серьезный голос Вероники:

— Лотта, с тобой что-то происходит, вернее, ты превращаешься в своеобразно чувствующий, но не думающий организм.

— Как это? — лениво спросила я.

— В данном случае это означает, что ты растворяешься в окружающем мире и перестаешь обдумывать происходящее. Скажи, о чем ты думаешь?

Я на минуту замаялась с ответом.

— Я не думаю, я чувствую. Чувствую песок, воду. Распускающиеся весенние цветы, растения у воды и кусты ракичника поодаль. В них кто-то притаился, довольно большой, но очень осторожный и любопытный. Он не тронет нас, и нам его не надо бояться. Здесь спокойно и можно отдохнуть, ни о чем не волнуясь.

Вероника прервала меня:

— Хорошо, что ты чувствуешь. А теперь быстро закрой глаза и скажи, какого цвета песок, на котором мы сидим.

Я не знала.

— Наверное, песчаного. А какое это имеет значение?

— Имеет, Лотта, ты превращаешься в человека, который живет только ощущениями и не анализирует, что происходит вокруг.

— Разве это плохо? Я помню, как меня учила Микулишна: *«Суть нельзя увидеть глазами, а можно почувствовать. Вот ты смотришь на дерево и должна понять — здорово*

ли оно, нет ли в середине гнили. Так же и люди — может, снаружи красавец писанный, а внутри чернота у него. Это все чувствовать надо. Когда живешь в деревне, там кругом люди, от них много шума, где уж тут суть научиться определять и видеть. Сначала надо, чтобы тихо было, убрать лишнее в себе и слушать». Вот я и слушаю то, что вокруг, я чувствую этот мир, я познаю его в ощущениях.

— Вот именно, — перебила меня Ника, — в ощущениях — и только. Лотта, я понимаю, что ты растворяешься в мире ощущений. Может, это и хорошо для дела, но я не хочу думать за тебя, мне не нравится то, как ты почти полностью сливаешься, растворяешься в природе, и твое я перестает существовать. Это как-то неправильно. Сегодня полетим на Буян. Хочу поговорить с тетушками.

— Я к Карену хочу, с ним так, так ...невероятно, я ощущаю его любовь, его желание, его нежность и заботу, я как будто растворяюсь в нем и мне так хорошо. Не хочется слов, хочется касаться его тела, такого желанного, мне просто хочется слиться с ним в единое целое, не только физически, хотя это тоже хочется, мне хочется стать им.

Я почувствовала, как напряглась внутри Ника.

— Лотта, это замечательно, вся эта феерия чувств. Но всему есть предел, нельзя перешагнуть грань, ты станешь травой, овощем, как у нас говорят. Ты почти на грани потери своего я. У меня была подруга, которая была довольно чувствительным, сенсорным человеком. Когда она с кем-то общалась, она остро чувствовала этого человека. Настраивалась на его эмоции и, если это происходило, они прекрасно общались, но не очень долго, она уставала, теряла эту нить ощущений и после этого с ней можно было расставаться. Но она старалась избавиться от этой эмоциональной зависимости, включала мозг, логику, а ты пытаешься перекладывать на меня осмысление чувственной информации. Когда это у тебя началось? Когда ты перестала пытаться анализировать чувственный опыт?

Я задумалась. Мне всегда нравилось погружаться в ощущения дороги, леса, мира вокруг меня, но так сильно «растворяться» в этом мире я стала явно с появлением Вероники. Я возложила процесс обработки информации на нее, я сама изменяюсь слишком быстро и она, конечно права: еще немного — и я превращусь в овощ, живущий ощущениями, и только.

— Мне совсем разонравилось задумываться и анализировать с тех пор, как ты появилась у меня в голове, я все переложила на тебя, и мне это нравится. Это плохо, да?

— Это плохо, — сказала Ника, — очень плохо, я не хочу, чтобы ты потеряла себя. Сегодня вечером летим на Буян, хочу посоветоваться с тетушками.

— Давай утром, хочу к Карену, — приуныла я, — да и прилетим мы, а там тоже вечер, тетушки спать лягут.

— Хорошо, пойдем навстречу одной влюбленной особе, все равно мне еще надо поговорить с Кощеем и Василисой. Уж потерпи наш разговор.

Вечером я полностью уступила место в сознании Веронике, они обсуждали вопрос, кого можно брать и нужно брать.

Все вспоминали пример с выбором Богом семьи Ноя перед потопом, но все равно этот выбор не спас человечество от проклятья ненависти, зависти и агрессивности, которая наблюдалась в полной мере на Первой Земле. Разговор вертелся и возвращался к тому, что невозможно выбрать идеальных людей, так как генофонд очень неоднороден и если не в первом поколении, то в последующих может проявиться ген Каина — убийцы.

Василиса сосредоточенно вертела в руках свои записи.

— И все же у меня предложение. Я сейчас кратко изложу одну теорию, которую

подсказала Вероника, а Кощей дал мне книгу изучить. Так вот, я не разделяю ее полностью, но что-то в ней есть. Исходя из нее и немного адаптировав к нашим задачам, я считаю, что, исходя из признака агрессивности, в человеческой популяции существует четыре явных подтипа людей. Первая — убийцы, агрессивные, «палеонтропы или сверхзвери — хищники и разрушители, суперанималы (сверхживотные). Я процитирую показательную выдержку: из книги Поршнева и Диденко: *«Человек — единственное на Земле живое существо, которое практикует массовое уничтожение себе подобных! За историю человечества официально зафиксировано более 14,5 тысяч войн, в ходе которых убито примерно 4 млрд. человек. Кто их развязывает? Откуда берутся маньяки, убийцы, насильники, террористы, кровавые диктаторы, садисты? Да все оттуда же — это потомки тех самых пожиравших сородичей хищных гоминид, которые передали свой «убийственный» генофонд через потомков до наших дней.»* Вторая группа — так называемые «суггесторы», тоже хищники, только помельче масштабом, которые прислуживают палеоантропам. Хитрые и гибкие, агрессивные и коварные приспособленцы. Это потенциальные предатели и изменники, которым ничего не стоит перевернуться на сторону сильного. Третья, самая многочисленная группа — так называемые диффузники. Именно они проводят в действие планы первых двух групп, они легко и просто маршируют в ту сторону, куда им прикажут или убедят, что правильно идти. Да, они не убийцы, но они конформисты. Они приспособятся к любым условиям и любым властям. Главный их отличительный признак — лёгкая внушаемость, они составляют толпу в любой революции. И четвертая, довольно малочисленная группа человечества — это неантропы, т. е. новые люди, люди будущего. Они единственные, кто способен противостоять магнетическому воздействию речам и действиям хищников-сверхживотных. Основным видовым отличием неантропа является его способность — генетически закрепленная предрасположенность — к самокритичному мышлению, а зачастую и поведению. Это мышление является не только совершенно самостоятельной активной, творческой формой мышления, оно преобразующее, развивающее и самого человека, и внешний мир.

Василиса опять уткнулась в книгу:

— Вот опять цитирую: *«Неантропы преимущественно имеют дело с природой, занимаются наукой, техникой, духовными поисками и находятся всегда в состоянии интеллектуального отстранения в окружающей их мировой грызне. Познание мира стало их путеводной звездой»*. Думаю, эти люди нам и нужны, их нужно искать для переселения.

— А как их найти? — спросил Карен.

— Думаю, первые две группы легко угадываются, третья примыкает туда-сюда по обстоятельствам, а четвертую надо выявить, прочувствовать. Хорошо познакомить с ней Лотту, чтобы знала, что искать и выбирать.

— Я думаю, я их почувствую, — как бы очнулась я. — Ведь в «Приюте Нужных Путников» как раз жили такие люди, а еще Василиса. Так что я понимаю, о ком речь.

Василиса засмушалась.

— Может быть, это теория и довольно произвольна и неоднозначна, но, мне кажется, на этом этапе она нам подойдет. Будем искать и выбирать этих «неотропов». Согласны?

Мы пока не видели другого выхода.

— Таким образом, — резюмировал сегодняшней вечер Кощей, — мы более ли менее решили очень приблизительно только несколько вопросов. Карен и я свои вопросы прорабатываем. Но для решения большинства остальных надо отправляться на Первую

Землю. Я смотрю, Лотта неважно себя чувствует и ей надо слетать на Буян, но надеюсь, в понедельник мы с ней отправимся в путь на неделю, так как ей нельзя часто летать туда и обратно. Вот бы с богами нашими переговорить и выяснить, разрешат ли они пропустить корабли с провиантом через море, было бы хорошо. Корабли собрать непросто, и плыть они будут не быстро, не меньше месяца, а то и двух. Так что надо спешить.

Мы с Кареном отправились в свою спальню. Карен как-то странно смотрел на меня, а потом спросил:

— Я вижу, что что-то не так, даже Кощей заметил, что ты устала. Но ты мне ничего не говоришь.

— Да все нормально, просто устала летать. А в чем дело, я плохо выгляжу?

— Выглядишь ты прекрасно, для меня особенно, но стала какая-то рассеянная, ушла в себя. Да, рядом с тобой я счастлив, но почему-то боюсь за тебя. Ты как бы голый нерв, ты все чувствуешь как-то чересчур, слишком обостренно, что ли. И я волнуюсь.

Почему-то не захотела рассказывать Карену про опасения Вероники. Почему? Эту ночь хотелось побыть с ним и не обсуждать никаких проблем, особенно таких, которые мне непонятны самой, а завтра на Буян, а потом на Землю, а это очень ответственно, и без Хи. Не хочу без него.

Я прижалась к жениху и попросила:

— Все потом, сейчас только мы, ладно?

Утром переместила Карена домой, и он попросил, чтобы я наконец познакомилась с родителями.

Как потом комментировала Вероника, встреча прошла в теплой и дружественной обстановке. Мне сначала хотелось спрятаться за штору, но пришлось пройти в кабинет, где чинно восседала чета родителей Карена. Спокойные и вполне обычные на вид люди и даже одеты совершенно не помпезно.

— Хорошо, что ты наконец появилась, Лотта, — спокойно произнес отец, — рад с тобой познакомиться. Все, конечно, очень неожиданно, но мы желаем счастья нашим детям — и Карену, и Михелу, за которого тоже невероятно переживаем. Мы рады принять тебя в семью как невесту и будущую жену нашего сына. Единственно просим, как для тебя это ни сложно: отнесись к ритуалу бракосочетания спокойно, с пониманием необходимости этого действия для династии. Карен много рассказал про тебя, и мы знаем, что ты не обычная девушка, и это большая честь для нас — породниться с тобой, но и большая сложность. Лотта, ты понимаешь, на что соглашаешься? — он немного помолчал. — Ты будешь жить долго и переживешь и Карена, и, возможно, своих детей, ты думала об этом?

Мне поплохело. Я действительно никогда не задумывалась об этом, тетушки как-то вскользь обмолвились, что мы почти бессмертны, в смысле, что нас можно убить, но если этого не случится, мы будем жить долго-предолго, но я на этом тогда не акцентировала внимание, а теперь... Карен будет стареть и умрет, а я что? Как бабушка от горя усну или как? Глянула на Карена — он стоял как в воду опущенный, видимо, эта мысль тоже не приходила ему раньше в голову.

— Я буду старым и дряхлым, и ты меня разлюбишь, — вдруг произнес он.

— Нет, — твердо произнесла я, — я что-нибудь придумаю, и мы будем жить долго и счастливо, вот увидишь, и мы поженимся, и я буду стараться быть нормальной, насколько возможно, но именно насколько возможно. Ты согласен меня терпеть?

— А куда я денусь, без тебя мне невозможно жить, я это понял.

Родители грустно смотрели на нас, и было видно, что счастье сына счастьем, но все происходящее с трудом укладывается у них в голове. Не ожидали такого и не такого будущего ему желали.

— Лотта, мы все сделаем сами, в смысле подготовки обряда, только с платьем как?

— За это не волнуйтесь, буду похожа на невесту, достойную вашего сына, а как дальше после свадьбы обстоятельства сложатся, смогу ли при дворце все время жить — не знаю, со мной происходит столько всего непредсказуемого.

Родители вздохнули, переглянулись и проговорили:

— Мы видим, ты спешишь, девочка. Карен сегодня останется дома и все более подробно расскажет, но мы надеемся, что будет время и с тобой, Лотта, спокойно поговорить.

— Конечно, но когда это будет — не знаю.

— Главное, что будет, — проговорила королева. — Да, свадьба через две недели.

Я ахнула про себя, собралась с силами и согласно кивнула.

— А теперь мне пора, — и таинственно растворилась в воздухе.

— Как хорошо, что эта аудиенция продлилось недолго, — шепнула Вероника, — а то от трогательности момента даже мне хотелось расплакаться. Вот ведь удружил им сыночек такое. Жили себе король с королевой тихо-мирно, надеялись женить его на нормальной человеческой девушке, а тут имеем...то, что имеем. Ничего, отстоим мы эту свадьбу, не волнуясь.

Первое, что я увидела на Буяне, это зареванных тетушек в обнимку с Котом.

— Плохо, все плохо, Лоточка, — вместо «здравствуй» услышала я. — Она не хочет возвращаться.

— Кто она? — сразу не поняла я.

— Да душа Лебедушки, кто-кто. Тебе что, до родной бабки дела нет? — обиженно фыркнули тетушки.

Мне стало ужасно стыдно, и я сразу прониклась трагичностью момента.

— Как это не хочет, Вы с ней разговаривали?

— Да, встретили, нашли ее вчера наконец, поговорили, и она категорически отказалась вернуться.

— Отказывается вернуться, но почему?

— Душа ее любимого Гвидона после его смерти за все это время никак ни в кого не воплощалась, но и не растворялась в слоях, Лебедушка с ней иногда встречалась, можно сказать, наблюдала за процессом ее мытарств, а вот сейчас она нашла какого-то младенца, не принца и даже не знатного рода ребенка, непонятно, в общем, кого — нашла и воплотилась в него. Почему, зачем — никто не знает. Чужая душа — потемки, не зря говорят. Вот Лебедушка об этом узнала и не захотела больше ждать принца, как она сказала «с его слюнявыми поцелуями». Так и сказала. И где только слова такие выискала? Короче, покинула тело и собирается вестись тоже в обычную девочку. Вот так-то. Сказала, что она найдет своего любимого и будет с ним счастлива, а мы со своим бессмертием ей до смерти надоели. Пусть, мол, делают с ее телом, что хотят, она будет жить нормальной жизнью нормального человека. Вот такие дела.

И опять зарыдали.

— За что она с нами так, Лотта? За что она с нами так? — причитала Алконост.

А я поняла: не захотела бабушка больше овощем быть, вот и выбрала свой путь, не бессмертный, а обычный, но там, где ее любить будут. Но тетушкам ничего не сказала, они

мудрые, сами все со временем поймут. Просто с привычным трудно расставаться.

— Мне надо к Алатырь-камню сходить, — тихо сказала им, — сил у меня нет, я ненадолго.

Тетушки кивнули.

— А мы в Лебедушкину пещерку ходим. Плохо нам, Лотточка.

Я посидела, поутешала их, как могла. И самой бабушку жалко было, так ведь и не познакомилась с ней, не поговорила, но сидеть возле тела не хотела. Она действительно на меня похожа, или, вернее, я на нее похожа как две капли воды, так что сидеть у своего умирающего тела не хотелось совсем. Но уразумела, что про свои проблемы мне с ними пока разговаривать нельзя.

Тетушки улетели, а Кот остался со мной. Да вот хоть ему расскажу про свою проблему и посоветуюсь, он тоже мудрый.

Проблему с моим уходом в чувственный мир излагала ему Ника.

— Это как-то не мур-мур, — многозначительно произнес Кот. — Сейчас Лотта с тетушками вроде нормально общалась. Я и не заметил ничего, вполне себе адекватная, но если ты, Вероника, это заметила, то дай подумать, что происходит. У всех у нас если орган не работает, то он, считай, атрофируется, вот и сознание Лотты пошло по пути наименьшего сопротивления, она на тебя рассудочную деятельность свалила, а сама оставила работать у себя в голове только чувственный компонент сознания, ей, видать, так легче. Но ты права, это не дело, так она кто знает до чего дочувствуется. И работа у нее такая — чувствовать, и ей это легче, при таком раскладе и правда превратится в эдакий особо чувствительный приемник без мыслей, а это не есть хорошо.

Кот задумался.

— По всему выходит, что если ты за нее будешь думать, то она разучится это делать сама, а человек так устроен, что в большинстве случаев идет по пути наименьшего сопротивления. Значит, ты или должна отключиться от ее сознания, что не получится, или уйти из ее головы. Странно, что процесс этот пошел у нее так быстро.

— Ну и куда мне деться? — послышался расстроенный голос Вероники. — Пока мы все не выполним, тела мне Морана не лепит, и так готова его слепить из того что было, как в песне у нас поется. Не хочу такое.

Кот вдруг подпрыгнул и радостно мяукнул

— Придумал! Тебя надо в тело Лоттиной бабушки переселить, когда совсем с Лоттой плохо будет, а потом искать принца, чтобы тело поднять с одра.

Вероника аж поперхнулась от этой мысли, если такое можно сказать про гольное сознание.

— Я думала, ты мудрый. А ты, ты просто недоумок. Я что, должна буду в этом теле лежать века и ждать, пока этот принц найдется? Уж лучше сразу умереть, чем века ждать. Нет, не согласная я.

— Вероника, — вступилась я за кота. — А ведь мысль неплохая, мы тело сохраним, а оно так вполне симпатичное, как все говорят. А я, когда немного освобожусь, пролечу по королевствам, покручусь перед принцами, пофлиртую, может, кому и понравлюсь, начну ему сниться, потом мы его к тебе приведем и будем поцелуями излечивать.

Вероника хмыкнула.

— Тебя и к одному-то принцу Карен близко не подпустит, от ревности еще в замке запрет. Нет, это не выход, хотя что-то в этом все-таки есть.

— Ладно, — вмешался кот, — мы пока Лотту возле Алатырь-камня посадим, а потом дальше думу думать будем, как и ей, и Веронике помочь. Я сейчас немного перекушу и еще раз перекушу, а потом, может, и мысль придет.

Понедельник наступил раньше, чем хотелось бы. Страшно было лететь на Первую Землю.

С утра появился Кощей. Тетушка Гамаюн почистила перья и смотрела на меня, готовая к перелету.

— Я ей тут одежду от Василисы привез. Она более-менее похожа на тот кошмар, что на Первой Земле носят, какие-то штаны и кофту. Будем надеяться, что Лотта в ней не сильно выделяться будет. Летим к Лилит, надеюсь, Михел с ней, посмотрим, как они там поживают.

На Первой Земле

Гамаюн подхватила меня под белые руки, рядом пристроился Кощей, и мы стали нащупывать точку перехода между мирами. Я даже почувствовала ее, отдавшись ощущениям, о которых говорила тетюшка. Мельканье, закружилась голова — и вот мы стоим в каком-то жутком месте. Вокруг по широченной серой дороге, непонятно из чего сделанной, но очень ровной, неслись железные монстры на колесах, и кругом гул, грязь, вонь.

Но что значит грязный воздух по сравнению с буйством грязных человеческих эмоций, которые я почувствовала! Этими грязными эмоциями была заполнена вся оболочка Первой Земли. Я чувствовала смрад низменных желаний, мечтаний о деньгах, женщинах, обладании силой и властью. Желания стать над кем-то, возвыситься, превознестись, растоптать, сломать кому-то жизнь, унижить, забрать, лишить, обогатить. И зависть, зависть, зависть ко всему и ко всем. И всего этого так много, так ужасно много. Я подумала: зачем придумывать ад, он рядом, вокруг. Ужас, одним словом. Услышала голос Вероники: «Мне жаль, Лотта, что тебе пришлось увидеть и почувствовать это. Сейчас постарайся отключиться от чувств, и постепенно тебе станет легче. Верь, и в этом потоке существует хорошее, потом научишься настраиваться на него, и тебе станет легче. У нас говорят — вербализируй, отключись от чувств. Посмотри на домики, какие красивые: что ни домик — то дворец по вашим меркам. И парки тоже прекрасные, ухоженные.

— Это вилла Лилит в Беверли Хиллз, — произнес Кощей. — Сейчас дам ей знать, что мы тут, и нам откроют ворота. Чувствую, что она дома.

В этот момент тетюшка Гамаюн стала невидимой и шепнула мне:

— Я за тобой через неделю прилечу. Постарайся только думать, сейчас тебе чувствовать нельзя, сгореть можешь в негативе. Слушай Кощея и Веронику, они подскажут. Я тут не могу пребывать долго. Прощай, будь умницей.

Действительно, нам открыли ворота и вежливо пригласили в дом, а на пороге появилась Лилит, такая же ослепительно красивая, а у нее из-за спины выглядывал Михел или, может, кто-то похожий на него.

— О, дождалась и впечатлена появлением в прямом смысле очень распространенного выражения: «Какие люди в Голливуде», — ехидно произнесла Лилит, радостно оглядывая Кощея и достаточно скептически меня.

— Не ждали так скоро? — приветствовал ее Кощей.

— Вообще-то ждали. Не бросит же Лотта своего разлюбленного приятеля и воздыхателя без присмотра. Он ведь от тоски без нее и помереть может, правда, Михел? Рад видеть своих

ненаглядную?

Тут Михел вышел из ступора и бросился ко мне, обнял, явно хотел поцеловать, но замялся, хотя объятий не разжимал и смотрел... так смотрел...

— Мы тут, Лилит, — снимая неловкость момента, сказал Кощей, — по невероятно важному делу, которое не терпит отлагательств и требует сильной активизации мозговой и другой деятельности.

Лилит хохотнула.

— Надеюсь, не сексуальной, а то Михеловы дыхательницы просто замучили. Популярен мальчик в околголливудских кругах, да и дамочки из высшего света почему-то с него глаз не спускают, облизываются. Если бы не я..., — и захохотала.

Непонятно, что она при этом подумала.

Вероника тоже многозначительно хмыкнула, и я поняла, что Лилит, наверно, подумала что-то непристойное, с нее станется. Информация заинтриговала меня, я вывернулась из объятий Ха и внимательно на него посмотрела.

Ничего не скажешь, хорош. В каких-то обтягивающих плотных синих штанах, необычной для нашего мира рубашке-не рубашке, невесть как ее назвать, эту хламиду, он выглядел очень, очень... Вероника подсказала — сексуально, я и слов-то таких не знаю. И еще челка над карими глазами, такими притягательными. Действительно симпатичный, но я Карена люблю — и точка. Хотя, что греха таить, оценила, что Михел здесь за такой небольшой срок сильно изменился. Лилит, что ли, на него так повлияла? Вот только почему от этой мысли какой-то неприятный осадочек появился?

— Заходите, я рада вас видеть. Сара, свари кофе, у нас гости. И еще молоко и что-нибудь на десерт. Или вы чего-нибудь посущественнее, чем кофе, хотите?

Вскоре появилась служанка и, о ужас, кожа у нее была не белая, а темно-шоколадного цвета. Я так и уставилась на нее, хорошо, меня одернул голос Ники:

— Не глазами так, не смущай девушку, тут много людей с разным цветом кожи, привыкнешь.

— Нам с Лоттой молоко, а Кощей и Михелу кофе. Или ты, Кощейюшка, тоже молока выпьешь?

Кощей расхохотался.

— Как говорил один французский актер: «Молоко, ребята, мы будем пить, когда коровы начнут есть виноград». Нет, мне кофе, у нас нет таких сортов, надо бы плантации заложить, не додумался раньше, а жаль. Ничего, теперь пришло время многое пересмотреть.

Мы немного перекусили. Мне, правда, кусок в горло не очень лез, так Михел на меня все время смотрел, но я держалась. Потом поговорим.

— Все, теперь я вас введу в курс дела, — сказал Кощей и очень внятно и последовательно рассказал всю нашу историю.

Лилит впечатлилась.

— Дела, однако. Тут по-хорошему целый институт должен подготавливать переселение и работать не один год, а у вас несколько человек и три-четыре месяца на все про все. Но думаю, у тебя уже есть какие-то наметки. А от меня чего хочешь, Кош?

— Нам сейчас нужно перво-наперво найти людей, которые будут согласны ехать на новую землю, и как можно больше людей, чтобы можно было выбрать. И сделать это нужно тоже как можно быстрее, чтобы они потренировались в возможности жизни в диких условиях, совершенно диких, ты же понимаешь, прошли курсы выживальщиков. Это первое.

И как ты думаешь, сколько нужно человек, чтобы переселенцы не вымерли, не выродились впоследствии?

Лилит на минутку задумалась.

— Если без притока населения из Европейской части Второй Земли, то много. Сейчас вспомню, сколько. Как-то слышала: в результате проведенного специалистами NASA компьютерного моделирования на основе последних данных популяционной генетики идеальной является цифра в 40 тысяч человек, из которых 23 тысячи — это мужчины и женщины репродуктивного возраста.

Я ахнула. Ну, такое количество проверить и переместить не смогу, точно не смогу, да и еды им немеряно надо. Поэтому спросила:

— А как же род человеческий пошел от вас двоих, ну, троих?

— Так у нас же был идеальный генофонд — ни одного ущербного гена, ни одной вредной мутации, не то, что сейчас наблюдается, поэтому так много народа и надо. И еще могу тебя огорчить, Лотта. Насколько я знаю Бога, говорю «насколько», потому что он непредсказуем и непознаваем до конца, он вряд ли ранее чем через сто лет разрешит массово общаться людям, приехавшим с Первой Земли, с людьми вашей планеты. Ему интересно будет на процесс приспособления посмотреть, любознательный он, да и уровень знаний между вами сильно отличается, инфекции опять же. Так что придется перемещать много народу. Если ограничиться 20-ю тысячами, то это должны быть отобранные молодые люди и желательно парами, это уменьшит количество переселенцев вдвое. И к тому же можно не сразу всех переселить, а послать весной человек пятьсот, чтобы подготовили условия для большего количества людей. Вы, кстати, продумали, кого будете выбирать?

Кощей пересказал Василисины выкладки насчет неотропов, но Лилит выслушала и вздохнула:

— Ох, как нелегко их найти, да еще нужно кучу параметров учесть — и профессиональных, и других. Вот начнут они там у вас между собой влюбляться да разлюбляться, такая неразбериха пойдет. А главное — как людей искать будем?

— Вот за этим мы к тебе и приехали, Лилит, — сказал Кощей. — Нужно устроить активную компанию по привлечению людей к переселению.

Тут Михел подал голос, а то все время сидел и почти не отрываясь смотрел на меня, я уж не знала, куда глаза деть от смущения.

— А давайте объявим набор на участие в реалити шоу. И назовем его типа «Переезжаем на новую планету», или «Начнем жизнь с нуля», или «Новая планета — новая жизнь» и так далее. Лилит, у тебя куча продюсеров знакомых, надо потусоваться с ними, может, кто и возьмется за проект. Когда он раскрутится, то наверняка принесет миллионные прибыли. Ты умеешь быть убедительной.

Лилит засмеялась и послала Михелу воздушный поцелуй, чем вызвала у меня волну неудовольствия:

— Я же говорила, что Михел душка.

Интересно, что такую же волну неудовольствия я поймала и от Вероники. Она-то чего?

— Мысль хорошая, но кто поверит, что эта планета существует? Были бы какие-нибудь снимки, материалы, подтверждающие ее реальность и приспособленность для жизни людей, а так у нас ничего нет, — уже менее оптимистично проговорила Лилит.

— А если пообещаем привезти? — спросил Кощей. — А вначале Лотту продемонстрируем с крыльями.

Я возмутилась.

— Не хочу демонстрироваться, у меня другая миссия. Давайте что-нибудь другое придумаем.

Тут здравую и плодотворную идею подал Михел:

— Может, мне вернуться на нашу Землю и там отснять то, чего уже нет на этой?

— Идея хорошая, в принципе, должна сработать, но ты же сам знаешь, если захотят что отрицать, то скажут, это постановочные съемки, монтаж, да все, что угодно. По поводу Лоттиных крыльев точно скажут, что монтаж, никто уже ничему не верит, даже если она решит полетать на приеме. Может, это немного и впечатлит, да и то сомневаюсь. Люди скоро любую реальность будут как игровое постановочное шоу воспринимать. Даже если Иисус Христос опять придет на землю и начнет исцелять, все равно посчитают его экстрасенсом и не поверят в его реальность без надлежащей компании промывания мозгов по телевидению.

Кощей сидел и барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Думаю, все равно надо появиться на какой-нибудь большой тусовке с голливудскими продюсерами, где будет куча народа. Там мы представим Лотту и попросим ее полетать. У нас очень мало времени, надо начинать набирать переселенцев. И обязательно надо предложить показать красоты незаселенной Америки. Подобрать значимые и немного узнаваемые для американцев места, например, район Манхэттена, и показать, как он выглядит в незаселенном виде. Показать остров Свободы, где нет статуи Свободы, тот же горный массив Блэк-Хиллз в Южной Дакоте, где нет и намека на присутствие этого гигантского барельефа президентов. Но лучше всего впечатлят отснятые огромные стада бизонов в прериях, стаи странствующих голубей, да ещё можно парочку особей сюда привезти или отснять каролинского попугая или стеллерову корову, пусть она и живет не в Америке, а на Командорских островах. И еще отснять что-нибудь известное каждому, даже не слишком образованному, американцу, например, мамонта. А вы не удивляйтесь, Лаки видел небольшие стада в районе, что тут зовется Аляской.

Лилит усмехнулась.

— Да, это подходящая работа для Михела, он же теперь фотохудожник и оператор. Думаю, отправлять даже хорошего тутошнего оператора — несколько неправильная идея, да и захочет ли Лаки с ним летать? А с Михелом они друзья. Да, нужно отправлять Михела. У него действительно съемка неплохо получается, как будто родился с камерой.

Михел засмутился, но явно был польщен похвалой.

— Лотта, ты помнишь, что нам Сива дала возможность быстро учиться и запоминать, вот у меня все и получается в этом деле, а кадр я с самого детства видел. С фотоаппаратом вообще нет проблем — снимаю, как вижу, а людям нравится, спецэффекты пока не так хорошо получаются, как у многих фотографов, но я свои фото называю ретро стиль, то есть фото без лишних затей, и вроде люди довольны. Но еще учиться и учиться — это бесконечный процесс.

Лилит не могла не прокомментировать:

— Особенно нравятся его работы молоденьким моделям, которых он снимает, да и не моделям тоже. Они от него млеют, фотографии у него и правда интересные получаются, необычные — и студийные, и не студийные. Говорят о нем, как о новом фотогении. Я смеюсь, но распиариваю парня, таскаю на нужные встречи, знакомлю с нужными людьми.

— А ты-то сама как в верха этого света пробила? — спросил Кощей.

— Ты удивляешь меня, Кощей. Да блистать при дворцах всех времен и народов — это мое призвание. Не буду технические детали разглашать. Люди есть люди, и они любят необычность, красоту, а мне этого не занимать. И деньги есть большие, ну очень большие, еще из наследия царицы Савской — и Лилит расхохоталась. — Решено. Звоню одному ну очень известному продюсеру и, надеюсь, буду очень убедительна. А вечером идем на прием в... — Лилит на минутку задумалась. — Идем на закрытый прием в Грейстон Мэншен, меня с Михелом приглашали, и устраиваем там шоу. Сообщу организаторам, что буду с необычными гостями и ожидается сенсация, поэтому нужны еще два дополнительных приглашения — тебе, Кош, и Лотте. Намекну, что было бы хорошо пригласить чуть больше, чем обычно, журналистов. Кощей, тебе для приема нужен фрак, а Лотте — платье или костюм, да, лучше брючный костюм с обнаженной спиной. Кош, надеюсь, ты будешь в речах так же убедителен, как и я.

Кощей, хмыкнул.

— Ну, уж таким убедительным я никогда быть не смогу.

— Вот грязных намеков не надо, я женщина в положении, а значит, нравственность у меня на высоте, но красоту и обаяние еще никто не отменял.

И стала дальше давать распоряжения:

— Михел, свози Лотту по бутикам, приодеть ее нужно. Мы же устраиваем шоу, делаем переворот в сознании людей.

Она опять расхохоталась, ее эта затея явно веселила.

— Представляешь, сообщаем, что реально есть другой мир, и туда можно переселиться. К такому сообщению надо подготовиться и самим.

Михела мысль о перевороте в сознании землян почему-то вдохновила значительно меньше, чем предложение сводить меня по магазинам, а главное, немного со мной пообщаться без лишних глаз.

— Я сделаю несколько снимков тебя, Лотта, — шепнул он мне. — Уверен, ты должна быть невероятно фотогеничной, и твои фото могут украсить лучшие журналы мира. Пожалуйста, пойдем в мою домашнюю студию, а уже потом по магазинам. Я повезу тебя сам, уже научился водить машину и вожу аккуратно. Лилит приобрела мне чудесный ягуар, и я его за время учебы даже ни разу не поцарапал.

Тут он как-то незаметно оказался рядом, взял меня за руку, раскланялся с Лилит и Кошеем.

— Мы вас покидаем и, как я понял, до вечера мы свободны.

— Да, а вечером идем в Грейстон Мэншен, не в парк, конечно. Все, можете развлекаться, — и мы пошли в студию.

То, что Михел назвал студией, являло собой огромное помещение, завешанное своеобразными портретами людей и видами природы. Сотни таких же картин лежали на столе и даже валялись на полу.

— Эти картинки называются фотографиями, — прокомментировала мне Вероника, — и он их делает при помощи вон той аппаратуры, называемой фотоаппарат.

Тут я увидела предмет, который на салфетке вышила Михелу Клевенс давно, еще тогда, когда мы жили в «Приюте Нужных Путников». Вот как предвидение исполнилось. Интересно.

Михел явно любил свое творчество и гордился собой.

— Самое прекрасное, что произошло сегодня, это то, что я вижу тебя, Лотта.

Тему я не хотела развивать и поэтому спросила:

— Как ты здесь? Я волновалась за тебя.

— Это так приятно, что ты обо мне думала. Но, как ни удивительно, тут я нашел себя. Ты знаешь, как я мечтал научиться останавливать прекрасный миг, который ненароком увидел, а здесь это стало возможно. Это удивительно, поверь. Я работал день и ночь, спал по четыре-пять часов в сутки и учился, снимал — опять и опять. Тут масса людей-профессионалов, они необыкновенные. Такая техника, такие студии. Ты не представляешь, какие возможности передо мной открылись. И еще я уже неплохо владею полупрофессиональной кинокамерой. Тебе обязательно понравится кино.

Я улыбалась, но как-то не так искренне, как хотелось. Я-то думала, что ему было плохо с Лилит, а он, оказывается, невероятно рад, что попал на эту Землю, многому научился и с Лилит ладит. Пользуется здесь популярностью у девушек и стал таким чрезмерно привлекательным. «Сексуальным», — опять подсказала Вероника. Но это так, минутная эмоция проскользнула. Я все-таки была рада за него — рада его видеть, рада его успехам, хотя совершенно терялась в этой массе картинок. «Фотографий», — опять поправила меня Вероника. И подсказала мне:

— Посмотри внимательно, какие они выразительные. Вот, например, эти фото Лилит — сложный, неоднозначный образ. Она, конечно, красавица и секси, понимаю мужчин, которые готовые на все ради ее внимания. И Михел это так здорово передал. Да и многие девушки его явно не обижают вниманием. Смотри, скольких юных особ он отснял, и какие они у него красивые получаются. Удивительно красивые, сказала бы. Он нашел в них изюминку, и даже девушки с невыразительными чертами лица выглядят как красавицы. Здорово. А это что?

Мы подошли к столу, на котором были разложены фотографии женщин, девушек, но, что сразу бросалось в глаза — пустота глаз. В них не было зрачка. Странно, интересно, но необычно.

— Что это? — спросила я. — Почему они как слепые?

— Не знаю, — ответил Михел. — Говорят, глаза — зеркало души, а она не всегда так прекрасна, как лицо и тело. Я хочу убрать в своих портретах выражение глаз и оставить только облик — прекрасный, незнакомый, таинственный. Мне кажется, у меня получается.

— Ты это сам придумал?

— Да не совсем, мне безумно нравится один итальянский художник, Модильяни. Слышал о впечатлении, которое производят его портреты: «как женщины у Модильяни, смысл красоты не материален». Здорово сказано, правда? Да и для меня смысл красоты не материален. Материальна только ты, Лотта. Лотта, для меня всегда красота была главным в жизни. Я понял это совершенно отчетливо здесь. Этот мир прекрасен и уродлив одновременно, но я ищу и вижу красоту. Красоту всего — девушек, мужчин, природы, мига, который случайно подглядел — во всем много красоты. Люди часто не замечают ее, а мне хочется найти, понять ее, запечатлеть. Смешно, да? Да, я такой. Может, не такой глубокий, как Карен, считай меня поверхностным, но вот такой я есть, и я работаю и учусь и буду учиться этому всегда. Мне понятны слова еще одного художника, Огюста Ренуара, ты обязательно должна посмотреть его картины, я тебя приглашаю в музей. Я поведу тебя не в залы, где восхваляют уродство, но туда, где все искрится радостью и красотой. Увидишь, что когда на них смотришь, чувствуешь, как они заполняют сердце, и жизнь кажется прекрасной.

Я поддерживаю мысль, что красота — и только она — спасет мир. Я смешон в своем идеализме, мне уже сказали об этом, но я не один такой. Так вот, тот же Ренуар считал, что именно женщины приносят в мир красоту и радость, а это главное в искусстве: *«Для меня картина... должна быть всегда приятной, радостной и красивой, да — красивой! В жизни достаточно скучных вещей... Я знаю, трудно добиться признания того, что большое искусство может быть радостным»*. А ты, Лотта, самое красивое в мире создание, которое я когда-либо встречал. Я знаю, что виноват перед тобой. Прости меня, я не поэт, но эти стихи нравятся, я только чуть-чуть их изменил:

Я не забыл, какие у тебя волосы,
я не забыл, какое твое дыханье,
подари мне прощенье,
раз я виновен,
а простивши — опять одари виною.

А. Вознесенский

Прости, может, мои слова не нужны тебе, но я вижу твой образ во сне каждую ночь. Ты снишься мне, такая красивая, что я просыпаюсь от счастья, и я живу этим и вдохновляюсь. Прости, что так получилось, и я здесь, а ты осталась там, и на тебе такая ответственность. Хочу, чтобы ты немного почувствовала этот мир и не осуждала его. В этом мире много уродства, но и много красоты. Есть такие удивительные, чувственные стихи.

К стеклу прильнув лицом как скорбный страж

Ищу тебя за гранью ожиданья

За гранью самого себя

Я так тебя люблю, что я уже не знаю

Кого из нас двоих здесь нет?

Поль Элюар

Меня признание Михела смутило, и я опять запуталась в невообразимом смятении чувств. Это была и радость, что меня любят и не забыли, и сожаление, что наши отношения с двумя братьями так невероятно сложны, и что действительно невозможны наши взаимные чувства с Михелом. Радовало осознание правильности выбора — выбрала Карена и не жалею ни на минуту, что он у меня есть и я его люблю. Но Михел — он тоже мне дорог, как часть моей жизни, и мне хочется, чтобы он был счастлив. Я не совсем понимала, вернее, совсем не понимала эту его новую жизнь, его работу, цели, слова. Но чувствовала, что он лучится радостью, когда говорит о своем творчестве, что это его, и он нашел себя здесь, на этой чужой и такой непонятной мне планете, а самое главное — я с горечью осознала, что у нас дома он не сможет это иметь.

— Ну ты и накрутила, подруга, — услышала голос Вероники. — Не занимайся чрезмерным самокопательством. Михел действительно хороший парень. В нем столько искреннего оптимизма, желания творить, идей и, скажу, идей замечательных, и он очень талантлив, поверь мне. Я все-таки жила в этом мире и знаю цену некоторым вещам. И еще он симпатичный, сама бы в него влюбилась, но, увы, я старше его на целую жизнь, и у меня нет тела, а то бы сейчас пыталась привлечь его внимание, такой он притягательный. А эти его глаза цвета горячего шоколада — обалдеть.

— Вероника, ты чего, эмоции твои аж мое сознание пробивают?

— Ах, оставь, Лотта, у меня нет тела, но сознание и эмоции-то есть, так почему бы не помечтать о несбыточном? Немного завидно стало. Господи, старая дура, что удумала! Все,

молчу. Просто забыла, каково это, когда на тебя так смотрят — я же вижу, как он поедает тебя глазами.

Я поперхнулась, закашлялась и решила сменить тему.

— Тебе этот мир больше нравится, чем наш? Да, Михел?

— Он другой, в нем много совершенно ужасного и отвратительного, но я стараюсь уйти от этого, жить творчеством, хотя Лилит смеется и называет меня страусом. Но кроме творчества мне ничто не интересно. Я пытаюсь, может быть, тщетно, уходить от интриг, не вникаю в политику, не смакую истории межнациональных распрей, не обращаю внимания на всевозможные сексуальные извраты, которых тут невероятно много и, конечно, не хочу участвовать и даже думать о войнах. Будет хорошо, если ты тоже не будешь в это вникать, надеюсь, получится. Если мне не нравится кто-то, я по возможности уйду от общения с таким человеком. Я не пытаюсь исправить его, не мое это призвание, и я почему-то уверен, что кошку не научишь гавкать по-собачьи, как не научишь искренности политика или не сделаешь ягненком акулу бизнеса или, хуже того, толерантным религиозного фанатика.

Услышала голос Вероники:

— Оказывается, Михел — приверженец чистого искусства. Искусство ради искусства — это уже было, и немногим удалось не запачкать крыльев своих Пегасов. Уход от негатива даже понятен, не люблю идею полезности существования. От этой идеи кислой капустой пахнет: она полезнее, чем апельсины, а апельсинов хочется все равно.

А в это время Ха продолжил свой монолог:

— Но в этом мире есть то, чего еще нет или, может, никогда не будет в нашем мире. Этой невероятной техники, которая дает такие возможности выразить свои идеи и поделиться этими идеями с людьми, которым это тоже интересно и понятно. Здесь есть профессионалы, у которых я могу научиться, как выразить то, что живет внутри меня. Как ни странно, я понял — этот мир для меня. Это ощущение сугубо личное, другим нужно иное — природа, тишина, дороги или книги и раздумья. Ты удивлена, да, Лотта? Тебе здесь не нравится.

— Михел, это точно не мое, мне трудно здесь дышать и думать, трудно чувствовать этот мир. Давай пока об этом не будем. У нас есть то, что мы должны выполнить, и мы будем стараться. И я рада за тебя, ты найдешь еще человека, который будет с тобой рядом.

— Я на это не надеюсь, Лотта, просто я услышал такое слово: «запечатление», и твой образ — он запечатлен в моем сознании, и мне от него не уйти. Я знаю, что это так, это не надуманные фантазии. У некоторых людей такое бывает — у поэтов, например, таких, как Петрарка, был образ любимой, он не жил с ней и только мечтал о ней, но это был смысл его жизни и творчества. Так и у меня, но почему-то мне хочется не только мечтать о тебе, но реально прижать тебя к себе и целовать тебя, а не образ. Очень хочется. Наверно, я не поэт.

— Прости, Ха, у меня в конце следующей недели свадьба, и ты там будешь. Карен надеется тебя увидеть, и родители тоже волнуются. Мы в воскресенье улетим с тобой на нашу Землю, у нас там тоже много работы, ты будешь снимать, а я искать место для поселения. И давай оставим разговоры про чувства, это не принесет никому облегчения, ты знаешь. Мы такие разные, я и не думала, когда мы были в путешествиях, что все так изменится.

— Все, замолкаю, только несколько снимков. Сядь вон туда.

И началось. Михел мучил меня так и сяк, крутил в разные стороны, да еще крылья заставил расправить.

— Невероятно красиво, — все время повторял он, — невероятно.

Он бы мучил меня еще долго, но я сползла на пол и сказала твердо:

— С этим все. Идем, куда собирались.

Если бы я знала, что будет дальше, то выбрала бы мучение с фотографированием, потому что то, что было потом, не передать словами. Сначала мы ездили на этой невероятно красивой машине. Так быстро — казалось, что это быстрее, чем летать с Ветром. Я вжалась в кресло и дрожала, а потом эти огромные магазины на Родео Стрит, торговый комплекс «Родео Коллекшн» — голова кружилась от невероятного количества вещей. Зачем человеку столько? Ну зачем? Михел выбирал, ко мне прикладывали, на меня надевали и надевали, что-то мерили, что-то покупали. Мои руки наши неподобающими для девушки и целый час отмачивали в каком-то растворе и красили ногти. Нет, этот мир ужасен. Хорошо, хоть спокойно поели в каком-то милом ресторанчике, на открытой террасе.

— Здесь вкусно готовят морепродукты, — сказал Михел

Запомнила название Il Cielo. Попробовала эти необычные, но действительно вкусные блюда. Ресторан был очень уютным, ели мы на террасе, а прямо перед нами открывался вид на огромный город. Потом немного погуляли в парке. Мне стало легче, но все равно попросилась домой и, добравшись до какого-то дивана, рухнула на него и заснула. Какой это ужас — город и столько людей, а еще надо пережить вечерний прием.

Вечером на меня надели элегантный брючный костюм с блузоном с открытой спиной. Хорошо, что у меня волосы длинные и можно было голое тело прикрыть, а еще грела мысль, что меня здесь никто не знает. Лилит оставила невероятно красивое украшение, Михел застегнул все это на мне, и я посмотрела в зеркало. Да, там была красивая девушка. Но я почему-то этому была не рада. Чувство было такое, что меня ведут, как овцу на заклание или как кобылу на ярмарку.

Вероника возмутилась.

— Ты не придумывай лишнего, твое дело улыбаться, еще раз улыбаться и не брать дурного в голову. То бишь не прислушиваться к ощущениям. Думаю, главная нагрузка возляжет на Кощея и Лилит.

— Будем надеяться, — буркнула я.

Мы подъехали к чудесному парку и по освещенной дорожке вошли в роскошное здание. Я шла под руку с Михелом, а Лилит с Кощеем. Играла музыка, все было невероятно изыскано, вокруг сновали и предлагали бокалы с вином официанты. Дамы сверкали бриллиантами и улыбались в 360 зубов или даже больше. Впрочем, у мужчин зубов было не меньше. Очень скоро мне поплохело. Я чувствовала фальшь, исходящую от большинства людей: мало кто улыбался просто так и чувствовал себя раскованно. Все, казалось, хотели продать себя — и подороже. Мне становилось все хуже и хуже.

— Вероника, выручай. Или я упаду в обморок от переизбытка отрицательных эмоций, или ты меня заменяешь в этом общении, а я уйду в подсознание.

— Да, выбора ты мне не оставляешь, подруга, буду стараться, нельзя завалить миссию. Но уж если понадобится полетать, то буду вызывать тебя: я не умею управлять крыльями.

Шоу начинается. Вероника

Мне было жаль Лотту: ее сознание точно не было приспособлено к подобному. Каждый первый мужчина просил Михаэля, так его величали на приеме, представить его невероятно

очаровательной подружке. Михаэль злился, так как они не только целовали ей руку, но и нагло раздевали взглядом, а иногда говорили комплименты, от которых хотелось убежать как можно дальше. После очередного представления я попросила Ха подвести меня к столику с фуршетом и постаралась его утешить.

— Михаэль, поверь, Лотта, то бишь представленная тут Ловелия, не слышит той чуши, что говорят эти люди в ее адрес, она ушла глубоко в подсознание, и отдуваюсь за нее я.

Михел недоверчиво посмотрел на меня, желая разглядеть признаки присутствия или отсутствия Лотты.

— Кто это я? — шепотом спросил он, еще более внимательно всматриваясь мне в лицо.

— Меня зовут Вероника, мое сознание теперь существует с ней в одном теле, так уж получилось, потом расскажу. Вокруг столько всего накручено, что еще одна невероятность не должна тебя удивлять. Давай просто поговорим о чем-нибудь, пока Лилит и Кощей, то бишь мистер Деснот, как его представили, хорошо хоть не Чахлик Невмирущий, готовятся к предстоящей сенсации. Выйдем на террасу и подышим воздухом, даже я угораю в этой атмосфере.

Михел расслабился, и мы невероятно мило беседовали. Я чуть-чуть рассказала ему, откуда я и как попала в эту историю, вернее, как мы с Лоттой в нее попали. Потом речь сама собой перешла на творчество, этот мир, и мне были любопытны его порой наивные, но очень искренние взгляды, жалко, времени поговорить у нас было маловато. Поймала себя на мысли, что мне приятно, как на меня смотрит этот милый молодой мальчик. Ну, пусть юноша, такой восторженный и такой влюбленный. «Пора прекращать подобные раздумья», — еще раз твердо сказала я себе, и тут, к счастью, нас позвала Лилит.

Оказывается, они очень плодотворно побеседовали с нужным продюсером, и идея «реалити шоу» рождалась и обростала плотью. Они уже обсуждали, как лучше назвать шоу: «Снова заселим Америку», «Новая родина», «Наша новая планета — наша новая Америка» или еще как-нибудь. В глазах Гарри, так фамильярно называла Лилит продюсера, горел огонь от возможности заработать, возможной мировой популярности шоу и ощущался даже человеческий интерес к такому неожиданному делу. Гарри, как ни странно, почти без лишних уговоров поверил в реальность Второй Земли и теперь раздумывал, как это лучше преподнести публике. Деловой человек, одним словом. Продать Луну — пожалуйста, заселить Марс, а тем более новую планету, подобную Земле, и заработать на показе — пожалуйста. Молодец-удалец. Прагматично, надо только просчитать, сколько вложить, и посчитать процент рентабельности вложений.

— Даже если дело провалится, — говорила Лилит Гарри, — на съемке и показе подготовки людей к переселению сорвем хороший куш. Многие люди помешаны на идее выживания в дикой природе. Вы знаете, какой популярностью пользуются фильмы на тему «выжить в одиночку», «наедине с дикой природой», да любые материалы про выживальщиков. Это будет бомба.

После выступления какой-то модной музыкальной группы он взял микрофон и попросил слова. Сказал просто, но так, что услышали все:

— Сегодня у нас будет оглашена невероятная, истинная сенсация века. У нас в гостях настоящие инопланетяне: мистер Деснот и Ловелия Форестри. Да, да, настоящие инопланетяне. По природе своей они похожи на нас, но различия имеются. Они прибыли с предложением переселить некоторое количество людей на один из континентов их планеты. Этот континент идентичен нашей Америке, но на него до сих пор не ступала нога человека.

У них есть возможность переселить на него людей, и с сегодняшнего дня мы начинаем подготовку к этому процессу. Мы будем искать людей, которые согласятся туда поехать, подбирать оборудование, вести подготовку этих людей к трудным условиям дикой природы. И начинаем ежедневную трансляцию по подготовке к переселению. А мистер Михаэль отбудет с несравненной Ловелией и за неделю отснимет интересные кадры, которые, уверен, будут любопытны всем, и мы ждем фотографий. А сейчас приветствуйте несравненную птицедеву Ловелию. Лав, прошу, продемонстрируй крылышки.

Я толкнула сознание Лотты: «Очнись и немного полетай, а потом убираемся отсюда, потому что тут такое начнется, мама не горюй».

Счастье, что Лотта не слышала предыдущих высказываний — она, оказывается, прикорнула в подсознании. Она расправила крылья, взлетела над сценой и сделала круг над залом. Хорошо, что на нас был брючный костюм.

Что тут началось! Клацали все фотоаппараты, имеющиеся в помещении, телефоны, оператор носился, как бешеный, и все норовил сделать кадр со спины Лотты, чтобы были лучше видны крылья. Представление длилось минут десять, потом Лотта опустила и опять юркнула в подсознание.

— Извините, — пришлось раскланиваться мне, — я вынуждена покинуть ваше прекрасное общество. Я еще, увы, не адаптировалась к новой среде обитания, мне нужно отдохнуть.

Вероника

Лотта проснулась в плохом настроении. Вчерашнее мероприятие явно было не для лесной девочки. Слишком много людей — разных, с чуждыми и непонятными ей интересами.

— Вероника, мне надо куда-то улизнуть, уехать, улететь, — услышала печальный Лоттин голос. — Короче, покинуть эту благословенную Калифорнию хотя бы на пару дней. Если я опять увижу эти голливудские холеные хитрозадые рожи, то, боюсь, сорву Божественный план по переселению. С меня хватило вчерашнего шоу. Не могу. Мне плохо. Меня тошнит в прямом и переносном смысле. Наверное, это токсикоз, я отравлена эмоциями и идеями этого мира. Я не могу это выносить, и у меня будет выкидыш. В смысле, я выкину какой-нибудь фортель, и всем будет только плохо. Считайте мое желание удрать в места, где мало народа и есть лес, причудами беременной девушки.

— Рожи не бывают хитрозадыми, что за словосочетание, и почему это ты вдруг ругаешься, и при этом ведешь себя как кисейная барышня? Подумаешь, комплименты ей не просто говорили и смотрели не просто так. К тому же ты практически в начале вечера улизнула в подсознание, а я за тебя почти все время отдувалась.

— Во-первых, тебе эти комплименты в некотором роде были даже приятны, я-то чувствовала, а во вторых, ты весь вечер с удовольствием ловила на себе восхищённые взгляды Ха. Не думай отпираться.

— И все-то ты чувствуешь, как у тебя это получается? Ты же сказала, что ушла в глубокое подсознание.

— Публику действительно не чувствовала, и это меня спасло, а отголоски твоих эмоций ловила. Меня вот что интересует: ты как-то легко этот ужас перенесла и тебе не было противно и плохо от этих тысяч белоснежных острых зубов, показанных в якобы улыбках, а

на самом деле с целью продемонстрировать всем, что, если что не так, то тебя сожрут и не поперхнутся.

— Лотта, там не все были хищниками, и ты же знаешь, мы шли на это мероприятие с определенной целью, которую и достигли. Уверена, в новостях уже передают о случившемся, и это — то, что нужно: процесс подготовки к переселению можно назвать запущенным. Кстати, надо включить телевизор и посмотреть, что передают. А то, что процесс запущен, видно из наличия толпы журналистов за нашими воротами — ждут, когда ты или Кощей появишься. Информация начала проникать в массы и масс-медиа. Но раз ты не можешь, придется все дело свалить на Кощея и Лилит. Ну, постарайся продержаться, постепенно привыкнешь.

— Не знаю, смогу ли. Сама не ожидала такого. Возможно, добавились ощущения от похода по магазинам. Мне вчера казалось, что меня выпотрошили, содрали кожу, положили на сковородку и зажаривают. Ты ведь чувствуешь, как мне плохо, я не придуриваюсь.

— Да, чувствую и не знаю, что делать. Лотта, но это прежде всего твоя миссия, ты должна почувствовать этих людей.

— Почувствовать, выбрать, ты правильно говоришь. А найти и разрабатывать программу шоу «Переселимся вместе» или как там его называют — не должна. И мне кажется, что и Лилит, и Кощей этим занимаются с удовольствием. Лилит — так как будто для этого и родилась.

— Наверное, ты права, ей нравится, такого она в своей бесконечной жизни еще не делала, то бишь не была звездой экрана. Кажется, ей это импонирует. А Кощей — он идеей заболел, увлекся серьезно. Лотта, пойдем позавтракаем, а там решим, отправиться тебе куда-нибудь или дома побыть сегодня.

Лотта немного путано объяснила присутствующим на завтраке, что с ней творится, и всем ее было очень жаль. Решили прикрыть маленькую от общения с журналистами и куда-нибудь отправить подальше от Голливуда, Беверли Хиллз, Америки.

У меня возникла чудесная и полезная идея.

— А что если тебе встретиться с человеком, которого в настоящее время можно назвать профессиональным выживальщиком? Я с ним случайно познакомилась и знаю, что часто зимой, а там, где он сейчас живет, зима в самом разгаре, он может жить на одном отдаленном хуторе — или готовится к новой экспедиции, или просто отдыхает. Давай слетаем туда?

Нашли по Гуглу изображение этого места, фото его даже было с комментарием, что там хороший колодец, и решили переместиться туда.

— С Гуглом и глобуса не надо, такого, как у твоих теток, — похвасталась я техническими достижениями родной планеты

Михел было хотел увязаться с нами, еле отговорили — пусть изучает карту Америки и планирует, какие места посетить и сфотографировать. Надо приготовить нужную аппаратуру. Пообщаться с операторами и всякое другое. По-честному, его можно было бы взять с собой, я бы даже не отказалась побыть с ним рядом, но чувствовала, что Лотте надо расслабиться. А зная Славу (так звали профессионала по выживанию знакомые, а вообще-то он имел странное имя Перислав), я не сомневалась, что с ним это получится. Он чудесный рассказчик, оптимист и неординарный человек. Сама это прочувствовала в свое время. Стала вспоминать, как познакомились.

Мы с ребятами решили совершить поход на лыжах на несколько дней, но какие-то

проблемы вынудили нас ночевать не в палатке, а искать теплый ночлег под крышей. Удалось остановиться в доме лесника. Это был большой, довольно несуразный дом, расположенный на краю леса вдалеке от деревни. Снега было очень много, и казалось, что мы на краю земли и оторваны от всего мира. Но эти люди, к которым мы попали, привыкли жить сами — пекли хлеб, доили корову, рыбачили. Вечером, обустроив нас, лесничиха Катерина пригласила на ужин. Кроме ее мужа в кухоньке находился еще один человек. Он был какой-то не такой, не похожий на деревенского, но и неизбалованный городской житель. Глаза, умные и со смешинкой, с любопытством смотрели на нас. Особенно было приятно наблюдать, как он двигается: каждое движение было вымерено, ловкие руки подбрасывали в печь дрова, тело гибкое, тренированное, послушное, на вид около 35 лет. Нет, не простой сельский житель был перед нами. Потом мы ели картошку, пили чай с медом и говорили о дальних странах. Слава был профессиональным путешественником, выживальщиком, как называли их некоторые. Когда тебя судьба сводит с такими людьми, ее можно только благодарить. Сейчас я надеялась, что удача снова улыбнется нам, и мы застанем Славу на хуторе.

Мы захватили немного провизии, каких-то изысков со стола, чтобы порадовать Катерину, и обязательно собрали в пакет сладенького — пирожных, конфет. Взяли самые теплые вещички, какие только нашлись в этой солнечной Калифорнии, и переместились.

Попали мы в место возле реки. Высоченные старые тополя раскачивались на ветру и пугали перспективой рухнуть на берег. Недалеко от огромного пня, что врос в берег на льду, сидел мужик в тулупе и закидывал в прорубь удочку. «Не Слава», — расстроено подумала я, но, как принято, спокойно поприветствовала и спросила, дома ли Катерина.

— А где ей быть, разве что со Славкой пошли кабана тропить.

«Это они могут, — радостно подумала я. — Катерина, она такая, и волка не побоится, и на кабана сама сходит. Вот Слава тут и прижился, родственные они души. Хорошо, что он здесь, удача не оставила нас, если сейчас нет на месте — к вечеру вернутся».

— А муж ее как же, не ревнует к другому мужчине? — услышала голос Лотты.

— Нет, что ты. Катерина уже не девочка, а ее муж — это тяжелый случай. Муж, как большинство в деревнях и лесничествах, пьяница и мозги пропил. Пойдем в дом.

Дом впечатлял размерами и неухоженностью. Словно хозяевам было не до него. Постучалась и дернула двери — знала, что не закрываются. На кухне чаевничали немолодая женщина в платке и широкоплечий, ладный мужчина.

— Здравствуй, гостья, какими судьбами к нам? Кругом замело, лыж не вижу, с вертолета, что ли, выбросили? — спросила Катерина.

Ой, она же меня не узнала, я теперь белокурая Жизель, красавица и только. Буду придумывать легенду на ходу, а уж зайдет серьезный разговор — расскажу правду.

— Извините, что потревожили, я тут к Славе по делу, не приютите на денек? Разговор важный есть к нему. Потом расскажу, как сюда попала. Это особая история.

— А они хорошие, — послышался голос Лотты, — настоящие, не то, что эти голливудские упыри. Ты общайся, я буду внимательно слушать. Тебе этот мир знаком, если что — вмещаюсь.

— Ну, присаживайтесь к нашему шалашу. Чай будешь, барышня, замерзла небось? — спросила Катерина, а Слава так и впился в меня глазами, до этого он так на нас не смотрел. Или что почувствовал?

Я выложила припасы.

— О, какие изыски, — удивилась Катерина. — Откуда?

А Слава, не говоря ни слова, еще более пристально стал смотреть на меня.

— Вы, красавица, прямо из Америки к нам? Какими судьбами? — наконец произнес этот мачо.

Я тут не выдержала, засмеялась и говорю:

— Даже Баба Яга в сказках сначала путников покормит, в баньке попарит, а потом с расспросами пристаёт. Расскажу все, за тем и прибыла.

Угощали картошкой с салом и своим свежееиспеченным хлебом, а потом мы чаевничали, и я рассказывала нашу, ну очень затейливую, историю. Катерина улыбалась. А Слава хмурился и становился все более настороженным.

— Если это не развод, а я чувствую, что ты действительно та девушка Вероника, с которой я здесь познакомился, то чудеса в моей жизни еще не закончились. Такое невероятное стечение обстоятельств, что судьба свела меня с тобой. Я тоже попал сюда почти двадцать лет назад с другой земли. Жил себе, жил, девушку красивую, хорошую и умную, любил, а однажды зимой попал в хвост Велесовой Охоты и занесло меня на эту Землю в эти тополя. Вот в это место с тех пор и приезжаю раны зализывать и душой отдыхать. Катерина — единственная, кто знает, откуда я. Помогла она мне освоиться на этой Земле. Трудно было — молодой, к этой жизни не готовый, но привык, научился не набивать лишние шишки.

Я и Лотта тихо ахнули. Вот это новости, вот так развитие событий. Разговор принимал интересный оборот. С одной стороны — легче, а с другой — все так невероятно.

И Слава начал рассказывать, его как будто прорвало.

Как стать выживальщиком

Разве прикажешь травам,
чтоб не искали неба?

Поль Элюар

— Долго искал, думал, отыщется место, где смогу найти переход в свой мир. Вначале семь лет меня носило по этой стране. За эти семь лет я проделал путь, равный двум земным экваторам, исходил горы, леса, степи, пустыни. Я ловил змей, искал клады, собирал минералы, читал лекции в грязных милицейских дежурках. Мне приходилось ездить на крышах поездов, болеть лихорадкой и дизентерией, валяться в пыли, будучи укушенным змеями. Я рыбачил на Севане, изучал и разводил скорпионов, попадал в автомобильную катастрофу. Я дружил с пьяницами и диссидентами, спал со случайными женщинами и мечтал вернуться к своей Нежане. Понял только позже, что мой поиск вечен и обречен. Но я не только не нашел за эти семь лет то, что искал — я даже не нашел ответа на самый основной вопрос: «А что же я ищущу?» Я только ощущал какую-то необъяснимую тягу, какую-то неуловимую власть чего-то, не имеющего даже своего названия, как компасная стрелка «ощущает» далекое притяжение магнитных полюсов. А может быть, аномалий...? Когда кончались силы в странствиях, уговаривал себя: а быть может он, этот переход — вон там, за этим хребтом? Потом осознал, что мой поиск сродни поиску себя. Что уже ищущу не переход на свою планету, а просто так живу в дороге, на вокзале, в палатке, в горах, в пустыне. А может быть, его и нет вовсе на этой Земле, этого перехода? Понял: жизнь человека похожа на водный поток, плавный или бурный в зависимости от того, сколько в этом человеке

внутренней энергии. В зависимости от его притязаний на жизнь и взаимоотношений с внешним миром. Но одна особенность неизбежна как в течении рек, так и в течении жизни. Это полная неизвестность того, что откроется впереди: порог ли, водопад, мель или крутой поворот русла. Сливаются притоки, переплетаются жизни людей. А часто бывает так, что за очередным крутым поворотом вдруг до боли отчетливо видишь совсем не то, что хотелось бы увидеть. И приходит время переоценивать ценности. Надо сделать выбор, остановиться, повернуть назад или опять идти в неизвестность. И ты вдруг ясно понимаешь, что весь твой предыдущий путь был неверным, что он завел в тупик, и ты уперся в скалу. На восьмой год жизни здесь я решил пересечь пустыню и попробовать себя в выживании. Пустыня, пустыня, она тогда была сродни моей душе! Как и мое любимое Мертвое море!

Мы слушали затаив дыхание.

— Еще не надоело? — спросил Слава.

— Хотим про пустыню, — сказали и я, и Катерина одновременно. Лоттин голос тоже стоило засчитать, так как она готова была слушать рассказы про путешествия сутками.

— Ты мне про тот свой поход не рассказывал, — сказала Катерина несколько обиженно.

— Тогда я еще не стал профессиональным выживальщиком, так, аматер. Не такое уж и удачное начало. Много было неправильно. Но тот поход был переломным. До этого я был просто скитальцем и искал путь, но после того перехода через пустыню решил, что зарабатывать себе на жизнь нужно тем, что лучше всего получается и тебе интересно.

Он пошел, подбросил в печку дрова и сказал:

— Только буду рассказывать без приукрашивания. В конце марта, как только солнце пробилось сквозь облака, мы вышли из Теджена и углубились в пустыню так, что исчез даже след цивилизации, и ни один посторонний звук не долетал до нас. Неделю мы шли по цветущей пустыне, вдыхая запахи шафранов и слушая тишину. Иногда попадались огромные лиловые цветы с запахом свежего дерьма. Они торчали прямо из земли. Шли 25–40 км в день, собирая клизмой воду с такыров, днем палимые солнцем, а по ночам трясущиеся от холода. Воду из такыров мы называли «съедобной глиной», в ней и варили черепах. В черепахах почти нечего есть, кроме огромной печени и яиц (желтки без белка). Мерой длины пройденного пути у нас был горизонт, который равнялся 12 км, потому что на ровной местности видимость дальше уходит под горизонт. В день проходили от 2-х до 3-х горизонтов. Наша палатка оказалась мало пригодной, так как по ночам она из-за отсутствия вентиляции превращалась в баню с холодным душем на голову и спальники, к тому же с поверхности мокрой палатки очень сильное испарение, что понижает температуру внутри нее. Мы пришли к выводу, что без пуховых спальников и двухслойной палатки нам в следующий раз не обойтись. Из-за холода мы не спали ночами, что также забирало массу энергии. Бывало, что вставать приходилось в 2 часа ночи и до утра согреваться у костра, а с первыми лучами солнца продолжать путь. Для костра использовали саксаул. Интересно, что на больших расстояниях от цивилизации встречаются настоящие леса из песчаной акации и саксаула, где деревья достигают 5–6 м высоты. Часто мы видели примитивные миражи — любая плоская поверхность, как, например, такыр, издалика выглядит водоемом с тростниковыми берегами, поскольку любая пустынная растительность по краям такыра воспринимается как желтый сухой тростник. Вот такая иллюзия! Есть хотелось очень. Расчет на подножные корма не оправдался. Черепах и змей было мало, так как весна в этих широтах запаздывала на месяц. К тому же, готовить черепаху в костре без воды невозможно, горит панцирь и мясо, пропитываясь горелой костью, непригодно к употреблению, а с водой

тоже были серьезные сложности. Эксперимент с конденсацией воды из песка провалился. Мы не могли собрать ни капли, хотя песок был влажным. Вначале мы рассчитывали на воду, которую будем нести на себе, но оказалось, что с полным грузом мы не можем идти, потому что энергия для переноса 25 кг груза не восполняется тем количеством еды и воды, которое мы могли нести на себе. На будущее решили, что нам следовало строить расчет на сборе воды из такыров + аварийный запас. На седьмой день неожиданно нашли еду. Помню, как из-под куста саксаула на меня уставились чьи-то еще живые глаза. Оказалось, что это покалеченный, брошенный новорожденный козленок с перегрызенной пуповиной. Мне пришлось без сантиментов его убить, ободрать и сварить (очень хотелось кушать). Последующие дни я на ходу извлекал из мешка ножку козленка и обгладывал неструктурированное мясо с остатками шерсти, отчего у моего спутника возникал рвотный рефлекс (он не то, что есть, даже видеть этого не мог). Сразу ему сказал: выживальщика из тебя не выйдет. Я, если совсем голод подопрет, буду есть дождевых червей и насекомых. Еще через десять дней пути мы, как всегда, проснулись от ночного холода и, выползая из палатки, чтобы развести костер, далеко на горизонте увидели слабое сияние. Это был ореол далекой цивилизации. На следующий день мы нагнали чабанов, которые сидели вокруг большого песчаного холма вперемешку с углями. Мы разговорились, чабаны вошли в наше положение и спросили, чего бы нам больше всего хотелось. Мы сказали: «Курить!», и нам выдали несколько пачек сигарет. Потом они разгребли песчаный холм и извлекли оттуда огромный хлеб диаметром 1,5 метра. Это был самый вкусный хлеб в моей жизни! Пустыня тогда выпила всю мою глупость, поглотила, как долгожданную влагу, я стал просто жить. Потом эта земля стала мне такой же родной. Я сросся с ее вздорными, неразумными детьми, которые могут писать:

Я устал от житейской качки,
Пропил всё, хоть кати шаром.
Эх, напиться б до белой горячки
И попасть в сумасшедший дом.
Балай

И при этом верить в вечную любовь и прекрасную даму, которая, дыша духами и туманами, садится молча у окна. Я не могу понять всех этих внутренних терзаний, киданий из стороны в сторону в поисках себя, иногда вплоть до самоуничтожения. У нас все проще, ровнее, спокойнее, не так напряженно, но и не так талантливо и ярко. Есть, конечно, много необычных людей, но никто не напишет «Черного человека», а может, и не надо, чтобы это было написано. И иногда так хочется домой, все бы отдал, чтобы обнять Нежану. Она, наверное, замужем и у нее куча детишек, но все равно хочется ее увидеть.

Лотта встрепенулась и встряла в разговор:

— Я знаю одну Нежану. Только ее по имени так никто не называет, все Микулишной кличут. Жила у нее в сторожке в Заколдованном лесу. Она травами и знахарством занимается. Одна живет в лесу, ее суженый пропал много лет назад, а она так и не нашла другого.

— Вряд ли это она, но, если попаду в свой мир — обязательно с ней встречу, защемило что-то внутри от твоих слов.

— А сейчас Вы тоже занимаетесь путешествиями?

— Говорят, пить до дна нужно все: и хорошее, и плохое, но ничто не дает такого ощущения жизни и человека, как путешествия. Да, это мой стиль жизни, только я поставил

его на коммерческую основу, как здесь говорят. Я стал профессиональным выживальщиком. Снимаюсь в фильмах, вожу группы по диким местам: в тайгу, в горы, разрабатываю нужное оборудование. Работаю по всему миру. Это работа для меня. И платят неплохо.

Слава продолжил:

— В последние годы по всему миру прокатилась волна реального безумного увлечения: возникло так называемое движение preppers (это переводится как «подготовка»). Люди собираются в группы и вместе готовятся к возможным глобальным катаклизмам, потенциальному концу света. Для настоящего Prepper нет непреодолимых трудностей и они самоотверженно и решительно готовятся выжить в будущих катастрофах и не просто выжить, а выжить с определенным комфортом. Неважно, из-за чего все это произойдет: природные катастрофы, ядерная зима, беспорядки из-за недостатка пищи или война. В России подобные содружества людей называют «выживальщиками».

Preppers и выживальщики имеют свои сайты, например, мой любимый сайт называется «Гнездо Параноика». Там можно найти кучу полезной информации: как выжить в диких условиях, как сделать пеммикан — своеобразный продукт из мяса, жира и специй, который может храниться очень долго. На этом пеммикане человек может жить несколько месяцев, беря энергию из жира, белки из мяса, добавляя в рацион немного сушеных грибов или ягод. Это известный рецепт еще американских индейцев. Замечательная вещь. Там же на сайте можно найти набор предметов для «тревожного чемоданчика»: предложен минимум вещей, которые в первую очередь понадобятся человеку, если он попал в нецивилизованные условия: спички, ножи, веревки, лекарства, и много чего еще.

Название сайта меня позабавило, и я заулыбалась.

— Не смейся над этим названием, эта Земля действительно постоянно балансирует на грани жуткой войны, а сколько религиозных фанатиков, политиков разжигают огонь ненависти! Этот огонь готов захлестнуть всю землю. Война вездесуща, когда она начинается — забирает все и всех. Люди это чувствуют, и им страшно. Хотя действительно убежать можно только на другую планету. Думаю, проект будет иметь шумный успех.

— Слава, ты будешь нам помогать? Поверь, то, что я рассказала, очень серьезно.

— Вероника, я прагматик. Если это серьезно — да, буду, а если это позволит мне вернуться на свою Землю — тем более. Но ты представляешь себе объем навыков, которым надо научить людей, и сколько всего надо учесть? Ведь там не пойдешь в магазин за углом докупить.

Слава стал совершенно серьезным. Видно, что он уже прикидывает в уме, что и как взять.

— Прежде всего, надо выяснить возможные объемы оборудования, запасов, одежды и пищи, которые мы сможем взять с собой. Если можно взять много, то это одно дело, если нет — другое. Вы понимаете, что уровень комфорта и безопасности переселенцев будет очень разным в зависимости от набора вещей, необходимых для жизнеобеспечения: солнечных батарей, микрогенераторов, защитных барьеров от хищных животных, инструментов, палаток, гамаков, москитных сеток, оружия.

— Вот огнестрельного оружия не будет точно, — встряла Лотта.

— Его все равно когда-нибудь изобретут.

— Лучше позже, чем раньше. Было решено, что его не будет.

— Да ладно, из лука и арбалета тоже можно спокойно убить.

Мы разговаривали уже несколько часов и поражались разнообразию и объему знаний

Славы. Лотта радовалась, как ребенок, тому, что мы нашли такого человека и что он такой простой, бесхитростный. Он сказал, что знаком со многими серьезными, а не показушными американскими выживальщиками и уверен, что они смогут составить план минимум и план максимум и оптимизировать все оборудование.

— Однако оборудование оборудованием, — прервал рассуждения Слава, — но меня интересует вопрос, что за люди будут заселять континент, потому что вначале, пока не произойдет адаптация, акклиматизация, агрегация и другие ции, они должны жить коммуной, колонией, общиной, как ни назови совместное проживание и работу. В одиночку никто не приспособится и не выживет в подобных условиях. Они должны быть настроены на труд не ради оплаты и знать, что впереди не будет богатства, а процветание и райские кущи вряд ли увидят даже их дети, хотя по-разному может быть.

Когда опустились сумерки, к нам ввалился тот мужик, что ловил рыбу на реке.

— Ой, как я замерз! Зато рыбки наловил, — выпалил вновь пришедший.

Слава представил нас:

— Это мой приятель Виктор. Он считает, что все проблемы человечества на Земле от стремления к чрезмерному потреблению и поэтому ловит рыбу, растит огород и разрабатывает идею всеобщего счастья на отдельно взятой планете.

— Ой, как интересно, — проговорила Лотта. — Не зря мы сюда попали. Только давай пройдемся немного по двору, а то засиделась я. Чаю напились, а ты говорила, удобства во дворе. Пошли, посмотрим на лес.

Над лесом, над домом, над дорогой, над миром шел снег. Где-то далеко в деревне подвывала собака, разрушая тишину и таинство миропорядка. Снежинки кружились под фонарем, покрывали шапками черные ветви деревьев, потом скатывались вниз и падали с них с мягкими коротким всхлипом. Земля принимала их, принимала в себя, с тем великодушием, с каким принимает обратно все, рожденное ею. С тем великодушием, с которым примет всех нас с нашими страстями и странностями, с нашими надеждами и отчаянием, со всем нашим миром.

Зима-Морана где-то далеко, а тут тоже снег и зима, хорошо. На меня от этой белоснежной чистоты накатила бездумная беззаботность, захотелось поваляться в снегу или посидеть у теплой печки, рядом с желтоглазыми котами, смотреть из окошка, как падает снег, смотреть на эту красоту с человеком, которому ты не безразлична. Что это со мной? Сколько раз ты обжигалась, Вероника, девочка моя, поди, все было в твоей жизни. Или ты Лоттиными эмоциями отравилась, или ее гормоны влияют. Вдруг четко поняла: я просто устала быть одна. Вокруг столько людей, все крутится, вертится, решается, устраивается или наоборот не устраивается. А может, повлияло прочувствованное за бодрыми словами жгучее одиночество этого удивительно сильного парня Славы, которое сквозило в его рассказе о пустыне, о поисках пути домой, к себе? Не знаю.

«Вероника, постарайся взять себя в руки», — приказала себе и обратилась к Лотте как могла серьезно:

— Лотта, все эти идеи коммунистического рая, на мой взгляд, утопия. Сейчас он нам расскажет, как хорошо жить коммуной и т. д. и т. п. Я не верю. Может, переела идей в юности, а может, еще из-за чего — не знаю. Я считаю, что что бы ни происходило — мир, война, катаклизмы, общественные перестройки в обществе — люди кардинально не изменятся никогда, они просто научатся лучше притворяться.

— Не знаешь, так дай мне послушать, — любопытствовала Лотта. — И почему ты не

веришь, что человек может не стремиться к такой умопомрачительной роскоши, какую мы видели в доме у Лилит, к жизни в этих баснословно дорогих виллах в Беверли Хиллз?

— Думаю, что в природе человека заложено стремление к потреблению во все возрастающем масштабе. Нет, конечно, есть масса людей, которые счастливы, довольствуясь малым, но есть и другие, и их много, если не большинство. Те, которым нравится жить в красивых домах, ходить в дорогие рестораны и магазины, покупать красивую одежду. Те, которые любят и мечтают иметь красивые машины, дико дорогие, как та, что Лилит подарила Михелу. Ты даже не представляешь, сколько она стоит. Да средний американец потребляет в день столько же еды, сколько 32 жителя вполне развитой страны Африки Кении. На свои постоянно растущие нужды в еде, одежде, машинах, другой технике жители Нового и Старого Света тратят бешеные деньги. Ты представить себе не можешь, сколько стоит аппаратура Михела, но без нее он не сможет работать, не сможет делать таких снимков, которые дадут возможность передать его идеи. Снять фильм стоит очень дорого, но люди смотрят их, и эти затраты окупаются. Общество толкает людей на все новые покупки, траты, порой ненужные, но престижные.

— А если изменить то, что является престижным, ведь не это определяет счастье?

— Лотта, мы скатимся сейчас к бессмысленному и бесконечному разговору, что есть счастье и возможен ли рай в шалаше. Но Карен тоже живет во дворце.

— Но он и не стремится к большему. Карену это не так уж нужно, он спокойно почти год скитался со мной и братом по дорогам и ему это нравилось. Я могу жить в домике Микулишны и буду счастлива. Правда, правда. Дворец Карена, а это жилище монарха не такой маленькой страны, едва ли даже близко сравнится с роскошью большинства вилл Беверли Хиллз. Посмотри, разве Катерине плохо в этом занесенном снегом доме?

— Это когда Виктор и Слава рядом, ей спокойно — они помогут, если что, работа-то какая тяжелая. А на мужа надежда небольшая. А сколько ей лет, как ты думаешь?

— Лет пятьдесят пять, под шестьдесят, уже не молодая.

— А ей на самом деле сорок пять. Тяжело она работает. Все на ней — коровы, свиньи, куры, огород, дом. Все тянет сама. Счастлива она? Вопрос. Спокойно это воспринимает? Да. Привыкла? Да. Надо, чтобы все к такому привыкли? Сравни ее с дамами с приема, где мы были. Кажется, им тридцать, а на самом деле сорок пять. Каждому своя судьба, Лотта, это точно, кому что уготовано. И думаю, тем, кто поедет в новую Америку, будет непросто. А девушкам и женщинам, что на это решатся, особенно. Но есть такие девушки, найдутся — и немало. Они и идеей будут жить, и желанием изменить что-то в своей жизни, и мужа своего в трудную минуту поддержат. В последнюю очередь, как мне кажется, они поедут из страха конца света. Я бы не брала таких, кто просто собирается спастись. Романтиков и таких, как ты, любителей природы — да. Умеющих найти в этой жизни прелесть и способных, несмотря на любые трудности, мечтать, что новый мир принесет плоды не только для них, но для всех. Идеалисты и идеалистки? Да. Надолго ли их идеализм? Не знаю. Ладно, пошли в дом, там, поди, нас уже заждались.

Пока мы любовались природой, Виктор ловко почистил рыбу, а Катерина жарила эту чудесную крупную плотву, которая обалденно вкусно пахла. Было тепло и уютно. Хорошо, что мы тут, я чувствую, что Лотта отдохнула. Но как же много еще всего надо решить. Люди, боги, масс-медиа, шоу, выбор места, еще раз люди.

Мы выпили понемногу самогоночки для сугреву и расслабления, потом ели рыбу. Вкусно, хотя спать сразу захотелось, а мы хотели послушать рассуждения Виктора. Он

разошелся не на шутку и вещал, перемежая свои рассуждения с матом, как его ни уговаривали, что тут женщины и девушки. Катерина и сама могла такое загнать, что мама не горюй, но у нее это почему-то звучало вполне органично.

— Многие коммунисты по традиции со времён Маркса и Энгельса не очень любят фантазировать про светлое будущее, — рассуждал Виктор.

— Типа нам, с нашим изуродованным классовым сознанием, этого не вообразить. А я люблю. Люблю представлять коммуну, где в изобилии есть все, что мы имеем сейчас в нашем обществе, и бери, кто сколько хочет.

А мне вспоминались образы Кадавра желудочно удовлетворенного и Кадавра полностью удовлетворенного из Стругацких.

— Что мы имеем сейчас? — вещал Виктор. — А имеем мы жопу без дна, то бишь неограниченное потребление, которое нужно соответственно постоянно удовлетворять. Так что падать нам больше некуда. Лучше давайте кратко сформулирую, пока еще относительно трезвый, основные принципы существования в коммунистическом обществе. Марксисты исходят из здравого соображения, что жопа без дна — это не неотъемлемое свойство человека, а продукт его воспитания в частнособственническом обществе. И имеют основания — потому, что у "примитивов" — в обществе, где нет частной собственности в принципе — жопы без дна не наблюдается. Соответственно, коммунизм — это диалектическое возвращение к "эдемской чистоте" — исправление первородного греха частной собственности, но на новом уровне — не общая нищета, разделяемая на всех, а общее богатство. Здоровые потребности — это потребности, удовлетворение которых не идёт в ущерб остальным, и марксисты считают, что, если в человеке не муштровать жадину с самых молодых ногтей, то у него сформируется железное чувство этих самых здоровых потребностей, а жадничать будет стыдно. Богат не тот, у кого много, а тот, кто умеет довольствоваться меньшим. Я, помню, спросил себя: *«Какого черта мы крутимся? Чтобы заработать деньги? Но на кой черт нам деньги, если мы только и делаем, что крутимся?»* (Стругацкие). И послал все на фиг, вот теперь ловлю рыбу и занимаюсь тем, что мне нравится. Примерно так.

Слава хитро посмотрел на Виктора и спросил:

— А как же они будут трудиться на благо, из-под чего и ради чего, ради отдаленной идеи? Сомнительно.

— С мотивацией дело обстоит схожим образом. Вообще-то, жадность — не единственный стимул к труду-творчеству. Марксисты апеллируют к теоретической модели "хомо фабер" — человек трудящийся. Обращают внимание на то, что, поскольку именно труд отличает человека от прочих животных, это (а вовсе не жопа без дна) является его неотъемлемым свойством и собственно базовой человеческой потребностью. То есть человеку хочется проявляться. Помимо собственно творческого момента тут, конечно, есть момент поощрения со стороны коллектива: "чувство плеча" и удовольствие от совместной деятельности, ну, и там — подбукнуть с дорогими соучастниками после субботника, поговорить о "какие мы молодцы", авторитет (сиречь власть) или, например, популярность у противоположного пола.

Вдруг в разговор встрял Слава:

— Раз уж мы этот вопрос подняли, помню из Стругацких, они вот как о коммунизме говорили... Я тут по этим авторам ударяю, нравятся они мне, — открыл свой планшет, быстро нашел закладочку, — вот, зачитываю: *«Коммунизм — это прежде всего идея! Вы*

обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдется энергичный мерзавец, который с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и всяких других средств вышибет вас вон с этой планеты, а все изобилие подгребет себе под сидалище, и история все-таки двинется своим естественным путем». (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий «Попытка к бегству»).

Мне вообще грустно стало. Мы еще и воспитанием наших переселенцев должны заниматься, воспитывая из них кристально чистых коммунаров! «Человек должен быть простым и ясным» по словам Домарошинера из тех же Стругацких. Или еще хлеще — искоренять в мозгах неверные идеи, как у нас во вполне обозримом прошлом в биологии искореняли идеи генетики, травили «мухолюбов-человеконенавистников».

Мои печальные выводы в несколько другом русле развил Слава, который с ехидцей, но без превосходства посмотрел на Виктора и продолжил смотреть в свой планшет.

— Вот тут цитата прямо про прекрасное будущее и тебя — не верю я как-то, что тебя уже можно переделать: «... Вырастут ослепительной красоты здания из прозрачных и полупрозрачных материалов, стадионы, бассейны, воздушные парки, хрустальные распивочные и закусочные! Сотрудники после служебных часов будут сидеть в библиотеках, размышлять, сочинять мелодии, играть на гитарах, других музыкальных инструментах, вырезать по дереву, читать друг другу стихи!..» А вот ты: «И стихи ты сочинять не будешь. Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или напьешься. Я же тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусочной. Я даже подумать боюсь, что же это будет, если дать вам здесь свободное расписание (Аркадий и Борис Стругацкие «Улитка на склоне»)

— А мне алмазная ни к чему, ты знаешь мои скромные потребности. Я все для — светлого будущего делаю, детей, внуков. Что про настоящее говорить?

— Какой смысл говорить о будущем, его надо делать, — услышала я мысль Лотты. — Выберем людей, способных жить идеей меньшего потребления, но способных к общественному труду, которым интересно трудиться совместно, я почувствую таких людей, как Слава, таких, каких встретила раньше в «Приюте Нужных Путников», таких, как Клевенс, Стефания. Ведь каждый человек в чем-нибудь да талантлив. Надо только выявить этот талант и поддержать его, развить».

«Если бы все было так просто», — подумала я.

Лотта услышала и, кажется, обиделась. Можно попробовать, кто мешает, все равно другого выхода нет.

Мы и не заметили, как пролетел день.

— Я тебе на печке постелила, — встряла в зашедший в тупик разговор Катерина. — Пойду корову подою, работы невпроворот. Заслушалась я вас.

— Я тебе помогу, подчищу в сарае, сена подброшу, — подскочил Слава. — Действительно, заговорились мы тут. Идеи хорошо, но говна коровьи кому-то тягать надо.

Развернулся и ушел.

Виктор сразу завалился спать, а мы с Лоттой еще долго крутились и думали каждая свое. Играли в игру: верю — не верю.

Проснулись выпавшими и отдохнувшими. Пили молоко, налепили вареников с творогом, гуляли вдоль реки и уговаривали Славу лететь с нами в Америку.

— Хорошо, подправлю немного хозяйство, а то Катерине тяжело, и вечером отправимся. Когда я еще сюда попаду. Чувствую, это мероприятие надолго.

Мы взялись помогать Катерине по хозяйству — мыли, скребли, но казалось, что все наши усилия на полчаса. Дом по своей природе не желал быть ухоженным, а оставался таким же запущенным и диким, как лес, что начинался прямо за сараем. Катерина вздыхала, что помощник ее покидает, на мужа и Виктора надежды были небольшие, но она привыкла справляться сама.

— Не балованная я, девчонки, привыкла коровам хвосты крутить. Возьмите вот с собой немного свеженького творожку и молочка, — и сунула нам трехлитровую банку. — Поди, в Америке такого нет.

Слава собрал свои немногочисленные пожитки и документы, обнял Катерину и Виктора, окинул все вокруг грустным взглядом, как будто прощался, и махнул рукой — мол, чего тянуть-то, и мы вскорости оказались в доме Лилит.

Хорошо, что удалось переместиться прямо в дом, так как по всему периметру вилла была окружена кольцом репортеров.

В Беверли Хиллз еще был день-деньской, и не мудрено — разница во времени десять часов. За столом сидел Кощей и что-то писал, нервно покусывая ручку.

Наше появление с банкой молока в руках и незнакомым молодым человеком было воспринято с радостью. Видно, замучили их репортеры.

— Разрешите представить еще одного члена команды — Славу. Он специалист по выживанию и будет руководить подготовкой оборудования и обучением людей.

И представила ему Лилит, Кощей и Михела. Лилит внимательно посмотрела своим особым взглядом на Славу и несколько обиженно махнула рукой.

— Не мой потенциальный воздыхатель, а жаль, хорош мужчинка. Ладно, обожания мне сейчас хватает. Слава, вероятно, Вам придется сегодня пойти с нами на прямой эфир. Хотя бы посидите с умным видом, скажете пару слов про то, что к выживанию на необжитой планете надо серьезно готовиться. Определенная конкретика нам понадобится. Вы согласны? Как только Вас одеть?

— Лилит про «одеть» и «выглядеть» заботится, а я тут устал от мыслей и проблем. Лотта, нужно решать вопрос, куда переселять, конкретизироваться с местом. Про это очень спрашивают, — проговорил Кощей и продолжил. — Я тут продумываю очередное выступление на телевидении. Вчера с Лилит два раза делали предварительную съемку, а сегодня будет прямой эфир. Эх, нелегко мне это дается. Эти лампы, камеры, сидишь, как на сковородке или в пыточной. Вон только Лилит цветет, ей чем больше внимания, тем лучше. Но она умница, если что не знает — отсебятину не несет. Тут, оказывается, столько вопросов выплывает, еще думать и думать. Слава, вы с Лоттой давайте поешьте, да подключайтесь к работе. Времени в обрез.

— У меня возникла мысль. А почему бы не переселиться в те же места, куда переселялись первые англичане — в Вирджинию, или испанцы — во Флориду? Это будет символично, да и климат там мягкий, и природные ресурсы — уголь, соль, лес, рыба. Это позволит народу успешно обжиться в этих районах.

— Надо подумать, — сказал Кощей.

— А я знала Джона Смита, — сказала Лилит, — да, того самого, который участвовал в первопоселении в Вирджинии. Интересный был человек. Познакомились, когда он обивал пороги при дворе. Судьба у него удивительная, и шарм, и харизма, и авантюризм, и ум в

придачу. Адская смесь. Такие люди входят в историю. Он, конечно, в меня влюбился. Все, к кому я проявляю интерес, влюбляются. Он даже остров назвал в мою честь.

— Лилит, у тебя тогда, что, было другое имя? — спросил Михел.

— А как вы представляете существование женщины с именем Лилит в религиозной дофанатизма Англии? Меня звали Анна. Благопристойное имя.

Слава смотрел на Лилит широко открытыми глазами. Он-то не знал, кто она такая, мы не успели озвучить — не было времени, да и казалось, что пока это лишняя информация. Вот только Лилит не могла не прокомментировать свои знакомства. Только бы на телевидении ничего такого не начала рассказывать. А то отправят нас всех лечиться к психиатру, вместо того, чтобы поверить и раскручивать переселение.

Да, компания у нас тут подобралась! Лилит, Кощей, Лотта — все практически бессмертные, только мы с Михелом, да Слава к нам присоединился.

Слава-таки не вытерпел и попросил ее рассказать о тех событиях и, конечно, о Джоне Смите.

— Я познакомилась с ним в салоне одной богатой дамы, где он рассказывал о своих приключениях. Его часто приглашали развеять светскую скуку. Он был чудесным рассказчиком. Помню глаза — ясные и умные, которые смотрели на мир с жадной жаждой узнать и увидеть все, что можно увидеть. Огонь путешествий и авантюры горел в нем сильнее, чем в ком-либо из моих знакомых. А время было интересное, многие стремились увидеть мир и завоевать новые земли для Господа. При более близком знакомстве он признался, что родился в простой семье, но хотел путешествовать. Горячий, смелый, харизматичный, отлично владел оружием — приятно вспомнить. За победу в бое с турками перед началом основного сражения Трансильванский государь Сигизмунд Баторий посвятил его в рыцари и даровал дворянство. Потом опять война, плен в Османской империи. Как рассказывал, в него влюбилась княжна, но хотела, чтобы он принял ислам, а он отказался, за что был продан в рабство куда-то в Крымское ханство, бежал, выживал в степи, попал к запорожским казакам, прожил у них два года. За смелость в боях и мастерство владения оружием получил звание запорожского казака, которое добавил к своим честно заработанным ранее звучным титулам — «капитан» и «рыцарь». Он рассказывал, как преодолел 20 тысяч километров, пройдя через Украину, Польшу, всю Европу, попал в Марокко и оттуда вернулся домой в Англию. Ему все равно было мало, и он отбыл на корабле с первыми переселенцами в Америку и организовывал первую английскую колонию Джеймстаун. Слышала, если бы не он, мероприятие могло бы вообще провалиться. Руководство было никакое, многие не хотели работать, так как были знатного рода. Слишком много случайных людей, ленивых и не приспособленных. Но его энергия и здравый смысл помогли. Это Джон ввел тогда правило «кто не работает, тот и не ест». У него была замечательная история с индейской принцессой Покахонтас, она спасла его, закрыв своим телом. Говорил, что она в него влюбилась. Врал, наверно, ей тогда только 11 лет было, но спасла. Кстати еще один титул — «адмирала Новой Англии» — заработал. Потом не встречалась с ним, но читала его книги. Мы переписывались, и в одном письме он признался, что назвал в честь меня мыс Кейп-Энн, потому что любил и никогда не забывал меня. Приятно вспомнить.

Слава слушал очень внимательно и наконец изрек:

— История образования колонии была очень трагической, много людей погибло, насколько я знаю. Как бы у нас так не вышло.

— Будем стараться. Давайте разработаем план, о чем будем говорить сегодня на

телевидении.

Вечером мы с Михелом остались дома одни. Он включил телевизор и пригласил меня смотреть передачу.

— Ой, как это возможно, — услышала я Лоттины ахи. — Невероятно. Да, правда, фантастика.

Мы уселись на диван и стали переживать за нашу команду. Досталось всем. Вопросы были самые разные — и по делу, и дурацкие.

Лилит пришлось отдуваться по поводу и женского вопроса, и скорости роста народонаселения. Услышанная информация о том, что не хотелось бы, чтобы пары имели более трех детей, вызвала невероятную дискуссию. Публика осознала, что человечество слишком быстро размножается и это одна из основных его бед. Людей слишком много, и гуманизм, ввевшийся в сознание — это не от мудрости, люди привыкли жить своими «хочу» и как решать эту проблему? Вопрос так и остался открытым, но Лилит оставила последнее слово на эту тему за собой и сказала, что уверена — мудрость восторжествует.

Один молодой парень не мог не спросить, а будут ли брать на переселение однополые пары? Если нет, то он считает негативное решение вопроса дискриминацией по половому признаку.

Тут Лилит меня удивила и порадовала.

— Этот хваленый либерализм не позволяет многим высказаться так, как они думают на самом деле, не только в этом, но особенно в религиозных вопросах.

Лилит вещала, поразив меня своими познаниями и способностью так научнообразно, со знанием дела, изъясняться.

— У нее практически абсолютная память, — вздохнув, напомнил мне Михел. — Она может забыть только то, что хочет забыть.

— Мне надоела спекуляция в вопросе с гомосексуалами. Живите, как хотите. Да, действительно, в конце прошлого века особенно сильно было распространено представление о том, что сексуальная ориентация детерминируется наследственностью. Однако сейчас некоторые ученые, как психиатры, так и нейрофизиологи, настаивают на том, что наличие корреляции между анатомией мозга и генетическими факторами с одной стороны, и сексуальной ориентации с другой вовсе не означает, что существует прямая причинно-следственную связь. Многие выдвигают аргументы в пользу того, что наши сексуальные влечения и поведение в большей степени определяются социальными, а не биологическими факторами. Чем больше мы носимся с гомосексуалистами, тем больше их становится. Пусть живут, как хотят, здесь. А если это измененная структура ДНК, то зачем нам такие гены на новой планете?

Что тут началось в зале! Визг и топот, но Лилит на такое не возьмешь. А потом она просто вынесла окончательный приговор.

— Нам нужно, чтобы люди прижились и родили детей. От однополых браков этого не дождешься — это самый главный аргумент.

Кощею пришлось дискутировать о правах и обязанностях колонистов. Он, сказал, что мы много думали об этом, изучали и библейские принципы, и даже разработанный в России кодекс строителей коммунизма. Потом достал Библию, показал ее и сказал:

— У вас на Земле так и не научились жить по заповедям, будем надеяться, что у нас это получится. Коммуна — это трудно, вопрос до конца не проработан. Будем брать что-то из опыта израильских киббуцов, других коммун. У кого есть предложения, милости просим —

обсудим.

Множество вопросов досталось Славе, но он с честью, как-то по-военному кратко, не разглагольствуя, отвечал на них. Тема еды, питья, жилья, безопасности была особенно близка людям. Хлеб насущный, куда же без него. Публика просила показывать чуть ли не ежедневно, как решаются проблемы с оборудованием, на что Слава сказал: «Конечно-конечно» и даже пообещал курировать это лично, но поручить трансляцию работ по телевидению посоветовал профессионалам.

После трех часов прямого эфира даже бессмертные прибыли домой на последнем издыхании от усталости и, выпив мятного чаю, завалились спать. Тяжело, ой, тяжело и слишком резко все началось. Потянем ли?

— Надо оптимизировать, рационализировать дела и делегировать часть задач на других людей, иначе мы загнемся, — удаляясь к себе, сказал Кошей, — жаль, Василисы нет, она бы смогла хорошо вести делопроизводство, но не хочу, чтобы она перенапрягалась, хочу здорового мальчика. Надо думать, кто это будет делать. Эх, было бы у Вероники тело, лучше кандидатуры не придумаешь. Но, увы, имеем два в одном. Может, уже пора разделить их? У Лотты знания Вероники имеются.

Шоу продолжение. Вероника

Вся следующая неделя прошла для Лилит и Кошея в череде встреч с организаторами шоу и выступлениями на телевидении, подготовками к съемкам и т. д. Михел вечерами изучал существующий и уже не существующий в результате деятельности человека животный мир Америки. Где кто обитает, чтобы можно было найти и отснять.

Слава звонил, встречался со своими знакомыми выживальщиками из Америки, они формировали списки оборудования, необходимых продуктов по сжато и расширенному варианту. Слава ругался и заявлял, что из-за неясности в дозволенном размере переноса им приходится делать двойную работу. Ну как ему скажешь, что Бог не выходит на связь? И как эту связь установить, никто не знал. Лотта считала, что с ними свяжется кто-нибудь из богинь их Земли и тогда будет ясно, а пока нужно ждать.

Лотта каждый день перемещалась с Михелом по разным известным каждому американцу и не американцу местам Америки. Михел снимал, чтобы потом сравнить и показать различия данных мест на Первой и Второй Земле. Я смотрела и удивлялась, как же мы плохо знаем эту страну, а потом думала: а ведь они и свою, и тем более нашу тоже не сильно знают.

Мне Америка нравилась, конечно, не с ее бешеными городами, а дикая. Лотта тоже считала, что ей на этот раз досталась замечательная часть работы, но все понимали, что скоро появятся люди, и вот тогда ей придется не сладко, а они уже писали и присылали свои резюме. Я их просматривала и систематизировала, когда Лотта отдыхала. У меня получалась двойная нагрузка, но уходить в подсознание, когда мы посещали, например, пещеры Лурей в Виржинии, конечно, не хотелось. Они восхитительны.

В субботу вечером мы стали собираться домой. Отдуваться за всех на этой неделе предстояло Лилит, но она смеялась, радовалась вниманию и ни о чем особо не волновалась в отличие от нас. Так, Кошей волновался о Василисе, Лотта скучала о Карене, Слава мечтал и боялся встречи с Нежаной — вдруг это не та девушка? А еще хуже, если та — да не та или та, да вообще его не помнит. Михел надеялся встретиться с родителями и братом и радовался

возможности поснимать на незаселенном континенте. И только мне было все равно, где находиться.

Почему-то хотелось от всей этой суеты уединиться и побыть одной. Я могла уйти в подсознание Лотты и отключиться, но это было как-то неправильно. Не по-человечески. Коммунальная квартира есть коммунальная, и быть вечной приживалкой не хотелось. Тут еще впереди Лоттина свадьба, ее радость и счастье. И мы в кровати вдвоем. Б-рр. Вроде я уйду и не слушаю, а мысль, что я могу в любой момент появиться в ее сознании и окажусь ненужным свидетелем ее счастья, казалась кощунственной и не только не радовала, а пугала. Да и потом, ее воспоминания о времени, проведенном с любимым: казалось, я подсматривала и подслушивала, скорее последнее, хотя и некоторые образные воспоминания проскакивали. Мы обе понимали, что вопрос надо решать. Мои знания уже укрепились в ее голове — знания языка и даже компьютера. Если бы Лотта не комплексовала, то у нее даже с этим проблем вообще бы не было.

А еще я по-своему ревновала, ревновала Михела к Лотте. Мое женское естество почему-то никуда не пропало с потерей тела, только еще более активно проявляло себя в молодом теле Лотты. Оно, подхлестнутое гормонами семнадцатилетней девушки, будоражилось от безумно сексуального вида парня. Я смотрела на лицо, на губы, казалось, готовые зацеловать до безумия, но не меня. Косая челка, которую он поправлял легким касанием руки или едва незаметным взмахом головы, чтобы не лезла в глаза, и глаза цвета горячего шоколада, расплавленного, тягучего. Я не могла не чувствовать обожающий взгляд этих глаз, обращенных на Лотту. Обжигающий, полный тоски по несбыточным отношениям, взгляд парня на другую девушку, парня, который мне был симпатичен. Иногда он увлекался работой, и Лотта была для него просто объектом искусства, но иногда его глаза темнели почти до черного, руки крепче сжимали камеру, его внимание было приковано к лицу и фигуре Лотты, словно она была средоточием всей вселенной. Но километры печали отделяли его от этой девушки, она уходила от него по параболе, и ее нельзя было ни догнать, ни остановить. Я запрещала себе об этом думать, но это как в притче: «не думайте про белых обезьян» — нельзя думать, но думается. Опять запрещаю себе эти мысли и еще... Еще хочу пройтись своими ногами по траве, сорвать цветок своими руками, расчесать волосы и дотронуться до них своими пальцами. «Да мало ль чего я хочу, — сказала себе сердито — *«но мама спит, и я молчу»*. Нужно вырабатывать иммунитет на всяких сексуальных... ну понятно кого, и научиться убегать от мыслей о нем не как последняя трусиха, а как умудренная жизнью женщина сорока лет. Все. Закрыли тему».

Наконец, отоспавшись в воскресенье до позднего утра, мы начали собираться. Собрали всю аппаратуру Михела, а ее было очень немало. Кощей тащил с собой домой компьютер, набитый кучей информации — вся Википедия была скачана, другие справочные библиотеки, художественные книги и всякая полезная информация. К компьютеру прилагался мини-генератор, который весил всего один килограмм и работал от любого топлива, хоть на дровах. Слава сказал, что такие генераторы будет брать с собой каждый переселенец, совсем без электроэнергии не обойдемся — и телефоны нужно заряжать — связь-то нужна, и шокеры — диких медведей отпугивать и периметр проживания от них огородить, пока людей не много.

— Вот так и прибывает в мир тихий и не агрессивный несвойственная ему информация и предметы, — немного огорчалась Лотта.

Лилит еще раз заставила Лотту сходить с ней по бутикам и приобрела ей несколько

нарядов и туфель, а главное, в подарок купила ей великолепное свадебное платье. Хотя Лотта отнекивалась и говорила, что феи сделают ей потрясающий наряд, Лилит не сдавалась.

— До такого фасона ни одна фея не додумается, — уверяла она и приобрела-таки платье и чудесные удобные элегантные туфли. — Только больше не оставляй свои туфельки никому, а то претендентов только обнадеживаешь, потом динамишь, — почему-то начала ерничать Лилит, глядя на Михела.

Стоящий рядом парень совсем расстроился и неожиданно даже для себя сказал:

— Лотта, а действительно, как же теперь та туфелька, что попала ко мне в руки? Ведь по закону жанра и моей женой ты должна стать.

— Михел, ты что, о шведской семье помышляешь? — захохотала Лилит.

Казалось, ничто не может выбить ее из состояния веселья и легкого подтрунивания над окружающими. Я ей поражалась.

Лотта печально наклонила голову. Она переживала, мучилась, рефлексировала, страдала — в общем, я ощущала весь спектр этих эмоций, возникающих у нее почти всегда, когда Михел был рядом.

«Совестливая ты наша, — подумала я. — А что поделаешь?»

А Лилит посмотрела на расстроенного Михела и вдруг продолжила неожиданно зло:

— Снимем мыльную оперу со сценами: ангел по имени Лотта, сошедший с небес, с печальной улыбкой смотрел на несчастного воздыхателя и думал: клонироваться бы, раздвоиться, чтобы всем было хорошо. Туфельки две, принца два, а я такая молодая, семнадцатилетняя, маленькая, неопытная девочка Лотта и у меня только одно сердце, отданное смертному Карену. И это сердце разрывается от бессилия, потому что Михел — брат Карена и мой родственник, а когда брату мужа плохо, то плохо и мужу. Как верная жена, я должна заботиться о ... обо всех, и я помогу Михелу перенести эту боль. Потому что я знаю... что? Что я знаю? Ах да: «В мире много людей, которые умирают от голода, но еще больше тех, кто умирает от того, что им не хватает любви». (Мать Тереза). Я не дам ему умереть от любви ко мне. Я, наверное, попрошу Лилит превратиться опять в меня и удовлетворить его страсть. Но он заметит подмену и ему будет больно. Что делать, что делать? Ах, я не знаю, что делать.

— За что ты со мной так? — тихо спросила Лотта.

— Ненавижу сопли, а еще ты расслабилась и забыла, что я стерва. Никогда этого не забывай, со мной нельзя расслабляться. И мне, этой стерве, по-своему дорог Михел. Несмотря на связь со мной, на множество поклонниц на этой Земле, он остался безумно невинным романтиком, и все из-за тебя, Лотта. Почему? Обида женщины, которой предпочитают другую, тоже фактор. Ты забыла, что я женщина, а когда женщина видит, что добыча, то бишь мужчина, уходит, она хочет ее вернуть, даже если не очень-то нужно. А он — отец моей дочери. Я к нему за месяц привыкла и по-своему привязалась, и мне не нравится, когда ему плохо. Ты поняла? А теперь отправляйтесь, куда собрались. На свадьбе я появлюсь, и не надейся.

Дорогу на свою планету и остров Буян Лотта нашла без проблем. Вскоре мы стояли возле Дерева Мироздания и смотрели на суровый северный пейзаж острова. К нам летели тетушки, Кот вальяжно слез с дерева и уже обтирался о ноги Лотты.

— Я домой, — быстро сказал Кощей. — Уже невмоготу как домой хочется, и Славу с собой заберу, нечего ему на Буяне делать, а у нас с Василисой от него польза будет. Михела

оставляем пока с тобой, Лотта, пусть с тетушками познакомится, вдруг удастся их сфотографировать и вдруг, о чудо, они проникнутся ситуацией и помогут хоть в этом. Пока, пока, — и, схватив за руку Славу, исчез в портале.

Дальше последовали объятия, слезы, изучающие взгляды на гостя, улыбки, упреки, печаль — все, что можно ждать от встречи с родственниками. Сытный обед и дотошные расспросы, все как полагается.

Тетушки очень настороженно смотрели на Михела: сколько лет на Буян не ступала нога человеческая, даже Карен здесь не был, официальное знакомство с Лоттинскими родственниками еще не состоялось, а свадьба-то уже в конце недели. «Ой, как скоро, — пронеслось в голове Лотты. — Что делать будем?»

— Давай отпустим Ха побродить по острову, — сказали тетушки, — пусть Кот покажет ему красоты, он пофотографирует, мы разрешаем, но потом посмотрим, что можно показывать людям. А мы пока побеседуем: соскучились по тебе, и грусть-печаль наша никуда не делась, ты ведь чувствуешь?

Еще как, но пока помочь ничем не могу. Хотелось бы тоже душу бабушки поискать и попробовать побеседовать.

А в это время на Буяне

Кот Баюн, гордо задрав хвост, вышагивал впереди Михела. Ему было что показать на любимом острове — и Дерево Мироздания, и Алатырь-камень, и терем, да и красиво вокруг было: елки, березки, кустики разные — загляденье.

— Ты фотографируй, фотографируй, не ленись, только точно не все разрешат показывать. Думаю, никто не разрешит показывать Алатырь-камень — незачем о нем вообще знать людям, хоть на той, хоть на этой планете, а природу снимай, сколько хошь, она у нас красивая. Меня можешь во всех видах снимать, я фотогеничный, красивый, большой, пушистый. Ты ракурс-то, ракурс хороший выбирай, — все переживал Баюн. — Коты, они хорошо на снимках смотрятся, а я особенно должен хорошо выйти. Ты для масштаба девушку горничную, что посимпатичней, выбери, а я и на задние лапы могу встать, и усы распушить. Как я лучше смотрюсь, с пессимистическими усами или когда они вперед топорщатся?

— Красиво у вас тут, правда, только безлюдно. Тебе не скучно, Баюн? — спросил Михел.

— А чего скучать, я с тетушками поговорю, с Вечеркой и Зарей-Заряницей, они веселые обычно, особенно Зорька, а как повеселиться захочется, пойду покушаю. И работа у меня имеется — по цепи ходить, думу думать.

— А о чем думаешь?

— О мироустройстве, естественно. Размышляю о том, что такое хорошо и что такое плохо в чистом виде. Это в пустой голове мысль пробежит — и лови ее, а в моей они табунами ходят: иду направо — и они со мной, налево поворачиваю — они тоже бегут догонять меня наперегонки, так что скучать некогда. А ты чего такой печальный?

— Как же мне не быть печальным, Баюн? Люблю я девушку, полумесяцем бровь, а она меня не любит, и мне печально и томительно в этой жизни находиться. Хоть и люблю творчество, да одного его мало, мне девушку бы приобнять, к себе прижать, поцеловать и еще... поцеловать.

— Да ты романтик, как я погляжу. А за что ты ее так любишь?

— За глаза небесной синевы, рот алый, волосы белокурые волнистые, вообще за красоту ее неписаную. Вот фотографирую ее, фотографирую, а всей ее красоты передать не могу, не удается. Неземная она, эта красота.

— Да, красива Лотта, вся в бабку пошла, та тоже красоты неписаной была, да вот глядишь, все пропасть может, закопаем в землю — и прости-прощай.

— А она что, жива еще, старенькая уж поди совсем? — сочувственно спросил Михел. — Лотта ничего не рассказывала про ближайших родственников.

. — А хочешь, пойдём на нее посмотрим? — предложил Кот. — К тому же гора красивая.

— Ну, если гора красивая, то пойдём, — согласился Михел.

Долго ли, коротко ли шли они к пещерке, где бабушка в летаргическом сне лежала, только за красотами природы и постоянными съемками и не заметили, как дошли. Кот первый в пещерку юркнул, поклонился, скупую кошачью слезу смахнул лапой, крышку сдвинул, чтобы локон непослушный поправить, и присел перед Лебедушкой. А Михел так и застыл с открытым ртом. Лотта была красива, а бабушка-старушка, как он думал поперву, когда решил навестить ее, была еще красивее. Не было в ней мальчишеской угловатости, что так и сквозила во всех движениях Лотты, тинейджерского максимализма, а была только красота ангельская в чистом виде. Это и увидел наш ценитель прекрасного.

— О, как она прекрасна! — только и смог вымолвить Михел и упал на колени в изголовье Лебедушки, а потом, не зная, что нашло на него, припал жадными устами к ее алым даже в гробу губкам и поцеловал долгим поцелуем.

И, о чудо, затрепетали густые ресницы и открылись прекрасные глаза, посмотрели на парня, так что он отпрянул в ужасе.

— Зомби, воскликнул Михел, она зомби — в глазах полная пустота. Баюн, как такое может быть?

Кот подскочил ближе. Лебедушка уже приподнялась в гробу, смотрела прямо на посетителей ее пещерки и молчала. Но смотрела так, что у Баюна шерсть на загривке дыборем встала от ужаса.

— Правда, зомби, — проговорил Кот. — И что делать будем?

А девушка, то бишь бабушка, уже поднялась в гробу и норвила из него выйти — надоело, видать, столько лет лежать, мышцы размять захотела.

Михел, хоть и боялся, но все-таки помог даме спуститься на землю и, почувствовав, что есть его никто не будет и зомби вполне себе не опасное, подал ей руку и вывел из пещеры.

— Что делать дальше будем, Баюн, как это получилось-то? — шепотом спросил Ха.

— Так поцеловал ты ее, вот она и очнулась. В предании сказано, что проснется она от своего летаргического сна, когда поцелует ее принц, который образ ее каждую ночь во сне видит. Вот ты, видать, и подошел под эту категорию целовальщиков.

— Так я не ее, а Лотту каждую ночь во сне вижу.

— Лотта на нее как две капли воды похожа, там в предании, видать, не уточнялось, кого ты должен во сне видеть — Лотту или бабушку ее. Образ, он образ и есть: поцеловал — распишитесь и получите. Очнулась наша Лебедушка, — и у Кота покатила еще одна скупая слеза.

— Чего ты плачешь и что это за дела такие странные происходят? И, кстати, почему это она, эта красавица, такая... бездушная, что ли? Вижу, какая она красавица неземная, сам люблю внешнюю красоту и специально иногда убираю выражение глаз на своих

фотографиях, чтобы душу не было видно, но они у меня все равно живые, а эта — зомби.

— Ох, беда у нас произошла, сердечный, — запричитал Баюн. — Улетела недавно душа Лебедушки в слои и не хочет возвращаться. Хочет в новое тело встрять и жизнь человеческую прожить. А без души, видать, и сознание разрушилось, осталось только тело красоты неземной, так и то, если не вернется в него душа, вскорости в труп превратится. Ох, беда-то какая у нас! Беда. Птицы наши вещие и так в горе пребывают, а как увидят ее ходящей — вообще не знаю, что с ними будет.

— А если еще раз душу попробовать попросить вернуться или другую душу найти и уговорить вселиться?

— Тебе легко говорить: другую душу найти не просто. Для процесса одушевления сродство структур должно быть, а то, если произойдет отторжение, и душа и тело погибнуть могут.

— Так что же делать-то?

Михел хоть и опечален, и удивлен был, а фотоаппаратом судорожно щелкал, каждое движение Лебедушки норвил запечатлеть. Творческие люди, они такие — «творческие», одним словом.

— Что-что, пойдем к терему, с птицами пообщаемся. Она сестра их родная любимая, может, что и придумают, — решил Кот.

Михел больше не боялся очнувшейся ото сна девушки — бабушки, он осторожно взял ее нежные пальчики в свои сильные мужские руки и повел по тропиночке в терем.

Ой, что начало твориться в тереме, что начало твориться, когда Кот с Михелом и Лебедушкой появились у порога. Лебедушку и обнимали, и целовали, и плакали на ее груди, и крыльями по ней похлопывали, и поворачивали, и опять целовали, обнимали и слезами поливали, только все безрезультатно — как есть кукла неживая была Лебедушка. Ни вздоха, ни эмоции на прекрасном лице. А потом она отстранилась от родственниц и пошла к Алатырь-камню, легла на сыру землю, обняла его руками и погрузилась то ли в сон, то ли еще какое неясное никому состояние.

— Видать, камень ее тело к себе тянет и греет, возле него она не замерзнет, и отныне так и будет лежать, пока не помрет, — сказал Кот. — Лежит, точно чудовище в сказке об аленьком цветочке. Только тот цветочек обнимает, а она Алатырь-камень.

— Какое еще чудовище? Сам ты чудовище бездушное, — тетушки замахали на него крыльями.

Крылья-то не очень поднимались, намokли от слез, но видно было: понимали, что Кот прав.

Вечером никто не ужинал, аппетиту не было, даже Кот только умылся и, не емши, прикорнул на своей цепи.

Лотта очень хотела отправиться к Карену, да тетушек было жалко, безутешные совсем они, одинокие в своем горе. Поэтому посидела с ними, пока они совсем не стали клювами клевать, да и пошла в свою горенку. Один Михел все сидел возле Алатырь-камня, смотрел на красавицу, а о чем думал — никто не знал.

Ну и неделька выпала. Полеты над континентом

Утром мы с Лоттой и Михелом засобирались в дорогу. Планы были большие, можно сказать, грандиозные. Прежде всего, надо было навестить Карена и его родителей. Михела

они не видели кто знает сколько, испереживались, поди, сильно. Карена тоже хотелось увидеть, а после этого надо было перемещаться через океан и снимать этот незаселенный континент. Работы масса, как все успеть — никто не знал, но все знали, что успеть надо. А еще в субботу свадьба.

— Ой, как некстати, — говорила Лотта, но на самом деле ей хотелось побыть невестой в красивом белом платье от кутюрье, как и любой девушке.

В первый день по приезде мы ночевали в замке у Карена. Родители разрывались между желанием наговориться с Михелом и возможностью поближе познакомиться с невесткой. Они оценили аппаратуру сына и смотрели на него, как на волшебника. Таких механизмов здесь никогда не видывали, жалели только, что фотографии распечатать на этой Земле невозможно было. Так ознакомились с ними, в режиме просмотра.

С начала недели Ветер, Лотта и Михел летали над Америкой. Вот это времяпровождение было Лотте по душе, да и мне нравилось. Кругом простор, ни души человеческой, только стоит над прериями топот от тысяч ног могучих животных. Лотта сама периодически расправляла крылья и парила над землей. Михел расставлял штативы, налаживал аппаратуру и снимал. Бизоны нас особенно впечатлили. Они были хозяевами этой страны, ее бескрайних просторов. В тот раз Михел снимал спокойно пасшееся стадо, но неожиданно что-то произошло, и это огромное скопище животных сорвалось с места и понеслось неведомо куда, выбивая копытами траву и сминая все на своем пути. Лотта взлетела в воздух, попробовала, но не смогла приподнять Михела, и, если бы не Ветер, которому удалось в последнюю минуту поднять парня вместе с аппаратурой в воздух, вряд ли от него осталось бы даже мокрое место — затоптали бы.

Думала, после увиденных в таком количестве бизонов, ничто меня уже так не впечатлит, но когда добрались до Аляски и увидели пусть небольшое, но стадо мамонтов, то дыхание замерло. Идут — кажется, земля дрожит. Такого никто еще не видел, точно, и уж тем более не снимал ни на этой, ни тем более на той земле, разве что Ветер видел. Лаки улыбался и был готов ради Лотты и на Луну слетать. А что, он и это мог.

Вечером Лотта и Карен гуляли в саду, а мне все время приходилось прятаться в подсознание. Моя подруга была как сжатая пружина, любовь обволакивала и уводила в заоблачные дали, но никуда не делось переживание за родню, чувствовала она их печаль даже на таком расстоянии. Предложила было даже свадьбу отменить. Но тетушки переживали, чтобы не было лишних разговоров о том, что невеста с животиком, поэтому настаивали на быстрейшем совершении обряда. И еще им верилось, что что-то придумается, и Лебедушку можно будет вернуть к нормальной жизни. Кот сообщил, что она возле Алатырь-камня не менее двух месяцев живая пролежит, так что время есть на попытки душу ее уговорить. Но не успели.

В среду вечером мы прибыли на Буян с двумя клеточками, в каждой из которых сидела пара странствующих голубей. Поимкой этих голубей занимался Лаки, и это было для него несложно. Птицы уже слетели с мест гнездования и мигрировали в более теплые места на зимовку, но мы видели на одном дереве колонии, насчитывающие до сотни гнезд. Встретили огромную стаю, где, по нашим скромным подсчетам, находилось несколько миллионов птиц. И как такое количество можно было истребить? А ведь последний голубь был убит то ли в конце 19-го, то ли в начале 20-го века. Невероятно. Неужели это повторится? Стая, которую мы видели, была огромная, и легко было представить, что если такая туча приземлится на твое пшеничное поле, то не останется ни зернышка. Вспомнила, что пулемет

придумали прежде всего для борьбы с этими голубями. Придется придумывать что-то, чтобы их отпугивать от посевов переселенцев. Голубки нервничали, но это было необходимое доказательство, что существует планета, где все так, как было в самом начале заселения Америки на Первой Земле, пока алчность и легкомыслие человека не проявились в полной мере.

Еще в тот день с нами был Карен, нужно было познакомить его с тетушками. Ужин прошел в теплой дружественной обстановке, особенно учитывая тот факт, что был поздний вечер, тетушкам была пора спать и они клевали носом. Карен был впечатлен и вел себя галантно и предусмотрительно. Михел сидел хмурый и печально смотрел в окно, из которого был виден камень и обнимающая его фигура девушки. Бездна этой картины повергала всех в отчаяние.

Вскоре тетушки улетели отдыхать, а мы пошли пройтись и поговорить с Котом.

— Она так похожа на тебя, — глядя на Лебедушку, проговорил Карен, печально опускаясь на колени перед девушкой.

— Спроси у Макошь, — обратился он к Лотте, — все равно с ней надо поговорить и выяснить целый ряд вопросов с кораблем и доставкой продуктов и оборудования на континент. Слава волнуется, я вчера с ним познакомился, обещал сводить его завтра в Заколдованный лес. Он размечтался, что твоя Микулишна и есть его Нежана. Жаль, если разочаруется.

— Хорошо, — согласилась Лотта, — только давайте проводим Вечерку, а потом я попробую позвать Макошь, если получится.

Звать никого не пришлось. Воздух сгустился, завибрировал, и перед нами появились не одна, а сразу три богини — Макошь, Лада и Морана.

— О, — только и послышалось из наших удивленных ртов.

Макошь выглядела усталой и озабоченной, Лада смотрела спокойно и оптимистично, а сквозь холод взгляда Мораны проглядывало какое-то сочувствие, что делало ее лицо менее божественным и более человеческим.

— Лотта и Вероника, — довольно официально обратились они к нам, — нам надо поговорить наедине. Жаль, тетушки спят, но решать сейчас вам обеим.

Мы все напряглись, так как слова Макоши звучали так, что ничего хорошего ждать не приходилось.

— Пойдемте к Алатырь-камню.

Мы, то бишь Лотта, попросили парней не волноваться и пошли к камню.

— Мы троим: я, Лада — Жизнь, Морана — Смерть и Макошь — хранительница судеб, хотим сообщить тебе, Лотта, печальное известие. Душа Лебедушки сделала свой окончательный выбор и переместилась в тело новорожденной девочки, если она теперь покинет его — девочка умрет. Это означает, что она приняла окончательное решение не возвращаться в свое бывшее тело. И еще это означает, что ее собственное, оставленное тело, может спасти только скорейшее заселение в него новой души. До сегодняшнего момента тело и, что важно, мозг могли пару месяцев сохранять свою здоровую нормальную структуру благодаря тому, что они находятся в особой среде острова Буяна, и связь с душой была не полностью разорвана. Даже находясь в слоях, душа Лебедушки общалась с телом, посещала его, пусть изредка, подпитывая его, продлевая его существование. Но теперь все, душа обрела свое новое местожительство и прервала всякую связь с телом, и вскорости оно начнет разрушаться, как у обычного человека. Мы предлагаем вам подумать о возможности

переселения в ее тело души и сознания Вероники. Решать придется быстро и хотим сразу предупредить, что риск для перемещаемой души велик. И, что прискорбно, если переселение не удастся и новая душа и тело не совместятся, то душа Вероники улетит в слои, а тело Лебедушки погибнет.

Мы дружно ахнули. Так неожиданно.

— Но шанс на успех имеется, и вовсе не маленький, — продолжила Макошь. — Душа Вероники находилась некоторое время внутри тела Лотты, внучки Лебедушки, поэтому вероятность совместимости у них довольно высокая. Мы постараемся сделать все возможное, чтобы переселение прошло успешно. Втроем мы многое можем. Морана — смерть осуществит ритуал смерти, без которого невозможно новое рождение, Лада — рождение новой жизни и принятия души телом, я создам и привяжу нить новой судьбы.

— Огласите весь список возможных неприятностей, — попробовала пошутить я, хотя было совсем не весело.

— Есть еще одна серьезная проблема не только для души Вероники, но и для Лотты. Ваши души с Лоттой срослись, пока находились вместе в одном теле, и, когда будет рваться связь, существует большая вероятность неуправляемого разделения их, и души могут улететь в слои. В этом случае нужна привязка души к кому-то, кто остро нуждается в ней — любит ее. У тебя, Лотта, есть душевная привязка к человеку, который тебе нужен и важен на этой земле, и ты ему нужна, как воздух — это твой любимый и вскорости муж Карен. Так. А Вероника? Кто нужен ей и кому нужна ее душа? Кто будет ждать ее на земле? Возникнет ли у ее души желание, выйдя из одного тела и почувствовав свободу, не улететь в слои и раствориться в них? Многие души, случайно покинув тело, улетали и оставались в энергетической оболочке Земли, если их ничто здесь не держало. Ради кого Вероника останется, кто ее привяжет к этому миру, кто будет в ней нуждаться?

— Я буду нуждаться, — сказала Лотта.

— Не смей меня, — сказала Морана. — Даже я, холодная и не нуждающаяся ни в ком, понимаю, что для нормальной человеческой девушки привязка к этому миру — это любовь и потребность в мужчине или ребенке. Ни того, ни другого у Вероники нет. Ее шансы трудно определить, но они есть, поэтому вам надо подумать, прежде чем решаться на переселение. Существует много за и много против.

— Огласите весь список, — попробовала еще раз пошутить я, хотя хотелось реветь от осознания полной своей никому ненужности и подтверждения этого факта другими.

— Прости, мы все сказали. Осталось добавить, что совместное пользование телом или почти коммуналка, как называют ее на Первой Земле, не самое лучшее место для жизни. Вы уже чувствуете значительное неудобство, находясь друг с другом, я знаю это, — сказала Морана. — А плюсы такие: ты получаешь бессмертное тело — это раз. Лоттины тетушки определенно возрадуются, так как похороны тела их любимой Лебедушки будет для них невыносимым горем, а так, хоть с чужой начинкой, но она будет жить. Тело Лебедушки прекрасно — это два. В такую красавицу может влюбиться много мужчин, и на той Земле, и на этой. Может, наконец, ты найдешь свое счастье и любовь. Ты сможешь так же, как мы, путешествовать между мирами, пока существует связь, и жить в любом — это три. Если тебя это вдохновляет, можешь летать, как Лотта, у тебя будут появляться крылья, когда захочешь. Еще ты сможешь превращаться в лебедя и тоже летать.

— И у меня будут птичьи мозги при этом? — почему-то спросила я.

— О чем только они думают? — захохотала Морана и хлопьями пошел снег. — Хотя,

если они шутят, значит, не все потеряно. Так что, девочки, идите и подумайте. Ты, Лотта, можешь с Кареном посоветоваться. А мы пойдем посидим возле Алатырь-камня, мудрости и силы попросим, не все мы знаем и не все можем, как думают смертные. Увы. И мы переживаем за Лебедушку, она наша, первоначальная, в ней чистая кровь существ, созданных в начале творения. Ты-то, Лотта, на три четверти человек, тебе этого не понять, но Бог почему-то решил, давая еще один шанс человечеству, использовать тебя.

Мы пошли к Карену и Михелу. Парни волновались. Рассказали им кратко о сложившейся ситуации.

Карен сразу сказал, что не будет ничего советовать, что это бесчеловечно — советовать кому-то рискнуть жизнью. Вероника должна решать этот вопрос для себя сама.

И добавил:

— Даже если она останется с тобой, Лотта, думаю, мы научимся жить дружно. А если вы решите разъединиться, то, любимая, ты знаешь, как ты мне нужна, и я никуда не отпущу твою душу, только вместе со своей, как ни пафосно это звучит. Я не смогу уже спокойно существовать без тебя. Нас связало что-то крепко и навеки, поэтому повторюсь — я не отпущу твою душу.

— Да, есть стих, который я любила в юности, почему-то отождествляла смысл стихов со своей жизнью и доотождествлялась, привязала свою судьбу к словам, они стали действительностью: иду я «в никуда и в никогда, как поезда с откоса». Полная версия стиха, мальчики-девочки, такая:

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Анна Ахматова

Наступило тягостное молчание. Я думала. Лотта, пытаясь меня утешить, рассказывала мне, каково это быть и жить в слоях, да и я помнила ее ощущения. Рассказывала правду про неприкаянные души, про души просто безликие, опустошенные, блуждающие и живущие в чужих ощущениях и информации слоя, куда попали. Но есть и души вполне счастливые и активные в поисках своих будущих тел. Как будет с моей душой? Просто так раствориться не хотелось, а хотелось побыть собой, получить возможность продолжения себя. «Себя» — хорошо сказано, а какая я, что в себе продолжать или зачем себя продолжать — не поняла. Моя жизнь пролетала передо мной в красках и фактах. Неприкаянная, неправильная, больная, изломанная, иногда счастливая, но не так часто, как хотелось бы. Но ведь я выстояла, осталась собой, смогла стать и самодостаточной, и сильной. Смогла. И что лучше: потерять все это и начать жить сначала или продолжить эту жизнь? Попробовать, наверное, надо, вот только бы быть кому-то нужной.

А потом пришла злость на себе. Почему это я настраиваюсь, что переход не получится? Тут три богини обещают помочь, да и бонусы хороши, красивое бессмертное тело. Кстати, а как это — быть бессмертной? Лотта вот, оказывается, бессмертна, но не так, как Лилит, которую нельзя убить. Она просто будет жить долго-долго, если ее не убить. Но она почему-

то не озадачивается вопросом, какво это — жить бесконечно долго. В молодости все априори считают, что смерть — она не для них, и когда они состарятся, то придумают эликсир бессмертия или случится чудо, а чаще вообще не задумываются и живут.

— Вероника, — вдруг услышала голос Михела, — можно, я буду тебя называть Вера, или лучше Веро, мне больше нравится? Хочешь, я буду нуждаться в твоей душе и не буду хотеть ее отпустить?

Этот, казалось бы, невинный вопрос вывел меня из себя. Я и так была на взводе. Мне стало за себя обидно. Решать надо сейчас, а он что, будет готовиться хотеть меня удержать? Поэтому я спросила:

— А когда ты созреешь до того, чтобы захотеть меня удержать?

— Да я и сейчас готов, а что?

— Мы с тобой торгуемся — это здорово. Зачем тебе это? — я закипела. — Я не дубль Лотты. Ты это понимаешь? Это мерзко.

Махнула рукой и продолжила тираду.

— Сумбурные слова, но суть понятна. Если я пообещаю тебе что-то, то ты сейчас будешь удерживать мою душу. А если нет, то катись-ка ты, Вероника, в ж..., то бишь слои. Да уж, ты оказался достаточно прагматичен для романтика.

Михел разозлился.

— Ты все извратила. Я буду стараться тебя удержать, даже если ты ничего не пообещаешь, я и не просил обещать что-либо, сама решила. Просто спросил, хочешь ли ты, чтобы я нуждался в твоей душе, и ничего большего. Вероника, поверь, моя душа будет держать твою. Я не такой уж я мудака, честно. Наверное, я устал мечтать бесплодно об одной девушке, которую, как понял, совсем не знаю и совершенно не нужен ей.

— Это невероятно мерзкое предложение, но именно потому, что оно честное, я согласна. Тогда вопрос решен, мы пробуем, — проговорила я Лотте.

— Решен, — ответила мне Лотта. — Пойдем к богиням. Только знай, я тоже нуждаюсь в твоей душе, что бы ни говорила Морана про мужчин и детей, и буду пытаться ее удержать, ты для меня больше, чем сестра, ты стала частью меня и очень нужна мне.

Она была расстроена не меньше меня, мысль о возможных потерях приводила ее в отчаяние, но мы решили настроиться на оптимистический лад. Была — не была.

Люди, не ведая, что будет на самом деле, говорят: «все будет хорошо!», и что-то подобное говорили мы, то ли прощаясь, то ли подбадривая друг друга: «у нас все получится, я смогу помочь тебе в твоей задаче с переселением, тело бабушки будет жить, кругом одни плюсы, будем пытаться».

Обряд был странен: Богини посмотрели на таких решительных нас. Кивнули и сосредоточились.

— Подойди, ляг и возьми за Алатырь-камень, — приказала Морана и начала свое действие.

Сразу стало очень холодно. Луна зашла за облака, скрывая свое лицо, чтобы не видеть вихри, окутавшие фигуры двух девушек.

— Смерть придет и очистит, заберет лишнее, поменяет существующее на несуществующее. Я Морана — Смерть, смотри мне в глаза. Что ты видишь? Разве ужас? Нет, покой и новизну. Мы рождаемся на свет, умирая для жизни во чреве матери. Мы любим, умирая для себя и рождаясь для Нас, через смерть, через отрешение, через боль и страх, и, отрекаясь от себя, получаем истинное в новой жизни.

Вихри еще раз взметнулись вверх, холодный обжигающий воздух ворвался в легкие, и тысячи ледяных застывших брызг повисли вокруг, делая его еще более обжигающе холодным. У меня горело все внутри, выжигая ледяным огнем связь наших душ, отрывая душу от тела, вырывая из прочных глубин сознания, перемещая в неизвестное, неизведанное.

И слышался голос, что говорил внятно: и сказал Господь «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а отдавший душу свою.... сохранит ее в жизнь вечную».

Моя душа оторвалась от Лоттиной и рванулась вверх, в небо, но две души потянулись к ней, раскрывая свои теплые объятия. Я узнала души Михела и Лотты и не захотела расставаться с ними, легким облачком соскользнула в их руки и тут ощутила еще одни руки, заботливые и умелые, они забрали душу у ребят и понесли куда-то, как акушерка новорожденного.

Услышала:

— Я, Лада-Жизнь, принимаю душу Вероники и вселяю ее в новое тело в целостности и невредимости, даруя радость существования на Земле.

Холод оставил меня, и тысячи мотыльков радостно запорхали внутри, разливающееся тепло окутало, казалось, все вокруг, заполнило все фибры моей души, заиграло музыкой свирели, переходя в громкие жизнеутверждающие удары колоколов.

Потом я ощутила прикосновение еще одних рук. Они опустили меня в море, потом, оmyв, поставили на землю, и я почувствовала себя собой, впереди передо мной была дорога, а на дороге лежал клубочек.

— Я не привязала нить твоей жизни ни к чему, вон она, скатанная в клубок. Я не вставила ее в рамки своего ткацкого станка, не буду сама и дочерям Доле и Недоле не дам ткать полотно твоей жизни. Я создала нить твоей жизни и скрутила ее в путеводный клубок. Знай, когда нужно, он поможет и побежит вперед, указывая путь, но, думаю, путь ты и сама сумеешь найти, вы ведь с Лоттой породненные души, а она — путница.

— Все уже завершилось, и хорошо завершилось, девочка, — услышала я спокойный голос Лады. — Жизнь продолжается.

Лотта бросилась меня обнимать, богини улыбались, и даже у Мораны была вполне человеческая улыбка. Карен и Михел как замороженные смотрели на нас и тоже улыбались, только руки у них явно дрожали. Вот так.

— Спасибо, — сказали мы с Лоттой хором.

— Нам нужно прощаться, — сказала Макошь. — Карен, ты можешь отправлять корабли. Стрибог поможет быстро пересечь океан. Но люди с этой Земли не должны контактировать с перемещенными с Первой Земли, за исключением тех, кто был знаком с вами по «Приюту Нужных Путников» и Переслава, вы его Славой зовете — они избранные. Возможно, еще один человек будет допущен, но это как судьба сложится. Лотта, скажешь Переславу, что нужно по его и Коцея усмотрению оборудование он может заказывать, но без излишеств. Просите у Бога мудрости в этом деле и хорошо продумайте, что стоит развивать на новой Земле, а что нет. Сами понимаете, стремление к безграничному потреблению, неконтролируемая рождаемость сгубили Первую Землю. А еще и зависть с ненавистью. Вечные Каин и Авель. Человечество должно найти новый путь жизни — без безумной конкуренции, без ненависти и во взаимной помощи. Да, — усмехнулась Макошь, — это легко сказать, но говорю. И никакого огнестрельного оружия. И еще важно иметь в виду —

длительность переселения неизвестна, все может кончиться в любой момент или не кончиться. Он не любит оглашать времена и сроки, но пока на вас Его благоволение. Дерзайте. Свидимся. Прощайте.

И они пропали.

Я новыми, не своими глазами смотрела на все, что вокруг: на Лотту, которую первый раз увидела со стороны, на Карена, что прижимал ее к себе, как самое драгоценное в его жизни, на Михела, что не сводил с меня задумчивого взгляда, и на Кота, что взирал на действо, сидя на Дереве. Мне было легко и даже уютно в новом теле. Жизнь продолжается.

Лотта

Веронику оставили на острове знакомиться ближе с тетушками, утешать их и привыкать к новому телу. Ей надо было также попытаться освоить навыки управления крыльями, а мы с Михелом и Ветром опять летали над Америкой. Михел больше не смотрел на меня большими глазами, и это радовало. Что заставило его успокоиться — не знаю, но мне это нравилось.

Мы не отсняли и половины объектов, что планировали. Все оказалось не так быстро и просто, как хотелось. Но кое-какие снимки давали впечатление об этой Земле, какой она есть в отсутствие человека. Мне она нравилась безлюдной и было жалко ее заселять.

Мне пришлось по душе идея заселить людей в те же места, где были произведены первые поселения европейцев, то есть во Флориду и Вирджинию. Места мне понравились. Природа их сильно отличалась, и это хорошо. И еще — они были ближе к материку, где жило коренное население планеты. Кроме того, корабли с питанием и животными, подготавливаемые к отплытию Кареном и Ко, не смогли бы обогнуть весь континент и причалить на западное побережье.

— Лаки, перемести нас в место, что зовут на Первой Земле Вирджинией, хочу посмотреть и почувствовать, нравится ли оно мне.

— Мне нравится, — шепнул Лаки. — какие проблемы?

Вскоре мы оказались на берегу реки, а вокруг нас расстилались леса, в которых были различные лиственные и хвойные породы. Много леса — красивого, дикого, частично уже без листьев, а частично в яркой осенней листве. Люблю осень. Я узнала многие деревья, но некоторые были не такие, как у нас дома. На реке стояли бобровые хатки. Посидев тихо, мы заметили выдру и еще какого-то зверька.

— Это ондатра, ее можно есть и у нее хороший мех.

На глади то и дело шли круги, то плескалась рыба.

— Тут много панцирных щук и ушастых окуней, — сказал Михел. — Пищут, что местные реки очень богаты рыбой, кажется, обитает около 200 видов рыб. Переселенцам будут очень нужны удочки. Пойдем, прогуляемся немного по лесу.

— О, это самое замечательное предложение, которое я слышала за сегодняшней день. Конечно, я согласна.

— Тут полно зверья, но надо быть осторожными, здесь живет много медведей, и они опасны.

— Меня обойдут, я умею с ними общаться, — вспомнила свои встречи с бурыми красавцами.

Осторожно, чтобы не спугнуть зверье, мы углубились в лес и сразу наткнулись на самца

оленья с красивыми рогами. Михел быстро его сфотографировал.

— Смотри, у него белый низ хвоста, его называют за это белохвостым, красивый. Тут и благородный олень, как в наших лесах, есть. Из крупных животных здесь обитает персильванский бизон, он похож на нашего зубра, но мне жалко, если на него будут охотиться.

Да, зверья много — встретили и зайцев, и бурундучков, кто-то шумно убежал от нас, ломая кусты — наверное, кабан. Михел увидел смешного полосатика и назвал его енотом. Симпатичный. Надеюсь, не пропадут с голоду наши переселенцы.

— Все равно без разведения домашнего скота нам не обойтись, — вздохнула я. — Сколько же всего надо, чтобы прокормить двадцать тысяч человек! Одной охотой не обойдешься. Хорошо, что решили для подготовки основного переселения отправить сначала пятьсот человек. Может, пятьсот в Вирджинию и пятьсот во Флориду? Еще будем думать. Вирджиния мне понравилась, будем, наверное, заселять людей в эти края. А как они это место назовут — уже не мое дело.

— Слетаем на побережье, — предложил Михел, — там чудесный залив. Я был там, не на этой Земле, правда. Хочется посмотреть на него в диком виде. Песчаный пляж тянется на километры. Раньше сюда приплывало много морских черепах откладывать яйца. А в море ловят сельдь, треску, морскую щуку. Уверен, тут они тоже есть, и их добыча позволит прокормиться множеству людей.

Конечно, мы туда переместились. Втроем бродили по безлюдному пляжу. Было довольно холодно, после шторма море выбросило на берег массу водорослей, они валиками отделяли песок от воды и создавали характерный острый запах моря и соли. Спокойно, хорошо так расслабиться, пусть ненадолго.

В пятницу мы возвратились во дворец пораньше — завтра свадьба, а перед этим хотелось побывать на девичнике. Я соскучилась по своим лесным подругам, Мавке и Русалочке. И Микулишну, конечно, тоже хотелось увидеть. Надо попытаться вытащить ее на свадьбу. Лесных девушек во дворец не приведешь, а ее можно постараться уговорить, хотя пойдет ли? Надо ей платье подобрать. Может, она согласится со Славой познакомиться, его не удалось пока в лес вывести. Каждый день с утра до вечера занят. Подумала, как же давно я была в Заколдованном лесу. Или вроде не так давно, но столько всего произошло за это время, что кажется — несколько лет пролетело. Теплая волна воспоминаний прошла по телу. Дела, суета — не так она хороша, эта взрослая жизнь. В лесу было спокойно и ясно, а тут...

Заколдованный лес — прощанье. Лотта

Осенние дожди выписали линии моей жизни. Многие меряют жизнь веснами. Так и говорят: прожил столько-то весен. Моя жизнь меряется почему-то осенью. Осенью она началась семнадцать лет назад в хорошую ли, плохую погоду — мне уже не узнать, но она началась. Осень привела меня в этот мой самый родной заколдованный лес три года назад и поселила в доме Микулишны. Осень родила дорогу, что увела меня из ее домика в путешествие с принцами. Она же вернула меня сюда через год странствий, скорее не меня, совсем другую девушку, которую по непонятному стечению обстоятельств тоже звали Лоттой, а потом опять увела. Крутится стих из Вероникиных воспоминаний: *«Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник — пройдет, зайдет и вновь оставит дом»*. Завтра моя

свадьба. Совсем поздней осенью. Уже дышит Сиве в затылок зима-Морана. Не верится, что свадьба — это со мной\моя. Надо попрощаться с былой жизнью в заколдованном лесу, этого уже не вернуть. А завтра возможности к возврату будет еще меньше: буду уже женой наследного принца, ой, как это громко звучит. Странное и удивительно непривычное какое-то словосочетание: я — жена. Может, убежать от этого всего, пока еще не поздно? У меня еще вечер и ночь на раздумья. Надо повидаться с подругами, Мавкой и Русалкой, и с Микулишной поговорить, вспомнить наше незатейливое, простое существование и проведать заколдованный лес. Но сначала захотелось попасть на опушку и добраться до дома Микулишны пешком по лесу, подумать и побыть немного одной или не одной, но наедине с лесом. Захотелось пройтись по чуть видной тропинке, покрытой ворохом опавшей листвы. Так и сделала. Ступила на тропинку, сразу возникло детское желание пошуршать этими листьями. Услышать жалобу каждого листочка, что вот ему бы еще хотелось побыть зеленым, и так коротка оказалась его жизнь, и он уже закончил отпущенный ему срок, а был молод и красив, а теперь сух и сер, даже красным и желтым побыть удалось не так долго, как хотелось. Услышать, что они\листья мечтали стать вечнозелеными, но не получилось, мечты не сбылись, и они унесены ветром, испачканы землей, на которую пришлось опуститься, и что еще хуже — втоптаны в грязь. Поздняя осень.

Дотронулась до любимого дуба, обняла его. Он поделился со мной силой и успокоил. Листья на нем покоричневели, но еще не опали. Он прожил столько лет, пережил множество листопадов и не унывал каждый раз осенью, становился от года в год только крепче, зная, что придет Сива — осень, и он останется черным и голым, безжизненным, но потом опять будет весна-Леля, радость и молодая изумрудная листва. Осень подводит черту году, но и рождает надежду на новую весну. У всех ли только?

Говорят, девичник, прощание с прошлой жизнью помогает смело вступить в новую. Я пришла прощаться с жизнью девочки Лотты, страшенькой до ужаса, но веселой и беззаботной. А сейчас? Якобы красавица, но не принадлежу себе ни в чем и должна всем и вся: и людям, и нелюдям, и «богам», и Богу. А хочется опять слушать байки Русалочки, смеяться над проделками Мавки и не быть никому ничего должной.

Как там Мавка, как Русалочка? Не заснули ли еще? Что у них?

Так, раздумывая о всяком разном, добралась до домика Микулишны и ахнула. Домик увеличился, у него появилась пристрочка. Небольшая, но ладная, в ней и летом жить неплохо, и зимовать можно. Ой, как интересно, кто в пристрочке поселился и что, им у Микулишны места мало было? Одного человека она бы точно приютила, я-то у нее жила. Тихонько подошла к плетню, любопытство одолевало, но ломиться напропалую не стала, решила присмотреться.

Во дворе рубил и складывал дрова парнишка лет двадцати пяти, может чуть моложе. Вроде, видела его раньше. Дров заготовлено было немало, на зиму, поди, хватит, оценила я количество. Кто же так старается?

Притаилась за деревом, чтобы видно не было, и стала наблюдать за происходящим. В сарай метнулась Микулишна с ведром доить козу, а парнишку, когда повернулся ко мне лицом, сразу узнала, это он за Мавкой Анисьей увивался. И что он тут делает? Парнишка воткнул топор в колоду и пошел в дом.

— А хорош парень, — уважительно подумала я. — Неужели в лесу поселиться решил? Чудеса.

Из дома больше никто не выходил, но было любопытно, что тут происходит и я решила

удовлетворить это любопытство, узнав все сначала от Сильвы, то бишь Русалки Сильведеи. Побежала быстренько к озеру, надеюсь, она не улеглась еще спать.

Возле пня сидели обе мои подруги и о чем-то щебетали. Вернее, щебетала Русалочка, а Мавка слушала и смущалась. Увидев меня, подскочили, видно, что обрадовались.

— Вот так встреча, — кинулась мне на шею Анисья. — Ты все-таки пришла. Тут сороки рассказывали, что во дворце завтра свадьба и одна знакомая нам девушка станет женой принца. Эта девушка нам знакома, вот только навестить нас перед свадьбой не пришла. Мы грустили, что ты нас забыла, но ты все-таки вспомнила о нас.

— У нас есть вечер и ночь, и мы будем веселиться и вспоминать прошлое. Только что у вас тут происходит, кто соорудил пристрочку к дому Микулишны? — спросила я.

Русалочка весело засмеялась.

— Не только у тебя свадьба, наша Анисья тоже решила попробовать человеческого счастья. Лесная девушка из ничейной будет пробовать стать человеческой женой, представляешь себе такое?

Я ахнула. Событие покруче моей свадьбы с принцем, по лесным меркам. Мавка все такая же легкая, как ветер, и прекрасная, как весна, бежит по лесу — не только трава не пригибается, но и листья не шуршат. Никогда люди не роднились с Мавками, они порождение леса, сами суть леса, а тут невеста человека. Как?

— Он уговорил меня попробовать перезимовать с ним в избушке, а не в дупле, как обычно. Говорит, не даст мне заснуть и забыть про него на целую зиму, будет топить печку, согревать меня в стужу и, главное, любить. Ты веришь, что такое возможно, Лотта?

Как удивительно, любовь, даже в заколдованный лес добралась. Когда это видано: Мавка и человек!

— А как зовут жениха-то?

— Филимон. Он хороший, Лотта, и он не хочет, чтобы я спала зимой. Это так странно. Говорит, что лес живет и зимой, и он согреет меня, и я увижу много нового. Рядом с ним жарко, даже когда дует северный Норд. Я чувствую, что не замерзну.

— Ты хочешь увидеть зиму, не боишься Морану?

— Да, с ним не страшно, я чувствую.

— Анисья, а душу твою он привязал к себе? Ошиблась, видать, ты тогда, когда говорила, что вместе не будете. Помнишь, давно ты говорила нам, когда этот парнишка к тебе только присох, а ты от него убегала, не желала на него смотреть даже, а мы его жалели, твои слова тогда помню: «Странные вы, девчонки, а вам меня не жалко? Да я ему добро сделала, ведь ему что нужно — чтобы я рядом была, в избе жила, сначала любила с ним, а потом полы мела. Ему бы мало было, если бы мы в траве покувыркались, ему душу мою привязать надо. Я на такое не подписываюсь, вы же сами знаете, что это невозможно. Так что я его пожалела. Я добрая».

— Тогда мы и не были вместе, а теперь будем. Душу мою он не привязал, это я его душу привязала, а он дух мой лесной сумел уговорить, уговорил- и сам с лесом и со мной душу и дух свой связал. Он теперь наш, лесной. Король ему работу в лесу дал. Он главный лесничий, как твой отец был, Лотта.

— Так ты любишь его, Анисья?

— Любовь — это для меня слова, Лотта, а получилось, я связана с ним душой и духом, теперь, наверно, и телом буду связана, а это смущает. Он ребеночка хочет, но ты же знаешь, как мавки рождаются: когда в лесу что-то очень-очень хорошее случается, на полянке

появляется маленькая девочка с зелёными волосами в прозрачном платье и начинает плести венки. Венки плести её никто не учит, мы просто знаем, как это делать, и про другое все знаем от века.

— Так ты роди ему человеческое дитя, не мавку.

Анисья посмотрела на меня своими огромными зелеными глазами и удивленно захлопала ресницами.

— Так просто, родить? А можно?

— Да, а что. Родишь ребеночка, у которого и душа, и дух будут к лесу привязаны, лес тебе за это только спасибо скажет. А я чувствую, что такое возможно, сама такая была. Привязана я к лесу, а события меня из родной стихии вырывают и на разные сложные и не совсем понятные дела толкают. Не знаю, как справлюсь. Так сложно все: и переселение, и эта свадьба. Как мне отвечать за новую жизнь для целого мира? Какая из меня жена принца?

— Про мир не мне судить, а про жену для принца — да не хуже будет, чем из меня подруга человеческому мужчине. Много странного происходит. У тебя получится с ним жить, и двойня у тебя необычная родится.

— Откуда знаешь? Не привыкла я, что все лучше меня про детей все знают.

— Да знаю, и все.

Сильва почему-то молча нас слушала, но тут проговорила:

— Я буду помогать тебе, Анисья, ребеночка нянчить, это так интересно, буду его плавать учить. Он у тебя перед самой осенью родится, я чувствую.

Анисья ахнула и замолчала.

— А я этого почему не знаю? — спросила она.

— Мы про себя мало чего знаем, а если думаем, что знаем, то потом оказывается, что ошиблись. Про себя трудно что-то знать. Вроде проще простого, а труднее трудного про себя знать. Я тебе буду помогать нянчить сынка, — проговорила Сильва.

— Да и Микулишна, если что, поможет. Женщина она умелая, все знает и умеет, — предложила я

Подружки мои в один голос тут сказали:

— Так уедет скоро Микулишна от нас, очень скоро, этой зимой и уедет.

— Как уедет, она же тут почти всю жизнь прожила, откуда знаете?

— Знаем и все, она еще этого не знает, а мы знаем. Как знали, что ты уедешь, но приходить будешь, а она совсем уедет, может, один разочек только и приедет сюда. Нет ее уже с нами, мы чувствуем, — говорили девушки. — Далекое уедет, очень далеко. Только не говори ей этого, она сама должна решить. Но нет ее среди нас уже, да и была она тут одной ногой.

— Как это одной ногой, когда столько лет лес не покидала?

— Покидать не покидала, а душой привязана полностью не была. Не жила она тут, а пряталась.

— А от кого пряталась то? Кто ее обидеть хотел? Никогда про это ничего не рассказывала.

— Так от себя и пряталась. Боль лесом лечила, да душу и дух свой ему не отдала до конца. Не слилась с ним. Тяжело ей было, отдала бы — так легче бы было, но простому человеку тогда далеко от своего леса не отойти, привязывает. Но Лес ее все равно любил и любить будет, своей признал. Как трудно это объяснить словами, Лотточка. Сама знаешь, и тянет тебя сюда домой, но тебе легче, не простой ты человек — птицедева. А все равно

разрываешься: и к Карену тебя тянет, и без леса трудно. А люди, если душу лесу отдали, он и ветвями, и корнями к себе так привязывает — не бросишь его просто так, не покинешь, большая пустота будет внутри, с которой жить-то почти невозможно. А ты, Лотта, тоже приходи почаще в Лес — к себе приходи. Нельзя отца оставлять, впрочем, ты и мать- Дорогу не оставишь, знаю.

Я решила еще узнать про Мавкино житье-бытье:

— Анисья, а как же ты без зелени да без венков жить зимой будешь?

— Да Филимон все окно в доме цветами в горшочках обставил. Красивые.

— Я тебе еще цветов привезу заморских. Цвести долго будут, и тебе полегче будет, зелень в доме для тебя обязательна. Пойдем, с Микулишной поговорим. Чай с травками поьем. Я тут вам гостинцев привезла. Вкусные привезла. А ты, Сильва, как всегда зимовать будешь?

— А куда я денусь? Одна вот только я. Одна-одинешенька. Осенью следующей теткой стану, а весна придет — весной так любви хочется. Так ведь и не нашла ты моего принца?

Мне стало очень стыдно. Специально не искала, а по дороге не попадался. И где его искать, в каких краях? Поспрашиваю, может, кто-нибудь что конкретное расскажет.

Микулишна была мне несказанно рада. Она немного повеселела, рада, что зиму не сама коротать будет. Мавка с Филимоном рядом, живая душа зимой — это хорошо. Я ее на свадьбу пригласила, все-таки она меня, как мать, уму-разуму учила. Сказала, что и платье для нее припасла. Но она- ни в какую.

— Ты посмотри на руки мои, на седины мои, на лицо сморщенное. Не хочу людей пугать. Найдется во дворце, кому девицу молодую под венец провести, была бы девица, а все остальное не важно. Не хочу об этом даже разговаривать.

Расстроилась я сильно. Не чужая мне Микулишна, но упертая, ни в какую не соглашается.

Потом мы сидели, вспоминали про нашу жизнь, обсуждали нехитрые новости, то про козу, то про грибы, про Русалочки развлечения вспомнили. Что поутихла она и все больше грустная на пеньке своем сидит и про принца мечтает.

Филимон больше молчал, но глаз с Анисьи не сводил, присушила его девка. Одно слово — присушила. А он мне понравился. Основательный такой. Слов на ветер не бросает. Вон пристроечку какую для жизни сделал, дров заготовил, а главное, не побоялся из деревни уйти, на пересуды людские наплевал и лес его принял, своим здесь стал. Да и Мавка к нему привязалась, не дичится. Чудеса!

За столом ненароком обмолвилась, когда про свои странствия и ситуации необыкновенные рассказывала, что встретила на Первой Земле человека по имени Переслав, которого Велесова Охота в другой мир с нашего отправила лет двадцать назад. Вздогнула Микулишна, побледнела и спросила:

— А он жив, правда, жив?

— Жив и тут сейчас, во дворце с Кареном и Михелом делами занимается. С тобой познакомиться хотел очень. Все какую-то Нежану отыскать мечтал, с которой в юности расстался. Хороший человек, настоящий.

Микулишна вдруг побледнела так, что еще немного- и в обморок упадет, и тихо прошептала:

— Не может быть. Это он, — и замолчала.

Поняла, что оттягивать встречу этих людей больше не имею права и под благовидным

предложением, что мне, мол, надо с тетюшками перед свадьбой повидаться, отправилась прямо во дворец к Карену. Схватила Славу за руку, забрала с мальчишника и только сказала:

— Думаю, нашла я твою Нежану. Твоя, да не твоя. Женщина, которую сейчас увидишь, жизнь прожила такую, что не любой мужик справится. Одна в лесу столько лет. Постарайся увидеть в ней ту, с которой судьба развела, сейчас она точно не такая, какой помнишь. Не пугайся, не девушка-красавица будет перед тобой. Но если обидишь ее, не знаю, что сделаю. Она мне за родную мать была, спасла, приютила и уму разуму научила.

Не дала ему опомниться и перенесла его прямо в дом Микулишны без лишних объяснений, сами пусть разбираются, и отправилась напрямиком к тетюшкам, там еще не ночь, может, поговорить успеем.

Переслав

Лотта налетела как вихрь, схватила, буркнула что-то, пригрозила почему-то и перенесла меня в избушку лесную. Вижу, за столом сидят две девчонки, лесные по виду, как понял, мавка и русалка, парнишка, что мавку за руку держит, бережно так держит, и женщина сидит немолодая совсем.

Лотта перенесла меня, а сама тут же развернулась и растворилась в пространстве. Стою посередине небольшой избушки и ничего не понимаю. Зачем я здесь, почему? Она что-то про Нежану сказала.

Женщина немолодая, в платке, побледнела сильно и говорит так тихо:

— Ну, вот и свиделись, свет Переславушка. Присаживайся за стол. Видать, судьба еще раз со мной шутку сыграть решила. Садись, пусть дорога недолга была, а стовбычить посеред хаты нечего. Чай у нас тут с травами, да пироги с грибами. Откушай. За пирогами и разговор легче разговаривается.

Лесные девушки странно на меня посмотрели и заторопились покинуть избушку. Одни мы с женщиной той остались. Неужели это Нежана, что же с ней жизнь сделала?

Так хотел найти ее, а сейчас и слова не могу подобрать. Все не так как-то представлялось. Знал, что она не та девушка-красавица с наивными и ясными глазами, но чтобы так... Больно душу всю навыворот. Нужна ли была эта встреча?

А Нежана и говорит, мысль как почувствовала:

— Видать, нужна была эта встреча, чтобы сердца наши до конца отлепились и свободу обрели. Чтобы старое и надежды ненужные окончательно в прошлом оставить. А ты не так уж сильно изменился, Переславушка, возмужал, а глаза ясные, не замутненные. Садись уже, гость сегодня неожиданный.

Мы долго молча чай гоняли, я пирогов штук десять съел, а рот открывал только чтобы следующий кусок в него положить. Тяжко было. Сидим чужие, и сказать друг другу не знаем, что. Нежана ждала-ждала, когда я начну разговор, да сама и начала.

— Расскажи, как жил-поживал в чужом мире, Переславушка, а то поди пироги уже под подбородок подпирают, а слова к небу прилипли. Не ожидал, что я такой стала? Мечтал девицу-красавицу увидеть. А я вот такой стала. Тебе же чужбина видать на пользу пошла, ишь, какой справный стал.

Я пироги отложил, посмотрел и рассказал немного, чем занимался, как пытался путь домой найти.

— Вот только через двадцать лет чисто случайно Лотта меня нашла и сюда перетащила,

и вот тебя найти помогла. Помнил я о тебе, Нежана, все эти годы и к тебе мечтал вернуться. Только мысль о тебе и грела. Боялся, что ты замужем, что детей куча, что забыла ты меня, а вот что все так для тебя обернулось, не думал. Поэтому и разговор начать не могу. Вижу, больно тебе и мне больно, но мысли, как горох, скачут, и каждая по самому больному так и норовит ударить. Расскажи, как ты-то такое выдержала. Такою жизнь не каждый мужик снести может.

— А мы, бабы, оказывается, народ такой, как кошки: у нас семь жизней, а может и девять, а может, и того больше. Не знаю, сколько раз умирала и жить начинала заново.

— Ты расскажи, может, полегчает.

— Чему легчать, отболело ужо, жених мой пропавший. Суженый, да потерянный. Отболело.

— А выпить у тебя ничего нет? — спросил я. — Да покрепче, а то так и не сможем поговорить, слова все ненастоящие, а мысль произнесенная сразу ложью становится.

В общем, выпили мы самогонки с Нежаной, или с Микулишной, как ее Лотта звала, сначала по рюмочке. Потом не заметили, как и бутыль уговорили. Опосля этого рассказала она мне жизнь свою. Да и то не всю. Так, вехи.

— Как ты пропал, не верила, что такое может с тобой и со мной случиться. Все по знахаркам, по видящим бегала, узнавала, жив или нет. Да врут они все, поганые. Никто ничего путного не сказал, один говорит — баба увела, другой — что помер ты и в земле сырой лежишь. Третий — что жив и скоро вернешься. Никому веры не стало. Каждый день по лесам и деревням сама ходила, искала, все думала, что встречу тебя. Может, память потерял, может, околдовал кто или еще что случилась. Много всего напридумывала. Идет по улице парень какой, бросаюсь к нему: во всех тебя видела. Хромого, косоного увижу — думаю: вот убогий живет, а мой соколик красивый да сильный пропал. Много, говорю, напридумывала. Сердце выгорело, душа выгорела, сама выгорела. Согнуло меня. Из девицы красавицы в бабку старую превращаться начала. Когда на улице меня мальчишки теткой называли, а мне и девятнадцати не было, поняла, уходить надо. Не хотела, чтобы жалели меня. Не люблю этого. Родители все уговаривали, что другой найдется, а какой мне другой нужен? Ушла потихоньку из дому. По свету побродила, тебя поискала. Не нашла, как видишь. Седая совсем стала и страшная, будто сглодал меня изнутри кто. В этот лес пришла, спряталась от себя, от людей. Сначала летом в шалаше жила, а зимой в землянке выживала, по ночам, как собака, на луну выла. Каждый по-своему боль переносит. Потом девчонки лесные да Батюшка Лес помогали выжить. Избушку погода построила. Травками заниматься стала, люди ко мне привыкли в деревне, детвора бабушкой Микулишной звать стала, а мне и двадцати пяти не было. Научилась всему: и дрова рубить, и печку топить, и козу доить, а ведь смолоду у батюшки мне и косу горничная заплетала. И где теперь эта коса? Вот так жизнь с нами, Переславушка, поступила. Не плачу я, разучилась давно плакать-то. Вот Лотта более трех лет назад у меня оказалась. Повеселее мне стало. Привыкла я тут, многому научилась, как уже сказала. Травницей и знахаркой теперь кличут, а я и довольна. Этой зимой Мавка с Филимоном рядом зимовать будут. Веселее будет. Тебя живого и здорового увидела — тоже хорошо. Я каждому дню научилась радоваться. Боль, она лет через пятнадцать отступила, человек, он ко всему привыкает. Отболело — и хорошо.

Я сидел, как молотком ударенный. Вот так две жизни в разные стороны от одной точки разбежались и все удаляются и удаляются, даже не параллельно идут. Сидят, разговаривают почти незнакомые люди, а раньше самыми родными были. Искал ее всю жизнь. Ждала она

меня всю жизнь, а встретились — и понимаем, что у каждого своя эта жизнь вышла, и я в ее избушке случайный гость из прошлой жизни. Приду, уйду, а она дальше жить будет. Ой, плохо-то как, тут и литром самогонки не спасешься.

— Да ты не сердчай, Переславушка, живи теперь спокойно, отпусти прошлое. От тебя польза людям будет большая. Лотте поможешь, девчонка ведь совсем, хоть теперь и мужней женой будет, и матерью будет, а все одно девчонка несмышленная.

— А ты как же?

— А что я? Если раньше не пропала, то теперь и подавно не пропаду, привыкла уже. Говорю, Мавка с Филимоном рядом жить будут, не скучно, люди меня знают, лес в обиду не даст. Хорошо, что свиделись, все точки расставили. Все тайное, говорят, становится явным. Тайна ушла, ты нашелся, теперь спокойно жить будем.

«Спокойно, да не спокойно», — промелькнуло в голове.

— Нежана, если мы рядом будем, может, что изменится?

— Рядом, Переславушка, это еще не вместе. Не суждено нам, видать, было вместе быть. А теперь у меня своя жизнь, у тебя своя. Разошлись наши пути-дороги, разбежались. Та моя жизнь уже и как не моя вовсе, а прочитанная да придуманная. Не вспоминай ты меня часто и к новой жизни привыкай. Повидались — и хорошо. Прошлого, говорят, не воротишь.

— Пстой, прошу тебя, подумай, может, с нами в эту новую Америку поедешь? Травница и знахарка там нужна будет. Лотте и людям поможешь, не все тебе в лесу прятаться. Может, у нас с тобой ничего не получится, но душа у тебя не озлобилась и хочется, чтобы в моей команде хоть кто-то знакомый из прошлого был. Один я в этом мире. Моя-то родня вся повымерла, никого не осталось. А в этот новый мир только Лоттины знакомые попасть могут, ты, думаю, сможешь. Прошу тебя, подумай. Легкой жизни не будет, так тебе к трудностям не привыкать. Подумай, а?

— Да кому я там нужна буду?

— Себе, себе нужна, Лотте и людям, говорю. И мне легче будет.

— Да привыкла я тут, корни пустила, мхом поросла.

— Подумай, Нежана. На меня не сердчай, подумай.

— Ладно, что-то меня больно самогоночка на травах сморила. Иди, я тебя у Филимона устрою, а завтра Лотта за тобой явится.

— Спасибо, только серьезно говорю, подумай, пусть ты и изменилась не по годам. Но поверь, жизнь будет другая и страна другая, и люди в тебе нуждаться будут. И я тебя не забыл. Прошу тебя, Нежана, подумай.

— Нет больше Нежаны, Микулишна я. Той, что была, уж нет давно. Пойдем, Переславушка.

Не успели мы и шагу шагнуть, как воздух задрожал и в дверях появилась Лотта со странным существом, у которого тело было птичье, а голова человеческая.

«Никак легендарная птица Гамаюн», — с восхищением подумал.

Гамаюн посмотрела на меня пронзительным изучающим взглядом, а потом на Нежану и сказала, только к ней обращаясь, как будто и не было меня вовсе:

— Приветствую тебя, свет Микулишна. В неоплатном долгу мы с сестрами перед тобой за то, что спасла нам родственницу, приютила и уму-разуму научила. Прибыла Лотта к нам и рассказала, что ты не желаешь на свадьбу появляться из-за того, что жизнь тебя потрепала и состарила безвременно, спряталась ты от себя в лесу и на люди показываться не хочешь. За помощь твою отблагодарить тебя хотим. Вот подарочек маленький. Скушай, девушка-душа,

яблочко. А потом поговорим.

Глянули все на яблочко. Красивое, бочок красный, аромат — на всю избу. Взглянула птица Гамаюн на нее так, что отказать ей невозможно. Откусила Нежана от яблочка кусочек, потом второй, и тут такое началось, что дивнее дива и не видывал я.

Поначалу рост у Микулишны стал увеличиваться, вроде как выросла Нежана. Потом смотрю- спина расправляться стала, плечи разворачиваться начали. Я лица в этот момент не видел: отвернулась от меня Нежана, на птицу Гамаюн смотрела. Я передвинулся, чтобы виднее было, хоть сбоку посмотрю на чудо чудное. А она яблочко кушает, оторваться не может — видать, вкусное — и ни о чем не думает, так в плод и вгрызается. Смотрю, уже и тело вроде как не старушечье, и грудь появилась, и платье явно тесновато стало в этом месте. На руки глянул, что яблоко держали, а на них, о чудо, кожа, что как пергаментная была от трудов тяжелых, воды холодной, делаться стала упругой и гладкой, ровно как у девушки подростка. На лицо глянул — и обомлел. Платок упал, а на месте редких волос, в пучок собранных, коса русая до пояса, в руку толщиной на спину упала. Щеки обвислые подтянулись, лицо округлилось, кожа — персик спелый, с нежным румянцем. Глянула на меня, а глаза жуть больные.

Поймала мой взгляд птица Гамаюн и говорит:

— Что первым изменилось, последним и повернется.

И опять говорит девушке так ласково:

— Ты, Нежана, яблочко-то докушивай, не просто так я его принесла, нельзя, чтобы хоть крошечка осталась, ты уж и зернышки заглоти.

Смотрю, Нежана и огрызок в рот засунула, а как прожевала, глянул на нее — и рот у меня сам открылся. Вижу перед собой ту самую девушку, образ которой все эти годы передо мной, как картинка нарисованная, стоял. Стоит она такая же молодая и красивая, как когда расстались мы с ней, такая же несравненная и желанная и смотрит на нас удивленным взглядом: чего, мол, на нее так уставились?

Закрыл я глаза. Зачем я ей теперь такой? Жизнь нас развела, разлюбила она меня, выболели у нее чувства ко мне. Рад за нее, только в горле комок стоит. Пойду-ка я на улицу. Лишний я тут. Курить давно бросил, а сейчас так захотелось. Рад за нее очень. Достояна она была такого подарка. Не верил, что молодильные яблочки существуют, а тут сам увидел. Вот уж подарок, так подарок. Молодец, Лотта, уговорила птицедеву помочь Микулишне. Может, и сами легендарныептицы про подарок думали, да не знали, какой сделать. Хороший подарок сделали. Рад я за нее, рад. Может, на свадьбу теперь придет к Лотте, вдруг еще разок поговорить удастся. Так и сидел на крылечке, пока они там разговоры разговаривали.

Нескоро Лотта показалась, глянула на меня и сказала:

— Я тебя во дворец перемещу, а что завтра будет, то будет завтра.

Свадьба. Лотта

Свадьбу ощущала, как дорогу в тумане, и, кажется, ничего не помнила из происходящего. Гостей было видимо-невидимо. Все поздравляют, обнимают. Помню, платье мне Василиса надеть помогала. Красивое платье Лилит подобрала, я в нем на белую лебедь похожа, — так сказала Василиса. Карен тоже красивый был несказанно. Костюм на нем элегантный — одно слово, принц настоящий. Глаза блестят, на меня смотрит, а сам и не верит, что происходит это на самом деле. С трудом помню, как перед алтарем стояли, как

родители Карена нас благословляли, Михел то с фотоаппаратом, то с камерой бегал, снимал, суетился. Тетушки невидимо присутствовали и радовались происходящему.

Меня к алтарю таки Микулишна вела, хотя кто ее так сейчас по отчеству величать будет. Девушка не старше меня, настоящая красавица. Спокойная, правда, только с виду, трудно ей после леса при таком стечении народа себя в руках держать. Славка с нее глаз не сводит, а она свои отводит и печалится. Неужели у них не получится все попробовать начать снова? Трудно это, наверное, жизнь опять вспять пустить. Недолго Нежана на свадьбе и побыла. Чуть еды праздничной на пиру отведала и домой в лес отправилась. Славка ее проводить было кинулся- остановила и сама отправилась. Я шепнула Ветру Удачи, чтобы переместил ее по-быстрому: вижу, что устала она от шума и суеты.

А свадьба продолжала гулять вовсю.

Людей и нелюдей, помню, было множество. Ветры прилетели, богини поздравляли. Подарки складывать было некуда. А я за Карена ухватилась — и ни шагу от него, а он и рад-радехонек. Вечером Лилит фейерверк устроила, вот красота была.

А потом нас отпустили в свадебное путешествие. На отдых дали всего-то три дня. Ветер перенес нас на остров в океане, где, помнится, раньше Есения с Себастьяном целый месяц жили. «А я бы с Кареном там и год бы прожила», — подумала про себя. Пальмы кокосовые наклоняются к морю, песок белый-белый, крабики после отлива в нем норки делают и узоры рисуют. Месяц, как серпик, горизонтально лежит, а не как у нас, дорожка от него тоненькая такая серебрится.

Про крабиков я сразу позабыла, как меня Карен обнимать начал. Люблю его, пусть и принц он, но мой. Хорошо так с ним, с любимым.

По любовь. Вероника

Свадьба и спела свое, и отплясала. Все дипломатические церемонии были соблюдены. Гости со всех близлежащих и даже далеко лежащих королевств и княжеств поприсутствовали на бракосочетании наследника Словении. Тетушки Лотты и мои сестры по крови — я их теперь так чувствовала — поприсутствовали на свадьбе невидимыми тенями, негоже им было показываться на люди. Радовались они событию невероятно. Я, наконец, познакомилась с остальными друзьями Лотты по «Приюту нужных путников». Они прибыли парами, а именно: Стефания и Борислав, Себастьян и Есения; Клевенс и Святослав а также Чеслав, единственный, кто до сих пор не обзавелся своей половинкой. С ним мы много танцевали, а Михел, который бегал то с камерой, то с фотоаппаратом и был страшно занят, как-то странно поглядывал на наши с Чеславом танцы. Он сам только пару раз выпустил аппаратуру из рук и пригласил меня на танец. Танцевать, как положено, не умела, но тело не подвело, двигалось как надо. Прибыли также Кощей и Василиса Премудрая. Всех впечатлила компания Горыныча: пусть он и был в человеческом обличье, но прибыл с двумя своими подружками, Аленушкой и Марьей Моревной. Удивительно колоритная тройца. Горыныч умудрялся при этом делать мне комплименты и все приглашал то прогуляться в сад, то съездить к нему в гости. Девушки нервничали. Спас ситуацию Михел, предложив устроить им фотосессию на природе. Ему удалось утащить эту тройцу подальше от дворца, где Горыныч воплотился в себя — огромного трехголового змея, а девушки позировали на его фоне, обнимая то за могучую шею, то пристраивались в красивых позах на крыле. Проникнувшись своей неповторимостью и прочувствовав любовь подруг, Змей возгордился,

подуспокоился и больше ко мне не приставал, а все внимание уделял своим подругам.

Ветры натащили экзотических фруктов и цветов, и весь зал был украшен орхидеями. Подарков самых разнообразных было огромное множество, в пору было музей подарков открывать. Лаки таки всучил Лотте то ведро жемчуга, что она не взяла во время их первого путешествия на океан, а Бриз подарил им обезьянку, уж не знаю зачем, но публика таких животных ранее не видела и тоже впечатлилась. Было многолюдно, весело, столы ломились от яств. К вечеру танцевали кто как желал, а перед самым отбытием молодых на остров состоялся первый в истории Второй Земли фейерверк. Лилит постаралась. Вот уж удивила так удивила. Люди, хотя их предупреждали, что ничего опасного не будет, пытались сначала разбежаться и спрятаться, но потом долго не могли прийти в себя от невероятного зрелища. Я, конечно, видела фейерверки и покруче, этот был любительский, но очень хороший и дорогой. Молодец Лилит! Она прибыла не одна, а с Ветром Перемен. Он был молод, красив, счастлив и весел, и только присмотревшись, было заметно, что он тихо ревновал ее ко всем смотревшим на нее с восторгами особям мужского пола. Но, как умный Ветер, привыкший за столько лет к ее воздыхателям, оставлял свои эмоции в себе и просто радовался, что в этот вечер она была с ним.

Второй день свадьбы после отбытия молодоженов на остров прошел спокойно, а время ближе к вечеру Кошей превратил в совещание для задействованных в переселении лиц. Выпитое вино благотворно подействовало на процесс мышления, и во время обсуждения было высказано много интересных идей. Свадьба удалась, одним словом.

Я же вечером в воскресенье захотела вернуться на Буян. Тянуло меня туда, не зов души, а зов тела, хотелось посидеть возле Алатырь-камня, все-таки столько лет мое тело не покидало остров, привязалось оно к нему.

Только было я собралась раскланяться и отбыть с тетушками — сестрицами, как рядом оказался Михел и напомнил, что они обещали взять его на денек с собой. Этот хитрец поймал тетушек в благодушном состоянии на свадьбе и уговорил их пофотографироваться на берегу моря. Они и согласились; особенно сильно хотела запечатлеться, конечно, Алконост. А что, живут столько лет, разные художники писали их образы кто во что горазд, кому как видится, и ни одного достоверного изображения. И еще, мол, он, Михел, обещал Кота пофотографировать, так как он фотогеничная личность. На тетушек Михел смотрел уважительно и в разговоре, между прочим, заметил, что устал от суеты, хочется в тишине и покое о жизни подумать. Они и растаяли. Женщины же они в конце-то концов, хотя одна из них точно кремень, вы поняли кто. Тетушки (все не привыкла их называть сестрицами) подхватили нас, махнули крыльями, и мы оказались на острове.

На Буяне сразу почувствовала себя лучше, но даже утром пошла гулять сама, надо было прочувствовать, кем же я теперь стала, что во мне сильнее: кровь бессмертных перворожденных, мое ли сознание или то, что получилось в результате взаимодействия. Гуляла, гуляла, так ничего и не нагуляла, кроме аппетита.

После обеда ко мне присоединился Михел. Он уже отснял птицевед и Кота и был очень доволен материалом.

— Уникальные снимочки вышли, жаль, просмотреть нормально смогу только на Первой Земле, — приговаривал Михел и, посмотрев на меня, предложил:

— Пойдем к морю. Там ракурсы интересные получаются. Мечтаю тебя снять.

— Нет, фотографироваться не буду, мне расслабиться надо.

— А знаешь, какие романтические фото в расслабленном виде получаются? Я так и

вижу тебя, твои волосы, развевающиеся на ветру, поморников и брызги океана в кадре.

Но я была непреклонна: не хочу, и все. Я в себя еще не пришла от этих переселений душ и тел. Они как будто не совместились между собой, не притерлись, что ли. То тело само по себе норовит двигаться, то сознание представляется в чистом виде, свободное от материальной оболочки. Странно так чувствую себя. Разобранная я по частям, не до снимков мне.

— Хорошо, нет проблем, — согласился Михел. — Пойдем погуляем у моря, а то скоро вечереть начнет, тут быстро темнеет. Пойдем.

Он взял меня за руку, помогая прыгать по камням, и потянул к краю моря, к камням и холодным волнам. Воздух был пронизан таким любимым мной сейчас запахом моря, водорослей, можжевельников, рыбы и соли. Начинался отлив и на поверхности появлялись брошенные океаном обитатели. Они пытались удержаться, спрятаться на дне в углублениях между камнями, сохранить свою драгоценную жизнь.

— Совсем как мы: волна удачи отошла — и мы ищем укрытие, чтобы переждать время до очередного прилива. Но им легче, прилив для них все равно настанет, и они знают, когда это произойдет, а мы?

Прилетел Посвист-Хладовейв черных одеждах — ледянящий души Серверный Ветер сын могучего Стрибога; он остудил мое лицо и успокоил своим легким, неожиданным прикосновением.

— Спасибо за заботу, Хладовей, — сказала я тихо.

— Не за что, мы все любим тебя, пусть ты изменилась, но мы все любили тебя, Лебедушка, и будем любить. Мы одной крови.

Ветер растрепал мои волосы и, разобрав их на отдельные пряди, набросил их на лицо, создавая легкую вуаль, закрывающую меня от пронизательных глаз.

— Расскажи мне о себе, — попросил Михел.

Отпустив руки, он аккуратно дотронулся до моих волос, убирая их с лица. Прилив адреналина волной пробежал по сосудам. Что это со мной? Не пойму!

Мы устроились на камнях и молча смотрели на стальные, мерцающие, ледяные волны. Вскоре начало темнеть, вышла луна, а мы также сидели и молчали. Михел набросил на меня свою куртку и прижал к себе, а я не вырывалась, мне было уютно, и я молчала.

«Я бы и рассказала о себе, — думала я, — а что, с чего начать и чем закончить? Что рассказать этому мальчику, который на двадцать лет моложе меня? Моложе меня на целую жизнь. Почему же он интересуется, волнуется меня? Возможно, притягивает к себе своей влюбленностью теперь и в мой образ. Немного похожее я уже проходила в своей прошлой жизни. Зачем тебе, Вероника, опять повторение былого? Или тебе нравится его непосредственность, жажда счастья, повышенный интерес ко всему прекрасному, что он видит вокруг, и его умение заметить это прекрасное среди обыденного? Возможно, талант, который просматривается во всех работах. Или признайся себе: его облик молодого, чувственного, сексуального тела будоражит твою немолодую кровь? А, Вероника? Я строго поправила сама себя: «Тогда уж будоражит кровь не сорокалетней дамы, а кровь кто знает сколько вековой старухи. Не смешно».

— Тебе идеально идет лунный свет, — продолжал говорить комплименты Михел и опять поправил мои волосы. — При свете луны кажется, что ты вот-вот превратишься в лебедя и улетишь. Так хочется запечатлеть этот момент!

— А кроме того, как я смотрю на фотографии, ты можешь о чем-нибудь думать? —

спросила я, пытаясь переменить тему, и получила за это.

— Могу, но тогда я буду думать, как ты будешь смотреться в моих объятьях.

— Михел, не стоит придумывать лишнее. Я не дубль Лотты. Ты такой молодой, такой излишне романтичный. И любишь ты не меня. Не придумывай ничего. Нам, наверно, давнo пора вернуться в терем.

— Ты куда-то спешишь? Когда еще мы так посидим, как сегодня? Я завтра возвращаюсь, а ты сейчас хочешь убежать от меня?

Я кивнула.

— Ты считаешь меня мальчишкой, но это не совсем так. Вероника, когда я попал на Первую Землю, все, что я знал, чем жил, все мои устои, весь мой внутренний мир перевернулся. Новый мир вскрыл и выпустил наружу все, что хранилось непонятно в какой глубине и не было понято и востребовано за ненужностью для того мира. То, что я увидел и чему научился за это короткое время, изменило меня настолько, что, можно сказать, родился новый человек. Ему один месяц и ему сто лет. Потому что во мне все другое, и я чувствую мир, как будто прожил множество лет и как будто увидел его минуту назад. Я, наверно, так и останусь вечным ребенком и буду вечным старцем, в этом мы с тобой чем-то похожи. Да, ты не Лотта, я это понимаю, но это и хорошо. Лотта другая, тинэйджер, моя юношеская мечта, а ты — ты загадка, и у тебя глаза то вечности, то мечтательной женщины, которая боится своих желаний. Я чем-то нравлюсь тебе, я это вижу. Не гони меня. Ты нужна мне, как необходимость дышать и снимать.

— А отчего ты тогда на нее так смотрел?

— А ты ревнуешь, Вероника? — удивился Михел. — Я смотрел на нее, любовался и раздумывал. Тебе смешно, но я научился задумываться. Оказывается, я раньше этого не умел. И я хотел понять и прочувствовать новую Лотту. Она изменилась на самом деле. А главное, в ней появилась ты, и я стал желать узнать тебя и сравнить с образом, придуманным мной раньше.

— Нет, это неправильно, Михел, — сказала я, — так нельзя, это неправильно, — не найдя других слов опять повторила я.

— *«Есть прелесть во всем запретном, что делает его несказанно желанным»*, — сказал Марк Твен и он прав, а мне безумно хочется тебя поцеловать.

Он повернул меня к себе, прижал еще крепче и ненадолго коснулся моих губ мягкими губами, как будто спрашивая разрешение.

— Ты соленая и сладкая одновременно, как такое может быть?

Разум взбунтовался, он хотел продолжения поцелуя и в то же время требовал взять себя в руки и не делать глупостей. Тело взбунтовалось, оно хотело убежать в терем и спрятаться от всех поползновений на его неприкосновенность и одновременно хотело прижаться к этому мальчишке и обнять его, плюнуть на все правила и весь полученный жизненный опыт, на все, и быть или стать любимой.

— Не бойся себя, — тихо сказал Михел. Давай попробуем, у нас получится, вот увидишь.

— А, вот вы где, — вдруг послышался голос, и мы оба вздрогнули и отстранились друг от друга.

— Да не пугайтесь, что я, не понимаю, что дело и тело молодое, горячее. Целуйтесь уже, чего там.

Мы повернулись. На берегу стоял Кот Баюн и ехидно посматривал на нас.

— Я тут обхожу дозором владенья свои и вас, кстати, к слову сказать, нашел, как видно не кстати. Тьфу ты, слова пугаются. Ну да ладно, я пошел дальше, — он махнул хвостом и пропал.

Но я уже очнулась от очарования момента, вскочила и побежала в терем.

— У нас получится, — понеслось мне вдогонку, — вот увидишь.

Утром Алконост перенесла Михела обратно домой, он обещал родителям побыть с ними хоть пару дней перед отбытием на Первую Землю, а я осталась на острове раздумывать над своим аморальным поведением и аномальными ощущениями.

Разум и тело так и не пришли к единому решению, и все оставшееся время, что я была на острове, даже когда училась летать, чувствовала себя маятником, причем амплитуда колебаний мыслей и желаний была максимальная, как в том, так и в другом случае. «Что же делать, Вероника?» — обратилась я к себе. Но ответа не услышала.

Почти конец книги. Вероника

На этот раз с нами на Первую Землю прибыла команда, пополненная мной в собственном теле и Есенией с Себастьяном. У них был культурный шок от увиденного и прочувствованного. Себастьян даже попросил не выпускать его в первые дни на улицу, так как боялся, что виденные волны грехов захлестнут его, и он утонет в пучине непотребства, как он выразился. Да, парню не сладко. Лотта у нас тоже эмпат, так она чувствует общую черноту, а собиратель грехов еще и видит пороки. Не просто собирателю грехов на этой земле, но без него никак не справимся, Лотта просто сгорит, пока всех желающих прочувствует. Было решено, сначала с желающими переселиться знакомится Себастьян, а потом уже окончательный вердикт — брать или не брать — делает Лотта.

Возвращение также ознаменовалось шквалом информации о том, как проходят шоу, размещается реклама, что Лилит стала звездой экрана и популярность проблем переселения стала новостью номер один во всех масс-медиа.

Люди повсеместно дискутировали о переселении. Обсуждались в основном насущные вопросы: очередное ли это рекламное шоу или нет, возможно ли то, о чем говорят с экрана или нет, может ли существовать такая планета или нет, но главное — люди серьезно задумались, возможен ли иной вариант развития человечества или пороки зависть, чрезмерное тщеславие, жажда власти и другие подобные вещи погубят любую вновь заселенную планету и все начнется сначала: войны, ненависть, убийства.

Понятно, на это ответа ни у кого не было. Но то, что это стали активно обсуждать, было только на руку нашему делу.

На следующий же день по прибытию на меня свалилось куча работы. Я разбирала корреспонденцию, отделяла зерна от плевел и вносила в базу информацию о желающих переселиться. Поняла через день, что мне нужна помощница, так много было работы. Жаль, что Есения не сразу смогла подключиться с внесением информации в компьютер, осваивала простейшие компьютерные программы и, скажу, успешно. Их с Себастьяном для быстрого вовлечения в рабочий процесс пропустили через адаптационный барьер, что-то непонятное мне, помогающее быстро освоиться, узнать язык и получить некоторые навыки. Михел, оказывается, его тоже проходил, только Лотта благодаря моим знаниям мира избежала этого довольно болезненного процесса.

Есению, как художника, увлекла живопись этого мира. Она тягала меня или Михела в

музеи в любую свободную минуту. Мне тоже было невероятно интересно, я ведь вживую большинство произведений не видела. Но современное искусство во мне не всегда рождало волну удовольствия, скорее наоборот, отвращения. Не люблю грязь в любом виде.

Однако работа поглощала почти все время, небольшой отдых позволяли себе поздно вечером, когда Михел оттачивал свой оптимизм, угощая нас белым сухим вином или шампанским, при этом повторяя французскую поговорку: «Начинать день нужно с улыбкой, а заканчивать — с шампанским». Отношения у нас с ним складывались сложные и напряженные. У него тоже было полно работы — обрабатывать и монтировать отснятый материал — но он постоянно просил меня о фотосессиях, а я нервничала и боялась оставаться с ним наедине.

Вообще-то нервничали все, даже Кощей с Лилит, хотя она и успокаивала и поучала Лотту, которая переживала, понимая свою особую ответственность, страдала и металась в поисках единственно правильного решения или, вернее, в сомнениях, правилен ли будет ее отбор людей по ощущениям. Тут ей никто помочь не мог и тем более сказать, что это гарантированно верно ощущение.

— Запомни базовое правило мироздания: в развитии человеческого общества нет и не может быть никаких гарантий. И нельзя добиться стопроцентного счастья. Люди будут страдать от разных причин. Страдания существуют и по поводу, и без повода — страдают те, у кого ничего нет и нечего терять, и те, у которых, кажется, невозможно исчерпать запас денег, потому что их накоплено на несколько жизней себе и внукам. Страдают и радуются бездельники и деловые люди. Люди так устроены, ты не сможешь изменить полностью человеческую психику, возможно только снизить свой уровень фрустрации. Твоя задача — облегчить им существование на новом месте, хотя на первый, самый трудный период. Да и в принципе не каждый может быть счастливым и что это такое — счастливый человек?

— Увлеченный работой, которую любит и которая приносит удовлетворение, спокойный, уравновешенный, любимый и любящий, свободный, — ответила, колеблясь, Лотта. — Наверное, много еще что определяет счастье. Конечно, для каждого это свое.

— И кстати, многие люди боятся быть счастливым, как, например, Вероника. Я не права?

— Я, не боясь, я не умею, — быстро ответила я.

— Этому надо учиться, дорогая, как водить машину и чистить зубы, учиться. Сегодня ты имеешь то, что ты делала и думала вчера, а завтра — то, что ты делаешь и думаешь сегодня. Смени установку, позволь себе быть счастливой, позволь себя любить.

— Лилит, ты опять о Михеле. Он же моложе меня на целую жизнь. Он мальчишка.

— Но он тебе нравится, и он уже не ребенок, а необыкновенно талантливый молодой человек. Даже мне с ним интересно сейчас и никогда не будет скучно в будущем, а я много повидала людей. Он не такой, как те, которых ты знала раньше, и что? Это плохо? Новизна никогда не была помехой в отношениях. И обидно: такой няшка, как сейчас говорят, ну ладно, симпатяшка, и ладно, сексуальный парнишка, и не может быть счастлив. Самой, что ли, опять им заняться?

Тут меня как кипятком обдало, и я выдавила из себя:

— Не надо. Я подумаю. Ты что, сводней заделалась?

— Должна же у моей девочки быть хорошая мамашка, а ты ею будешь, так что интерес у меня и корыстный тоже. Михел дочку не бросит, так что воспитывать, судя по всему, придется тебе. А ты брось дурью маяться. Она старше, гляди ж ты? Учись у меня, мне не

скучно. Столько лет прожила — и не скучаю, я умею находить себе развлечения, не ханжествую и люблю жизнь, хотя такое видела, что вам всем вместе, посмотрев все созданные фильмы, не увидеть. Но, отметая прошлое, живу и радуюсь, и вам того же желаю.

— Лилит..., — только и произнесла я.

— Ну, стерва я, продолжай, не новая информация, — хохотнула Лилит и добавила, — не перестарайся со своим одиночеством и самостоятельностью. Быть одиноким, впрочем, — это значит дожидаться того, чего ты действительно ждала. Ты дождалась, рекомендую — Михел.

— Сводница ты, Лилит, — буркнула я опять.

Лилит, смеясь, демонстративно удалилась, а мы с Лоттой остались одни.

— Она права, и я буду рада, если у вас с Михелом получится, — сказала Лота, — я знаю тебя, зря упрямисься. Вроде умнее меня, а ведешь себя как ...

— Как кто?

— Да как капризная принцесса. А еще моя бабушка, называется.

— Вот, сама считаешь меня старой, а туда же — советы давать. Сама-то вон как переживаешь.

— Будешь тут спокойной. Все новое и непонятное, вы умные и серьезные, а последнее слово за мной. Не хочу быть истиной в последней инстанции.

И мы снова попытались вернуться к серьезному разговору.

— Могу только сказать, что слышала раньше. Ты зря все время себя накручиваешь. Состояния полной внутренней готовности к переменам не существует. Никто до конца не готов к поворотам и изменениям. Бесполезно ждать однозначно правильного внутреннего решения, тебе нужно действовать, опираясь скорее на чувства, чем на эфемерную готовность. *«Мы уходим в путь, мы теряем нить, ты теряем суть»*. Лотта, мы справимся с переселением, а вот как пойдет дальнейшее развитие, одному Богу известно.

— Да, только дальнейшее развитие напрямую зависит от того, кого мы переселим, а именно от того, кого я выберу.

— Не только. Еще и от того, как они будут подготовлены к переселению, что будут с собой иметь, как настроены. Мы все к этому прилагаем и руки, и головы. Но ты прочувствуешь правильно, я уверена. Зная тебя, уверена.

Договорить нам не дали. Может, и хорошо, разговоры, бесконечные разговоры, все устали от них. Как ни странно, легче всего было Славе и его команде. У них все было конкретно. Они шаг за шагом комплектовали оборудование, провиант, медикаменты. Еще у него в команде появился хороший сельскохозяйственник. Он занимался подбором семян для посевов, думал о сортах растений, которые нужно выращивать в первую очередь, как, например, сахарный тростник во Флориде, и даже выбирал породы племенных животных. Решил брать по несколько экземпляров производителей свиней, коз, овец, коров, лошадей и мелкой птицы для развода. Некоторое количество животных должны были привезти два корабля со Второй Земли, которые отправляли Карен и Чеслав. Им помогли Стефания с Бориславом. Планировалось, что они приедут немного раньше и будут руководить первыми работами по обустройству до прибытия первых колонистов. Непросто им будет, это их можно назвать первыми поселенцами, а не людей с Первой Земли, хотя партию оборудования, в том числе заграждение и защиту от крупных животных, им отправят.

Тут перед нами возник Михел с просьбой хоть ненадолго ему попозировать.

— Если вдвоем, тоже будет замечательно, две таких модели, закачаешься!

— Нет, Михел, уволь меня, я не в образе, — пошутила Лотта, — мне надо отдохнуть.

— А мне что, не надо? — возмутилась я.

— Ну немного, — попросил Михел.

Он был усталый, но все равно просил, чтобы я попозировала. «Просто мания какая-то у него», — подумала я.

— Ладно, только недолго.

Мы пошли в студию и, пока он готовил аппаратуру, я уселась на стол. Привычка у меня была такая, любила сидеть на столе. Раньше на лабораторном, в свое время привыкла... У нас были страшно неудобные стулья, мы их пыточными называли: посидишь на таком целый день — и спина, и то, что ниже, затекает. Вот я и сидела сейчас на столе рядом со стопками фотографий, болтая ножками, как девчонка.

Михел возник передо мной неожиданно, уперся руками с двух сторон от меня, словно беря в плен.

— Попалась, — так и сказал.

— Ты это о чем? — изобразила из себя ничего не понимающую.

— Хочу тебя обнять, можно? — спросил Михел со странной полуулыбкой — и робкой, и нахальной одновременно.

Но, спрашивая это, он уже притянул меня еще ближе к себе, коснулся губами шеи.

— Много хочешь, мало получишь, — попыталась отшутиться я.

— Да, я много чего хочу. Хочу каждый вечер, засыпая, обнимать тебя, видеть тебя перед собой, просыпаясь каждое утро. Мне не интересны и не нужны другие женщины, Вероника.

Я напряглась и выжидающе на него посмотрела. Михел был страшно напряжен и, видимо, еле сдерживался от чего-то, а потом сказал:

— Пожалуй, фотографирование на сегодня откладывается, давай проедемся на машине, мне сейчас нужна встряска, скорость, драйв. Может, это отвлечет, от того насколько ты мне нужна. Зайдем потом куда-нибудь перекусим, не могу сегодня видеть тебя рядом и не дотрагиваться, плохо контролирую себя. Он сдернул меня со стола, я попала прямо в его объятия, и он поцеловал меня жадно, обжигающим коротким поцелуем.

— Поехали на пляж в Санта Монику?

— Так это не близко, может, попросить Лотту нас переместить?

— Ничего, мы проедемся с ветерком. Просто побудем вдвоем у моря.

Солнце спряталось за горизонтом, тысячи огней покрыли улицы. Мы мчались к океану.

Я вспоминала своих любимых Стругацких. Как они сказали о ней, об этой любви, о нужности другого человека: «*Что это такое — нужен? Это когда нельзя обойтись без. Это когда всё время думаешь о. Это когда всю жизнь стремишься к...*». ...Так ведь всё это можно назвать одним словом — ЛЮБОВЬ!..

Неужели я влюбилась? А как мои установки, как там про сильную и слабую женщину? Вспомнился разговор с Сергеем, моим последним парнем:

— *Мужчина нужен женщине для того, чтобы она была слабой. Сильной она может быть и без него!*

Но у меня родился закономерный вопрос:

— *А с каким мужчиной можно быть самой собой?*

Сергей быстро отреагировал на мой выпад:

— *С тем, которому ты безразлична или не нужна.*

Но я не сдавалась.

— А может, с тем, который принимает тебя такой, какая ты есть?

— Да пожалуйста, Ника, будь собой, кто мешает? Я люблю тебя, хочу жить с тобой, хочу семью, детей, хочу, чтобы ты была рядом.

«Что изменилось, Вероника? То же самое, то же самое», — обратилась сама к себе. Но все не так. Хочу быть с ним, хочу, нечего скрывать, но то, что называется установками норм и морали, держит в тисках. Не положено, аморально. Почему? Кому какое дело. Получается, только мне. Плюнуть? Смогу ли потом не загрызть себя?

Мы приехали на пляж, скинули обувь и погрузили ноги в песок. Еще чуть теплый, приятно. Задала сакраментальный, такой значимый для меня вопрос Михелу:

— Скажи, с каким мужчиной женщина может быть самой собой?

— С тем, который любит, — не задумываясь, ответил Михел. — Поверь, мне не нужно, чтобы ты готовила обед, подавала мне тапочки, стирала и гладила одежду, мы это все устроим. Просто будь рядом — живи и дыши, занимайся тем, что любишь. Мне нужна ты любая: сердитая, веселая, серьезная, взбалмошная — любая.

Рядом было море, вернее океан, Тихий океан. Чего только один прибой стоит! Шумит океан. Воздух наполнен ни с чем не сравнимым запахом водорослей и соли. Отлив оголил огромную полосу песка, и почти никого. Луна на полнеба. И мы вдвоем. Романтика.

Сама испугалась своей решительности, хватит бояться. Подошла к парню, обняла его, прижалась к груди, положила на плечо голову, и мы так и стояли, обнявшись, пока не устали и сели на песок. Сидели и смотрели на море, Михел прижимал меня к себе, а мне было уютно и спокойно.

— Ты больше не будешь избегать меня? — тихо спросил Михел, коснулся губ, и нас сорвало.

Мы стали целоваться так, как будто это был последний день нашей жизни.

— Поедем домой, — попросила я Михела, — тут мало народа, но он присутствует, а я по природе не латиноамериканка, секс на пляже не для меня.

— А не на пляже?

— На что ты намекаешь?

Меня донесли до машины на руках. Секс в машине мне казался раньше вульгарным. Но любовь в машине была замечательной.

Потом перекусили в прибрежном ресторанчике, поболтали ни о чем и отправились далеко за полночь домой.

Возле дома Михел очень авторитарно заявил:

— Будем жить вместе, хочу просыпаться рядом с тобой и видеть тебя каждый день, как уже говорил раньше. Ты не против?

Вопрос был скорее риторический, так как явно не предполагал возражений.

— Деспот и тиран, тихо прошептала я в рубашку, обнимая его за шею.

— Да, влюбленный в тебя деспот и тиран, а еще безумно влюбленный в тебя бывший принц, а теперь свободный почти художник, или как хочешь меня назови.

Все возвращается по спирали, пронеслось в голове. Слава богу спираль восходящая, и это более высокий виток. Тот мой парень из прошлого был свободным фотографом, но нет, он был другим. Может, я не дождалась, когда он вырастет? «Но нет, — опять сказала себе, — таким, как Михел, надо родиться, каждый имеет, что имеет».

— Завтра перенесем твои вещи, а сегодня дам тебе свою футболку для сна, а еще лучше без футболки обойдемся, мы ведь не на Буяне, не на севере.

Тихо, стараясь никого не разбудить, хотя кого можно разбудить в таком огромном доме, поднялись к комнате Михела. «Вот ты опять и попалась, а он настырный. Как долго я ему не надоем, или он мне?» Мысль, что он надоеет, отбросила, с ним было интересно и весело. А я ему? Но тут он меня удивил.

Он поднял меня на руки и перенес через порог. Потом метнулся к полке с книгами, что-то схватил, вернулся ко мне и картинно упал на одно колено.

— Я долго тренировался, так как никогда не делал предложения. Вероника прошу тебя, стань моей женой — и протянул колечко с камушком.

Я ахнула. Вот дела, не ожидала, ну роман — туда-сюда, но так серьезно? Я не думала об этом.

— Ты боишься серьезных отношений? — тихо сказал Михел.

— Да, — тоже шепотом сказала я.

— Напрасно, других у нас не будет, только серьезные. Я парень серьезный, намерения у меня серьезные и завтра можем попросить Лотту переместить нас в Лас Вегас где расписывают сразу в тот же день. Ты хочешь?

— Ты ненормальный.

— Нет, я все узнал. Там только нужно явиться в суд мерии в — Clark County, который находится в Даунтауне, и обратиться в подразделение Marriage License Bureau. Там нужно заполнить заявление Marriage License Application и обратиться с ним к клерку. Стоимость оформления — \$60 при оплате наличными. И мы с тобой — муж и жена. Я совершенно серьезно, поехали.

— Нет, ты точно ненормальный. Куда нам спешить?

— Это ты бессмертная и не будешь стареть, тебе некуда спешить, а моя жизнь не такая длинная, я постарею, стану страшным, противным тебе, но я хочу прожить ее с тобой столько, сколько мне отпущено, и хочу все это время быть с тобой.

— А родители, а тетушки, как они?

— О! Значит, ты согласна и тебя только смущает антураж. Так ты принимаешь колечко? Михел быстро сам надел мне его на палец. Я стояла и хлопала глазами, так быстро никто не менял в мою жизнь, разве что Морана с Майей.

— А поехали.

Что-то во мне толкало на эту авантюру. Хотелось сказки и любви, как в сказке. А Михел мне нравился, и в машине с ним было очень хорошо, я вспомнила и покраснела. Ночь была восхитительной. Я проснулась, прижимаясь к боку моего жениха, вот ведь слово какое, странное. Думала ли, что так будет? Никогда не могла представить себя в столь своеобразной ситуации, хотя столькоза месяц произошло, а я все удивляюсь. Пора привыкать, но женой стать сегодня? Нет, все-таки завтра, надо хоть платье себе купить. Пусть не белое свадебное, но хочу быть красивой.

Мы спустились в холл, где все понимающе посмотрели на нас. Я покраснела, но Михел опередил меня и сразу произнес:

— Мы собираемся расписаться, хотелось бы сегодня, но у всех уже есть планы на сегодняшний день, поэтому переносим все на завтра. Кто хочет с нами в Лас Вегас? Лотта, перенесешь нас туда?

Тут все тихо ахнули и бросились нас поздравлять.

Лотта обнимала нас, Лилит чмокнула меня и Михела в щечку и сказала, что рада и гордится тем, что мы наконец решились, Есения и Себастьян смеялись, а Кощей как всегда

был серьезен и пожал Михелу руку, а мне улыбнулся и чопорно сказал:

— Не ожидал так скоро, но рад несказанно. Вы чудесная пара, но на свадебные гульки времени нет. Как хотите, больше трех дней свадебного отпуска не получите.

— Тиран и деспот, — повторил мои слова Михел, — но и за три дня спасибо. Я закажу на завтрашний вечер тихую кафешку, отпразднуем без излишнего шума, а уж у родителей, может, поболее народу будет.

Совсем недавно подсмеивалась над переживаниями Лотты, которая нервничала в преддверии свадьбы, а теперь сама. Хорошо, что это так быстро произойдет, меньше нервов. Сходили с Лилит по магазинам. Выбрали чудесный, не сильно броский светло-бирюзовый наряд, а легкий макияж сделаю с утра — и все, можно будет отправляться.

Лас Вегас поражал своей суетой и помпезностью, но расписали нас быстро и вечером нашу свадьбу тихо отметили в кругу друзей в небольшие ресторанчике. Михел был в белом костюме, который безумно ему шел к его темной шевелюре. Карие глаза лучились, а улыбка была самая замечательная изо всех, которые я видела. Все говорили, что я с Михелом и Лотта с Кареном могли быть выдвинуты на самые красивые пары в мире, вот только в каком мире? Так я стала мужней женой во второй раз и последний при жизни Михела, как он сказал.

Три дня отдыха, а потом опять работа.

Наконец мы стали подбирать реальных претендентов. После просмотра ЧЕГОЖОГО???: \претендентовСебастьяном и выявления ИХ??? пороков Лотте работы было значительно меньше, но все равно она очень уставала. На каждого человека у нее уходила масса времени, она и беседовала с ними, и просто просила что-нибудь [u1] сделать, даже попеть, кто умел, и смотрела, погружаясь в свои ощущения. После просмотра десяти человек ее укладывали спать, так она уставала. Но все же была отобрана первая сотня переселенцев. Я все приставала к ней, по какому принципу она отбирает, но она так и не могла описать словами свой критерий отбора.

— Я так чувствую, — только и говорила она.

Мне было непонятно. Жаль, что нельзя опять побывать у нее в голове, как раньше, узнать, и проанализировать. Впрочем, ребята действительно были приятными, солнечными. Много семейных пар или пар, которые собирались пожениться. Молодые, романтические, веселые, оптимистичные, здоровые. Большинство любит мастерить что-то своими руками. Нашлось даже двое с почти абсолютной памятью, будут, если что, вместо энциклопедии или Википедии. С отобранными сразу начинал работать Слава и его ребята. Отправляли в лагерь для обучения выживанию в диких условиях. Они не ныли, хотя гоняли их как сидоровых коз. Там же они проходили курсы, которые вел Кощей и еще один психолог по умению разрешать конфликты и жить в тесном содружестве. Я называла их курсами кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно».

А меня занимал вопрос, что за личности поедут на новый континент и что будет с ними, когда все обустроится? Сейчас они рядом, все хорошие, но большое видится на расстоянии, как они будут там на необжитом континенте?

Как-то ко мне в компьютерную заглянула Лилит и я пристала к ней с вопросом, как она относится к людям, что отобрала Лотта, какими они ей кажутся?

Лилит посмотрела на меня своими бездонными вечными глазами, такой взгляд можно было у нее заметить крайне редко, только когда она не прячет свою сущность за игрой в ехидную и стервозную даму.

— Вероника, ты молода, но в тебе теперь древняя кровь, я чувствую тебя извечно своей. Но ты мне нравишься не только поэтому. Ты умеешь задумываться и любишь думать, хотя и страдаешь чрезмерной рефлексией, но одно без другого не бывает. Тебе нужно знать и понять то, что обычному человеку знать неинтересно и необязательно. Необязательно в смысле, чтобы быть счастливым и успешным. А лучше вообще не знать, если хочешь быть успешным по понятиям этой земли.

— Это плохо?

— Нет, что-ты, но это не делает человека счастливее. Понимание того, что происходит вокруг, не радует меня, но я на многие тысячелетия научилась смотреть на это как на погодные явления: если идет грозовой фронт, то дождь неизбежен. Если раздувают ненависть, истерию и человеконенавистничество, то быть войне. Иисус говорил: *«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам...»* Матф. 24: 6–7. Так и сейчас.

— Так ты не веришь в то, что Лотта отберет людей, которые создадут новую, менее жестокую цивилизацию, и она сможет долго существовать без войн и ненависти?

— Исходя из своего опыта, я могу сказать: в травоядность человечества я не особо верю. Но ты посмотри на Лотту. Она светлая, простая, свято верующая в добро. Кого может отобрать такой человек? Таких же, как она. Простых светлых людей, комплементарных ей самой. Людей, которым нравится путешествовать, растить сады, цветы и тыквы, ловить рыбу, смотреть, как живут животные, любоваться и любить природу, фотографировать, как рождаются и растут котята, щенята и умиляться этому.

— Разве это плохо? — опять спросила я

— А я разве говорю, что плохо? Отлично. Этот мир сможет просуществовать долго и счастливо, радуясь трудовым успехам и успехам своих детей. Пусть только подольше в нем не будет зависти. Помнишь, мы пытались разработать кодекс коммуны и у нас не получилось — слишком много нельзя, а где тогда свобода? Но некоторые извечные заповеди я бы оставила.

Не убий.

Не укради.

Не сотвори себе кумира.

Не судите, да не судимы будете.

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ним.

Почитай отца твоего и мать твою, заботься о них.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не завидуй и желай ничего, что есть у ближнего твоего.

Возлюби ближнего своего как самого себя.

Это девять заповедей. Наверное, и что-то другое, пусть уже сами придумывают.

Я молчала и была оптимистична как пессимист, который принимает антидепрессанты.

— И ты знаешь, что радуется? Пока Лотте удастся отбирать людей с наименьшим количеством ущербных, порочных генов. Я немного чувствую это.

— Как это? — удивилась я.

— После проклятья в райском саду у Адама и Евы несколько нарушился геном, и проявлением этого нарушения было появление Каина. Ущербные гены, они выплывают неожиданно, и от этого нет спасения, только если Господь очистит ЧТО? /землюили начнет

все сначала.

— А ты как, ведь ты не была проклята, твой геном чист первозданно? Почему тогда от тебя нет идеального потомства?

— Ты шутишь? Я же не клонируюсь, а отцы каковы? Они-то с грехом.

— Значит, выхода нет совсем?

— Пока это только отсрочка, может, длительная. Да, думаю, очень длительная, но отсрочка. По-хорошему, наверное, если меня клонируют, а это невозможно, то появятся новые люди с истинным, сотворенным Господом геномом. А пока...

— Но ты не ангел, Лилит, и характер у тебя не сахар.

— То, что я стерва — так это жизнь меня такой сделала, иначе бы психика развалилась, и была бы сумасшедшая полностью бессмертная я.

— А если ты родишь от Чейнджа, Ветра Перемен, то какими будут ваши дети?

— Умненькая ты, Вероника, говорю, умненькая, умешь задавать непростые вопросы.

Она помолчала.

— Этого я и боюсь. У него тоже геном первородного, но не человека, вот я и не знаю, что получится, хотя мне он нравится, и очень. Мы бы давно были вместе, но страх разочарования не пускает меня к нему, я бегу уже много лет, рожаю от сиюминутно привлечших мое внимание мужчин, часто действительно выдающихся, иногда ошибаюсь в их неординарности, но мне страшно начинать новую ветвь человечества, вдруг все не так, как хочет Господь, а он молчит. Я жду, когда он подскажет. Он экспериментатор, Вероника. Великий экспериментатор: с Адамом и Евой, с Ноем и его сыновьями, Второй землей теперь с Лоттой и этим переселением. Мы посмотрим, а пока будем делать все, чтобы получилось переселение.

В марте на переселение отправилась первая тысяча человек. Лотта уже должна была отправляться на Буян, готовиться к восстановлению нормального хода беременности. Устали все, но она была просто молодец, выложились на все двести. Нам нравились отобранные ей люди, отличные ребята. Девушки тоже были, наверное, около трети в каждой партии, те, которые не захотели отставать своих мужей. Слава хорошо всех поднатаскал. Они сам отправлялся на Вторую Землю подстраховать и выяснить, что нужно для жизни еще большего количества людей. Все-таки планировали переселить около двадцати тысяч человек, не сразу, партиями, но никто ведь не знал сроков приостановки переселения, поэтому спешили и не хотели расслабляться. Сейчас отправляли две партии: пятьсот человек во Флориду и пятьсот в Вирджинию. Как уже они потом назовут свои место поселения, не знаю. В качестве оператора на первом этапе ехал Михел, я тоже отправлялась ненадолго, сама хотела поучаствовать в начале жизни на новой Земле, хотя решено было меня быстро вернуть для подготовки следующих этапов. Есения и Себастьян оставались на Первой Земле. Поток желающих все увеличивался, и Себастьяну приходилось с ними работать и производить первичный отсев среди желающих. Нелегко, очень нелегко ему приходилось. К счастью, он научился ставить блоки на свое восприятие грехов и в свободное от работы время ходил по улицам, как обычный человек.

За неделю до переселения в Вирджинии и Флориде на земле обозначили большой круг, стащили туда тщательно упакованные оборудование, медикаменты и животных, разместили людей, и круг с такими же координатами расчистили на Второй Земле. В перемещении участвовали все, кто мог попадать самостоятельно с одной планеты на другую: и Кощей, и Лилит, и наши друзья Ветры, и тетушки, и даже Макошь с Мораной. Переместить нужнос

было много, ну очень много. Момент должна была прочувствовать Лотта, как-никак она путница.

Люди были готовы к перемещению, прощались С КЕМ??? / с родными навсегда. У меня в мозгу крутилось любимое стихотворение Блока, очень грустное, нонемного видоизмененное в моем сознании, оно подходило к моменту и меняло его настроение.

Девушка пела в церковном хоре
О всех живущих в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, оставивших землю свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине смелые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.
«Девушка пела в церковном хоре...» Александр Блок
А зачем возвращаться? Все получится, я верила, без этого нельзя.

Три месяца спустя. Лотта

Когда мы переместили первую тысячу людей, я чуть не падала с ног, сил совсем не было. Хорошо, меня подхватил на руки Карен, прижал к себе и держал, не опуская. Он ждал нас на новой земле с Чеславом, Стефанией и Бориславом. К своему удивлению и радости увидела там Микулишну, вернее, Нежану. Как такую молодую девушку можно назвать по отчеству? Она приехала на корабле вместе Кареном и другими нашими друзьями помогать осваивать новую территорию. Среди переселенцев были врачи, но лишние умелые руки знахарки никогда не помешают.

Тетушки посмотрели на полумертвую меня, взяли за белые ручки и сказали:

— Пока на сегодня твоя миссия закончена. Мы хотим здоровых внуков, тебе нужно на Буян, и срочно. Карен, ты сейчас едешь с нами, но извини, вскорости тебе придется вернуться домой. Тайное должно остаться тайным. Буян — сакральное место, он будет давать Лотте силы, и ты там присутствовать не можешь.

Вот уж я огорчилась, а Карен держал меня на руках и не мог отвести глаз. Мне даже пришлось его утешать, что три месяца — это не такой большой срок для разлуки.

Буян встретил меня ветрами, но они кружились, не трогая нас, и радовались возвращению. Кот Баюн распушил усы и радостно урчал. Прибыла Лада, сняла стазис, и мне

соорудили что-то типа маленького домика рядом с Алатырь-камнем, чтобы была рядом с местом силы. Заставляли первые недели лежать. Но все пошло нормально и через два месяца я родила двойню. Девочка — вылитая я, а мальчик похож на Карена. Еще месяц мы жили в этом домике, но я скучала. Так хотелось увидеть Карена! Наконец, получив высочайшее соизволение тетушек, отправилась к мужу.

Хорошо представила дворец и оказалась на пороге. Странно, что Хи стоял на входе и как будто чего-то ждал. Вот так просто через три месяца появилась перед Хи с двумя сверткам в каждой руке. Спокойно стала перед ним, меня уже ничего не могло ни испугать, ни смутить. Девочка, которая боялась дворцов, пропала, я изменилась, повзрослела наконец.

Сказала просто:

— Карен, это наши дети, посмотри. Это наши близнята. Их двое.

Хи стоял столб столбом. Глаза у него были больше блюдца и абсолютно удивленные. Он посмотрел на меня, потом на детей и покачулся. «Не хватало еще, чтобы принц упал в обморок», — подумала я.

— Хи, ау, это наши дети, посмотри. Возьми, они уже тяжеленькие, мне трудно держать двоих.

Я попробовала сунуть детей ошеломленному Хи. Он опять покачулся, и дети остались у меня.

— Мальчик, конечно, вылитый ты, а девочка — сущий ангелок.

Я отодвинула краешек покрывала, и девочка улыбнулась.

— Хи, смотри.

Она была совершенно очаровательна в своем умении кокетливо улыбаться, что и делала сейчас, засовывая при этом маленький розовый пальчик в рот. Сын смотрел на ситуацию серьезными детскими глазами. Он был таким же рассудительным и основательным, как отец. Синие с младенческой поволокой глаза моргали от желания разреветься из-за неясности ситуации и наличия незнакомых людей, но вид у него был абсолютно царственный. Мол, посмотрим, подойдет мне этот человек или нет и чего он так пялится на меня?

— Это невероятно, — наконец выдавил из себя Хи. — Ты вернулась! Невероятно!

— А что тут невероятного? Ведь обещала вернуться. Не удивляйся, вернулась и даже не одна. Примешь нас?

Все-таки принцам часто приходится принимать быстрые решения в неожиданных ситуациях. Он шагнул к нам, попытался обнять сразу всех, но мальчик возмущенно запищал от такой фамильярности.

— Осторожней. Они очень маленькие и нежные. Ты ведь не умеешь еще обращаться с младенцами.

— Не умею, но буду учиться. Давай их сюда.

Я передала ему детей, но Хи как замороженный стоял теперь с детьми на руках и смотрел на меня. Мне даже обидно стало, что дети его так мало интересуют.

— Лотта, я даже забыл, какая ты красавица. И ты вернулась? Ты не уедешь опять?

— Уеду, удеру, милый, удеру, но не так скоро, должна же я научить тебя обращаться с детьми. Прости, но меня ждет работа и никто ее за меня не сделает. Ты не можешь бросить королевство, а я не могу бросить свое переселение. Но у нас с тобой есть время. Я хочу быть просто с тобой, быть просто Лоттой и не отвечать за, что так важно в мирах.

Я привыкла к некоторому спокойствию на острове Буян, где была под защитой всей

родни. Тетки заботились обо мне и детях, а теперь мне надо было привыкать отвечать за детей самой, да и Хи научить. Няньки — это хорошо, но отец — это важно.

— Как ты их назвала?

— Пока никак, хочу, чтобы их окрестили в присутствии отца, и ты им дал имена. Ты придумаешь. Имя — это очень важно.

Эпилог. Десять лет спустя

Мы собрались все вместе недалеко от Вирджинского поселения отметить десятилетие от начала переселения. Название так и осталось, люди не могли просто так забыть родину. Собралась наша команда с мужьями и женами: Я с Кареном, Вероника с Михелом, Кощей с Василисой, Лилит с Чейнджем, Есения с Себастьяном, Слава с Нежаной, Стефания с Бориславом, Клевенс со Святославом, даже Сказитель Любим с Любовой прибыли. Он как писатель и написал всю эту историю. Один, без семьи, у нас остался только Лаки-Ветер удачи, но он ждет свою невесту и, видимо, не напрасно, и Чеслав. Он теперь выбран президентом содружества двух штатов и известно, что одна девушка из последних прибывших ему нравится и мы все надеемся, что он тоже обзаведется семьей и детьми, как мы все.

Рядом на лужайке играли дети от девяти лет и младше. Двое моих близняшек, двое Вероникиных с Михелом мальчиков-погодков и дочка, вернее, дочка Лилит и Михела, но они ее обожали, она так и осталась жить с ними. Лилит наконец сошлась с Ветром Перемен и они раздумывают над возможностью появления потомства. Играя в мяч, носились суперактивные дети Славы и Нежаны. Умненькая дочка Василисы и Кощей учила чему-то мальчишек Стефании и Борислава, а их младшенький еще был на руках у Василисы. В общем, детский сад на лужайке.

Мы праздновали, и было что праздновать. Мы переселили последних недостающих до двадцати тысяч колонистов. Этим последним, вероятно, будет легче. Уже очень много создано и освоено. Мы видели цветущие сады, засеянные поля и стада пасущихся коров и лошадей, аккуратные, уютные домики колонистов и большой дом школы и садика. Это было первое многоэтажное строение, созданное по решению Чеслава. Именно такой дом вышла ему в свое время Клевенс. Но, видимо, надо строить второй, население прибывало. Дети рождались, и родильное отделение не пустовало никогда. Была построена и просторная лечебница, и небольшая контора управления, все бережно вписано в ландшафт, лишнего дерева не вырубали.

Работала большая рыболовецкая артель. В Вирджинии множество рек и озер, богатых рыбой, и море тоже ей изобилует, так что рыбой и морепродуктами колонисты обеспечены.

Наладили добычу угля и соли, добывали руду и отливали металлические изделия, создали даже аналог электронного оборудования, правда, пока собирали из деталей, доставляемых с Первой Земли, но скоро научатся делать свои. Перед всеми была поставлена задача: научиться быть максимально автономными, и люди старались и не зря.

Принцев действительно развело по разным планетам. Карен стал королем и правил на Второй Земле, а Михел и с Вероникой все-таки остались жить на Первой. Михел снял свой первый художественный фильм, он был замечен, одобрен и даже получил несколько премий. Конечно, такого бешеного успеха, как его документальные фильмы про переселение, он не имел, но все же это для него неплохое начало. С ними остались и Есения с Себастьяном. Все десять лет Себастьян был постоянно задействован в работе с желающими переселиться, и

они с Есенией привыкли к новому для них миру. Есения как художница получила призвание, ее картины покупали хорошо и задорого. Чем теперь займется Себастьян после окончания переселения, он еще не решил.

На Второй Земле на новом континенте остался Чеслав, он же там Президент. У него и помощниках Стефания с Бориславом, который занимается вопросами развития. Слава заведует вопросами внутренней и внешней безопасности двух поселений, своего рода министр по чрезвычайным ситуациям. Нежана работает в больнице, делает прививки от малярии, да мало ли у знахарки работы. У них отличная семья, хотя пару лет Нежана заставила Славу за собой поухаживать, привыкла она жить одна, не просто так от прошлого отходишь.

Клесенс со Святославом так и живут в своем «Приюте нужных путников» и, как и раньше, к ней приходят за помощью люди, но теперь у них есть дочка, умница и, в будущем, красавица.

Я с Кареном тоже проживаю на старом континенте, но часто уезжаю. В общем, путница живет то тут, то там. Работы много, но Карен терпит, знал, на что шел. Он тоже иногда ездит со мной на Первую Землю и хочет использовать некоторые технические новшества в нашем мире. О целесообразности их внесения на нашу Землю они часто дискутируют с Кощеем, хотя Кощей всю смотрит фильмы с Первой Земли и пользуется компьютером, много информации накачал и жалеет, что нельзя завести у нас Интернет.

Лотта общается и со своими старыми подругами: Мавкой и Русалкой. Анисья привыкла жить со своим человеческим мужем и родила ему двух сыновей. Лес их принял. Они счастливы.

Не будь я путницей, не отыскала бы принца Сильвы. Оказалась, что та часть души, которую он так усердно искал по миру, и есть душа русалочки, они, глупые, просто это сразу по неопытности не заметили. И хотя принц уже стал королем и был ответственен за свой народ, а Сильва ни за что не хочет покидать свое озеро (трусиха), но каждую ночь он проводит у нее. Я ведь могу настроить путь, особенно для близких людей или нелюдей. Ничего не поделаешь, куда деваться от необходимости помогать тем, кто тебе дорог. Думаю, она сможет родить ему наследника.

Вдруг не из тернового куста, а просто с неба раздался голос:

— Молодцы. Вы справились, срок переселения истек. Тот из колонистов, кто хочет вернуться, сможет вернуться на Первую Землю только в течение недели, объявите это людям, потом только мои избранные смогут перемещаться между мирами. За то, что вы потрудились, вам полагается награда. Все присутствующие на этом месте, кроме бессмертных, получают в награду молодость и жизнь длиной в жизнь Адама, а может, и чуть больше. Ты, Лотта, получаешь титул хранительницы путей между мирами и можешь делать некоторые вещи по своей мудрости, ты понимаешь, — и голос многозначительно замолчал.

Думай, мол, сама.

Голос пропал, и мы потрясенные молчали. Ничего себе обращение и подарки. Мы с Вероникой и Кощеем были безумно рады, так как понимали, каково это, будучи бессмертными потерять своих возлюбленных. А там, может, еще чудо случится, и мы не разлучимся.

Снова раздался голос:

— Мое благословение над этой землей, прибудет над ними благодать Моя. И еще я начинаю новый эксперимент. Это к вам, Лилит и Чейндж. Грядут перемены, ты слышишь

меня Ветер Перемен. Хочу дать свое благословение вашим детям, вы поняли. Назовите их Адам и Ева. Не забудьте. нравятся мне эти имена.

Вы скажете: так не бывает. Бывает!!!

В сказках.

А что такое сказка?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Аннотация

Все переплелось в жизни Лотты. Пришла любовь, но так неожиданно, что сразу и принять то ее трудно. Все до конца неясно и запутано. Оставила одного брата любимого, отправилась в путь с другим к неизведанному острову Буяну, где ждут ее непонятно кто и зачем. Боги посылают новые испытания, имеют на тебя свои планы, но непонятно, как эти планы осуществить. Их испытания настолько странные, что в твоей голове поселяется еще одна личность и надо научиться с ней уживаться. А еще и пророчество появляется, и вообще о тебе ли речь в нем идется? Надо спасти мир, а можно ли его спасти? И кто поможет ей в этой попытке?

[u1]